

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2011

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского государственного университета, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Человек как объект современной филологии

А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации: статья первая	7
А.А. Стриженко. Коммуникативные параметры художественного текста	19
В.Д. Мансурова. Гротескный дискурс повседневности как маркер публичной речевой коммуникации	30
И.В. Рогозина. Homo Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики.....	37
Т.Г. Пшенкина. Гетерогенность оснований психолингвистических моделей перевода.....	48
Е.В. Лукашевич. Технологии воздействия и взаимодействия в региональном политическом дискурсе	58
Т.В. Чернышова. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства)	70
Е.А. Попов. Роль двуязычия в этнокультурной интеграции людей	80
М.Г. Шкуропацкая. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей.....	91
Л.М. Дмитриева. Человек в топонимическом пространстве: событийный стереотип и региональный менталитет	101
О.Г. Левашова. Образ Алтая в русской литературе XIX века	116
Н.А. Гузь. Речевая сфера персонажей в романах И.А. Гончарова.....	128
М.П. Гребнева. Художественная составляющая мифа о флорентийском поэте Данте Алигьери в русской литературе XIX – XX вв.	139
В.В. Десятов. «Чужого неба волшебство»: фрагмент диалога Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама.....	147
А.И. Куляпин. Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов.....	158

Научные сообщения

А.П. Джура. Текст в современной философской коммуникации: проблема типологической идентификации (на материале произведения П.Д. Успенского «Четвертый путь»)	165
Д.А. Ичкинеева. Аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста.....	171
И.В. Коноваленко. Лингвистическая модель концепта «народ» (опыт ассоциативного исследования).....	179
А.С. Ерушова. Явление включения как стиливая примета текста современного русского рассказа.....	185
М.А. Кожевникова. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект).....	192
О.С. Цыдендамбаева. К типологическому изучению эвфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского и немецкого языков).....	201
Со Кен Ран. Эмоционально-оценочная словообразовательная модификация существительных в русском и корейском языках	207
Ю.В. Кобенко. Экзоглосные страты как детерминанта экзоглосного типа языковой эволюции	214
И.Н. Островских. Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева (повесть «Обитатель предместья»).....	219
Е.А. Мызникова. Структурно-семиотический механизм рассказа И. Ефремова «Встреча над Тускаророй»	225
Резюме	236
Содержание журнала за 2011 год	244
Наши авторы	250

CONTENTS

Articles

A.A. Chuvakin. On philological Theory of communication making :First article	7
A.A. Strizhenko. Communicative Parameters of the Fiction Text	19
V.D. Mansurova. Grotesque Discourse of Daily Life as Public Speech Communication marker	30
I.V. Rogozina. Homo Politicus as the Object of Cognitive Medialinguistics.....	37
T.G. Pshenkina. Heterogenic Essence of the Psycholinguistic Models in Translation	48
E.V. Lukashevich. Influence and Interaction Techniques in Regional Political Discourse.....	58
T.V. Chernyshova. Verbal Markers of Insincerity in Dialogue (in Spoken Texts within the Scope of Trial)	70
E.A. Popov. The Role of Bilingualism in the Ethnocultural Integration of People	80
M.G. Shkurovatsky. Synonymic Relations of Words in Russian in the mirror of their Associative Fields	91
L.M. Dmitrieva. Man in Toponymic Space : Event Stereotype and Regional Mentality	101
O.G. Levashova. Image of Altai in Russian Literature of XIXth Century.....	116
N.A. Guz. Speech of Characters in Novels by I.A. Goncharov.....	128
M.P. Grebneva. The Artistic Aspect of the Myth about Florentine Poet Dante Alighieri in the Russian Literature of 19–20 Centuries.....	139
V.V. Desyatov. «The Magic of the Foreign Skies»: A Fragment of Nikolay Gumilyov and Osip Mandelshtam Dialogue.....	147
A. I. Kulyapin «One: Soviet Women in Literature and Culture of the Thirties»	158

Scientific reports

A.P. Dzhura. A text in contemporary philosophic communication : the type identification problem (on a material of the P.D. Ouspensky work «The fourth way»)	165
--	-----

D.A. Ichkineeva. Analytical and Synthetical Strategies of Semantic Space Segmentation of the Text	171
I.V. Konovalenko. Linguistic Model of the Concept «People» (the experience of the associative research)	171
A.S. Yerushova. The Inclusion Phenomenon as a Style Sign of the Text of the Modern Russian Story	185
M.A. Kozhevnikova. Foreign Inclusions as the Component of Artistic Text	192
S.O. Tsydendambaeva. On Typological Study of Euphemisms in Languages of Different Structures (in Buryat, English and German)	201
So Kyung Ran. Emotional and Estimated Word-building Modification of Nouns in Russian and Korean languages	207
Yu.V. Kobenko. Exoglossia Strata as Determination of Exoglossia Type of Language Evolution	214
I.N. Ostrovskikh. Name as an Element of Idyllic Topos in Sentimental Prose by M.N. Muravyov (story «The Suburb Inhabitant»)	219
E.A. Myznikova. The Structurally-Semiotics Mechanism of I. Efremov'Story «A Meeting Over Tuscarora»	225
Summary	236
Issues content for 2011	244
Our authors	250

К пятилетию журнала

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ*

К ПОСТРОЕНИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ: СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

А.А. Чувакин

Ключевые слова: филологическая теория коммуникации.

Keywords: philological theory of communication.

Факт междисциплинарности коммуникативного знания в настоящее время является если не общепризнанным, то широко распространенным. Достаточно сослаться хотя бы на некоторые учебники (учебные пособия) по теории коммуникации (см.: [Основы теории коммуникации, 2003, с. 12; Викулова, Шарунов, 2008, с. 12; Соколов, 2002, с. 19; Яковлев, 2006, с. 8]) и привести названия вузовских учебных дисциплин курсов коммуникативного спектра (таковы, например, философия коммуникации; социология коммуникации; психологическая теория коммуникации; лингвистические основы коммуникативистики; филологическая теория коммуникации и др.). Эта оценка распространяется и на учение о социальной коммуникации¹.

* Материалы семинара, проведенного редакцией журнала

¹Наименование «теория коммуникации» далее используется для обозначения учения о социальной коммуникации в единстве его теоретических и прикладных аспектов. Ср.: [Василик, 2004].

Данная статья входит в цикл общефилологических публикаций автора (см., например: [Чувакин, 2006; Чувакин, 2011; Кощей, Чувакин, 2006]) и ставит своей задачей развитие сформулированного в ряде статей ([Чувакин, 1999; Чувакин, 2009] и др.) тезиса о существовании в системе современного гуманитарного знания филологической теории коммуникации как знания междисциплинарного. Мы отталкиваемся от следующего суждения Г.М. Маклюэна: «...средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2007, с. 9]. Значение этого суждения трудно переоценить, поскольку оно позволяет квалифицировать лингвистическую и – шире – филологическую составляющую коммуникативного знания, являющуюся знанием о средстве коммуникации, не как служебную или не- / малосущественную для учения о коммуникации, но как сущностную. В самом деле, «по Маклюэну», те или иные языковые формы, используемый язык (русский, британский английский, американский английский, алтайский и др.), тот или иной вариант фактуры текста, текстоустройства, речевые и литературные формы и жанры, композиционные формы, наконец те или иные возможности естественного языка (и текста на естественном языке) взаимодействовать с другими семиотическими системами (и соответствующими текстами) обуславливают прежде всего содержательные (включая и смысловые) различия в информации, «движущееся» между участниками коммуникации. Продолжим цитирование Маклюэна: «...”сообщением” любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела» [Маклюэн, 2007, с. 10]. Стало быть, филологическое учение о коммуникации находится не на периферии теории коммуникации, а, полагаем, входит в ее ядро.

В статье первой рассматриваются методологические, теоретические и эмпирические предпосылки филологической теории коммуникации.

Методологические предпосылки. Из совокупности важнейших тенденций современной, постнеклассической, гуманитарной методологии назовем две важнейшие – мультипарадигмальность и междисциплинарность: «приоритет должен быть отдан мышлению, опирающемуся на множественные представления об исследуемых явлениях и процессах» [Бермус, 2007, с. 56]; развитие гуманитаризации научного знания предполагает переориентацию «науки с познания объектов-целостностей на объекты-ситуации и объекты-взаимодействия» [Бермус, 2007, с. 57]. Соответственно исследовательская установка, отмечает современный методолог гуманитарной науки А.Г. Бермус, изме-

няется в следующем направлении: «от научной предметности – к жизненной тотальности» [Бермус, 2007, с. 57].

В русле названных тенденций «узаконивается» возможность рассмотрения коммуникации как междисциплинарного объекта, а междисциплинарность оказывается не недостатком методологии (а именно междисциплинарность нередко вызывает сомнение в полученном результате), но ее преимуществом, которое обусловливается временем и местом исследования. Более того, в таком случае наш объект – коммуникация – приобретает в научном знании статус «открытого», «незавершенного». Так появляется возможность еще одного, филологического, взгляда на коммуникацию, в отличие, например, от лингвистического, который традиционно присутствует в литературе вопроса и задача которого разными авторами усматривается, например, в изучении то проблем вербальной коммуникации [Основы теории коммуникации, 2003, с. 14], информационных каналов [Соколов, 2002, с. 543], то различных видов коммуникации [Викулова, Шарунов, 2008, с. 13]; приведенные оценки означают, что языку (= языковедению) приписывается вполне ограниченная роль в коммуникации (= в теории коммуникации).

Теоретические предпосылки рождаются в зоне пересечения филологического и коммуникативного знания. Речь идет прежде всего о филологических моделях (теориях) коммуникации и коммуникативных моделях (теориях) языка и литературы, некоторые из которых начали складываться еще до возникновения науки о коммуникации.

В теории коммуникации это филологические модели, или, по терминологии Г.Г. Почепцова, осуществившего краткое описание некоторых из них, модели коммуникации лингвистические, литературные, фольклорные. Таковы, например, лингвистическая модель Р. Якобсона, литературная модель В.Б. Шкловского, фольклорная модель В. Проппа, различающиеся способом структурирования пространства коммуникации [Почепцов, 2006]: в центре первой находятся факторы речевой коммуникации, каждому из которых соответствует определенная функция языка, вторая выдвигает «момент формы», обуславливающий воздействие высказывания, третья – функциональную структуру волшебной сказки как одного из типов текста. Приведенные модели показательны для нас как факт признания теоретической значимости языка и литературы (включая – фольклор) в осмыслении феномена коммуникации. Фактически идея Якобсона послужила базой одной из широко распространенных тео-

ретических моделей коммуникации – информационно-кодовой, модель Шкловского лежит в основе одной из версий риторической (в широком смысле) коммуникации, модель Проппа служит основой исследования коммуникативного пространства текста.

В филологических науках функционируют коммуникативные модели. Из авторов, чьим идеям в XX веке суждено сыграть ключевую роль в осмыслении коммуникативной сущности языка и литературы, укажем хотя бы А.А. Шахматова и М.М. Бахтина. Отвечая на вопрос о сущности предложения, Шахматов связал ее с коммуникацией: «...психологическую же основу предложения является сочетание <...> представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем к о м м у н и к а ц и е й» [Шахматов, 1941, с. 20]. М.М. Бахтин сформулировал сущностную идею коммуникации – диалогичность, предложив ее философско-филологическое толкование [Бахтин, 1994]. Возможно, в трудах Шахматова и Бахтина, кроются начала русской филологии как коммуникативистики.

Современная филология, если так можно сказать, насквозь коммуникативна. Достаточно только назвать такие направления в филологических науках, как коммуникативная лингвистика, коммуникативная модель риторики, коммуникативная теория текста, рецептивная эстетика, нарратология. Возникает осознание того факта, что в современной филологии (не в отдельно взятых филологических науках и дисциплинах!) складывается коммуникативная парадигма (см., например: [Язык – текст – литература..., 2011]).

Взаимное тяготение филологии и теории коммуникации в приведенных выше зонах их пересечения к концу XX века усиливается за счет сопряжения филологических и коммуникативных наук с семиотикой (гуманитарной семиотикой) и герменевтикой. В данном контексте значима, например, модель коммуникации У. Эко, опирающаяся на идеи семиотики и герменевтики и служащая импульсом в развитии процессов взаимного тяготения филологических и коммуникативных наук. Приведем только одну иллюстрацию. К.Е. Гайер, исследующая теоретические установки У.Эко и их художественную реализацию в романе «Маятник Фуко», утверждает, что семиотическая интерпретация (как герменевтический метод), которая строится на интерпретантах знаков, дает возможность понимать не только тексты одного типа дискурса, но и гетерогенные взаимопроникающие тексты, связанные сетью интертекстуальных

отношений; а именно к такого рода текстам относится, например, большинство современных постмодернистских романов [Гайер, 2011, с. 44–48].

Таким образом, возникает и развивается общее пространство филологических и коммуникативных наук.

Его основой выступает фундаментальная значимость для обеих наук человека. Ср.: «...интерес, которого заслуживает человек говорящий, в будущем только возрастет. Быть может, лингвистике, при условии, что, изучая язык, она будет считать подлинным своим предметом человека, суждена блестящая будущность, как и другим гуманитарным наукам, с которыми <...> она связана глубинными связями» [Ажеж, 2003, с. 280]. Именно интерес к человеку служит основой складывания коммуникативных теорий филологии и филологической теории коммуникации. В том и другом случае фигура человека выступает в многообразных проявлениях: как говорящий / слушающий, автор / читатель, адресант / адресат, коммуникант-1 / коммуникант-2 и др., что не случайно: фигура человека есть решающий фактор «человекоразмерности» (выражение акад. Ю.С. Степанова) языка и коммуникации, текста и сообщения. В данном контексте напомним тезис Аристотеля – создателя первой дошедшей до современности коммуникативной модели риторики: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается (я разумею слушателя)» [Аристотель, 1978, с. 24].

Общее пространство филологических и коммуникативных наук составляет ряд методологических и теоретических положений и отчасти – понятийно-терминологический аппарат.

Прежде всего это принцип деятельностной природы человека, одинаково значимой и для филологических, и для коммуникативных наук на современном этапе их развития.

В филологии он входит в базу, на которой конституируется homo loquens (HL) как исходная реальность и объект филологии. Позволим себе привести пространную выдержку из публикации, открывшей первый номер журнала «Филология и человек»:

«...HL как исходная реальность филологии может быть выделен из реальности бытия человека только на основе интеграции этих /приведены в цитируемом тексте. – А. Ч./ идей: деятельностная природа человека обуславливает активность его как HL и изменчивость всех процессов, форм и продуктов деятельности; знаковая теория знания предполагает опосредование всех действий HL; символиче-

ская природа человеческого сознания обеспечивает взаимодействие креативных и репродуктивных начал в деятельности НЛ; понимание экзистенциальной природы человека задает открытость и незавершенность НЛ; наконец новые основания человеческой социальности (коммуникативность) требует от НЛ противодействия «экстазу коммуникации» (Ж. Бодрийяр). Из этого следует, что НЛ есть особая реальность, существенными гранями которой являются способность к символизации и абстрагированию, коммуникативные, языковые и речевые способности, деятельность по сопряжению мысли, слова и действия (символа – знака – предмета), что опирается на всю сумму опосредований (социально-исторических, культурологических, ментальных, психологических; бессознательного и сознательного; материальных и духовных; знаковых и символических). В рамках филологических наук возникает возможность построить понимание современного человека – НЛ – как сложного, многофункционального и противоречивого единства, отличающегося стремлением к пониманию “чужих” смыслов и сокрытию “своих”, к коммуникативному сотрудничеству с себе подобными и “братьям по разуму” и уклоняющемуся от такового, открытого для диалога и прячущегося в глубинах аутодиалога, “схваченного” (человека) в процессах его ментальной, языковой и речевой деятельности» [Кощей, Чувакин, 2006, с. 15–16].

В коммуникативных науках принцип деятельностной природы человека является основой современного представления о коммуникации как деятельности человека, опосредованной символами и, по Хабермасу [Хабермас, 2000], опирающемуся на строгие нормы, которые, как замечает Б.В. Марков, интерпретирующий концепцию германского ученого, признаются сообществом совместно живущих и общающихся между собою людей [Марков, 2000, с. 296]. Если оставить в стороне приведенное указание на нормы (Б.В. Марков: «...человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся на моральной основе»), то вычленяется деятельностная сущность коммуникации как производное от деятельностной природы самого человека. Сказанным обуславливается сущность коммуникации как деятельности, уже явленная в многочисленных исследованиях – при выдвигании на первый план разных граней человека, его способностей к коммуникации вербальной

и невербальной, к разным видам той и другой, к разным способам их взаимодействия¹.

В общем пространстве филологических и коммуникативных наук существенное место принадлежит принципам исследования, реализация которых создает принадлежность исследования и его результатов тем и другим наукам одновременно.

Таков, например, принцип коммуникативности, на базе которого на рубеже XX–XXI веков выстраивается ряд коммуникативных моделей – текста, жанрообразования, внутреннего мира художественного текста и др.

Принцип коммуникативности как специальнаучный в теории текста определяет направление построения предмета теории текста. Из признания коммуникативности текста высшей его категорией, в наиболее общем виде фиксирующей «многофакторную обусловленность текста как системы, его интегративное качество и динамический принцип организации» [Сидоров, 1987, с. 3], вытекает возможность рассмотрения оппозиции *текст – среда* именно на коммуникативной основе, базовые параметры такого рассмотрения и их наполнение².

На сопряжении специальнаучного принципа коммуникативности и общенаучного принципа системности построена коммуникативная модель текста в [Теория текста, 2010; Текст в коммуникативном пространстве, 2011] и ряде диссертационных работ, выполненных под руководством автора настоящей публикации.

Другие варианты использования принципа коммуникативности представлены в исследованиях Е.А. Савочкиной, которая, учитывая взаимодействие принципов коммуникативности, филологичности и звocatивности, разработала модель жанра юридического триллера как некоего формата литературного дискурса [Савочкина, 2007], и Е.В. Демидовой, на основе сопряжения принципов филологичности, системности и коммуникативности предложившей способ изучения внутреннего мира художественного текста при переводе [Демидова, 2011].

Наконец обратимся к факту развития в филологических и коммуникативных науках общего понятийно-терминологического аппарата. Речь идет не об отдельных и редких понятийно-терминологических совпадениях, а об интенсивном процессе образования общего поня-

¹ Обзор теоретических моделей коммуникации см., например: [Макаров, 2003].

² Более подробно см. в работе: [Чувакин, 2004].

тийно-терминологического поля. Приведем некоторые из терминов, зафиксированных в трех (редко – в двух) энциклопедических изданиях ([Лингвистический энциклопедический словарь, 2008; Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003; Эффективная коммуникация, 2005]): *коммуникация, общение, речь, внутренняя речь, диалог, монолог, диалогическая речь, монологическая речь, устная речь, письменная речь, высказывание, сообщение, текст, жанр, жест, смысл, понимание, интерпретация, дискурс, знак, символ, миф, герменевтика, семиотика, риторика, адресат, говорящий, автор / образ автора, читатель, языковая личность, культура речи, языковая норма, лингвистическая прагматика, перевод*. В содержании понятий, обозначаемых одним и тем же термином, могут иметь место определенные различия, но они не столь велики, чтобы та или иная отрасль науки / отдельная наука создала к настоящему времени новые, собственные термины.

Итак, можно констатировать, что теоретический базис филологических и коммуникативных наук на современном этапе их развития во многом если не совпадает, то оказывается интегрированным. Названный процесс служит одной из основ рождения филологической теории коммуникации.

Эмпирические предпосылки составляют прежде всего такие факты, явления, процессы коммуникативной жизни общества, которые еще не получили своего объяснения в теории коммуникации и / или в филологии или имеют объяснение частичное.

Во-первых: повышение роли «посредников» в коммуникации. Из числа «посредников» укажем, по крайней мере, два: переводчика и технологические средства (компьютер, мобильный телефон и под.).

Так, рассматривая действие фактора переводчика в варьировании внутреннего мира художественного текста при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык, Е.В. Демидова отмечает следующие направления варьирования: искажение «внешнего облика» предметного мира рассказа, его функционального содержания; искажение пространственно-временных параметров; изменение (сужение) объема эстетических функций его компонентов; изменение смыслового объема компонентов (введение дополнительных оценочных коннотаций). [Демидова, 2011, с. 186].

Из технологических средств наиболее влиятельными в наше время являются Интернет и мобильный телефон, обусловившие создание новой фактуры текста, новый вид коммуникации, что в прин-

ципе меняет – вновь сошлемся на Г.М. Маклюэна – масштаб, скорость и форму как коммуникации, так и человеческих дел.

Приведем иллюстрации: 1) условия интернет-коммуникации расширяют, сравнительно с устной и письменной коммуникацией, культурную рамку, ограничивающую использование речевых средств, необходимых для ведения эффективной коммуникации [Чувакин, Шмаков, 2010];

2) использование мобильного телефона меняет структуру телефонного диалога. Как отмечает У.Эко в предисловии к книге М. Феррариса «Ты где? Онтология мобильного телефона». М., 2010, «по городскому телефону спрашивают, на месте ли тот, кому мы звоним, а в случае с мобильным и без того понятно, кто подойдет к телефону (если он не украден) и здесь ли он (что меняет положение о неприкосновенности частной жизни). Зато раньше мы твердо знали, где находится тот, с кем мы говорим по телефону, тогда как сейчас в разговорах всегда возникает вопрос: “Ты где?”» [Эко, 2010, с. 7–8]. Впрочем, как подчеркнул У. Эко, «где находимся мы оба», всегда известно телефонной компании.

При этом базовым «языком коммуникации» остается естественный человеческий язык. Прибавим, что, как полагают создатели проекта «А-я-йй.ру (www.iii.ru)», «через некоторое время все мы будем общаться с компьютерами на естественном языке» (<http://iii.ru/about>). Если так будет, то естественный язык окажется еще более тесно «вплетенным» в язык компьютерный.

Во-вторых: усиление взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации при одновременном расширении круга невербальных компонентов. В связи с этим возвращается идея, высказанная в Тезисах Пражского лингвистического кружка (ПЛК), о том, что «В функции речевой деятельности как средства общения следует различать два центра тяготения: один, при котором язык является «ситуативным языком» (практический язык), то есть использует дополнительный внелингвистический контекст, и другой, при котором язык стремится образовать наиболее замкнутое целое с тенденцией стать точным и полным, используя слова-термины и фразы-суждения (теоретический язык, или язык формулировок)» [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 251]. Но конец XX–XXI веков дал многообразный и обильный материал взаимодействия в актах коммуникации средств разных семиотических систем (естественного языка и других языков), результатом которого стали тексты и теоретического, по терминологии ПЛК,

языка. Таковы, например, тексты газетных рекламных объявлений [Бровкина, 2000], агитационных листовок [Мамаев, 2004], политических плакатов [Магера, 2005], рекламы недвижимости и риэлторских услуг [Манянин, 2007], глянцевого журналов [Сим, 2009], интернет-коммуникации и мн. др.

Хотя сам названный факт филологии и коммуникативным наукам известен давно, необходимость его объяснения в наше время вызвала к жизни развитие в филологии, преимущественно в лингвистике, коммуникативно-прагматических исследований, новый категориально-понятийный аппарат (преимущественно коммуникативного спектра); таковы понятия смешанной коммуникации [Чувакин, 1995, с. 27–30], креолизованного текста [Анисимова, 2003] и др. Вместе с тем в обобщающих трудах по теории коммуникации вербальная и невербальная коммуникация рассматриваются все еще преимущественно раздельно, что не способствует познанию единого «тела» текста в процессах коммуникативной деятельности НЛ.

В число эмпирических предпосылок входит и развитие коммуникативного образования в процессе подготовки по многим направлениям высшего и среднего профессионального образования. Так, Федеральные государственные образовательные стандарты подготовки бакалавра и магистра по направлению «Филология» (ФГОС) ввели в число объектов профессиональной деятельности выпускника, наряду с традиционными языком и художественной литературой, еще два: (а) различные типы текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов); (б) устную и письменную коммуникацию. Соответственно этому ФГОС подготовки бакалавров филологии предусматривает изучение блока коммуникативных дисциплин, который открывается новой дисциплиной – введением в теорию коммуникации. Ее главная задача заключается в том, чтобы «дать студентам первоначальное представление о теории коммуникации как филологической дисциплине, находящейся на пересечении филологии и других наук – гуманитарных и естественных – и изучающей человека в его коммуникативном отношении к другим людям, обществу, самому себе, миру; о научных основах теории коммуникации; научить студентов применять полученные знания в процессе теоретической и практической деятельности с коммуникацией и текстом (сообщением, по Г.О. Винокуру)» [Чувакин, Чернышова, Качесова и др., 2009, с. 175]. Содержание ФГОС и программы учебной дисциплины в целом свидетельствует о возможных направлениях теорети-

ческой и прикладной коммуникативной подготовки филологов¹, и это предполагает дальнейшую разработку общего пространства филологических и коммуникативных наук с акцентом на исследование коммуникации «глазами» филолога, что безусловно стимулирует развитие филологической теории коммуникации.

Приведенные факты расширяют «сопряженную» эмпирическую базу филологических и коммуникативных наук, требуют осмысления в русле единой теории объекта, возможность построения которой определяется тем, что и филология, и теория коммуникации имеют общую основу: этой основой является человек со специфически человеческим инструментом общения – естественным языком.

Литература

- Ажеж К. Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.
- Анисимова Е.Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
- Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. М., 2007.
- Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
- Василик М.А. Наука о коммуникации или теория коммуникации? К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
- Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации : практикум. М., 2008.
- Гайер К.Е. Учение У. Эко о семиотической интерпретации текста и его художественное воплощение в дискурсе персонажа (на материале романа «Маятник Фуко») // История славянской культуры. Барнаул, 2011.
- Демидова Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
- Савочкина Е.А. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Homo loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2008.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
- Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Макаров М.Ю. Основы теории дискурса. М., 2003.

¹ Более подробно см. в работе: [Чувакин, 2009. Часть 1].

- Маклюэн Г.М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека. М., 2007.
- Мамаев Н.Ю. Композиционная структура агитационной листовки: лингвориторическое исследование : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Маянин П.А. Аргументативно-синтаксическая структура газетного рекламного текста : коммуникативный аспект (на материале рекламы недвижимости и риэлторских услуг) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- Марков Б.В. Мораль и разум // Ю.Хабермас Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Основы теории коммуникации / под ред. А.М. Василика. М., 2003.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., К., 2006.
- Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Сидоров Е.В. Основы современной концепции текста : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1987.
- Сим О.А. Лингвоэвокационное моделирование дискурса глянцевого журнала (на материале журнальных текстов на английском и русском языках) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2009.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
- Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.
- Теория текста / под ред. А.А. Чувакина. М., 2010.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.
- Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009.
- Чувакин А.А. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2.
- Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011.
- Чувакин А.А. Риторика в пространстве теории коммуникации // Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе. Новокузнецк, 2009. Часть 1.
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте : основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. Теория текста : объект и предмет исследования // Критика и семиотика. Новосибирск. 2004. № 7.
- Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Качесова И.Ю., Кошей Л.А., Панченко Н.В. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина : программа и ее возможная интерпретация // Филология и человек. 2009. № 1.
- Чувакин А.А., Шмаков А.А. Коммуникативная модель риторики: ее специфика в интернет-среде (к постановке проблемы) // Ars interpretationis. Барнаул, 2010.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Эко У. От мобильного телефона к истине // М. Феррарис Ты где? Онтология мобильного телефона. М., 2010.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика : Словарь-справочник. М., 2005.
- Язык – текст – литература : коммуникативная парадигма. Барнаул, 2011.
- Яковлев И.П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб., 2006.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А.А. Стриженко

Ключевые слова: художественный текст, модальность текста, коммуникативность, адресант, адресат.

Keywords: fiction text, text modality, communication, addresser, addressee.

Художественный текст как особая форма коммуникации требует рассмотрения взаимодействия таких параметров коммуникации как: 1) система языка и реализация этой системы в литературных текстах; 2) построение языковой системы и правила творческого порождения литературного текста; 3) систематизация языковых фактов и «грамматизация» литературного текста; 4) характер информативности и специфика коммуникативности художественного текста; 5) особенности функционирования системы кодов и характер семиотичности художественного текста; 6) Особенности процессов кодирования, восприятия, декодирования и интерпретации художественного текста; 7) взаимоотношения адресанта (писателя), отдельного адресата (читателя) и читательской аудитории; 8) проявление индивидуальности эстетически образной системы писателя и ее общности с системой повествования (литературой) как сокровищницей человеческой мысли; 9) особенности объективной и субъективной модальности [Гальперин, 2004, с. 113–123; 90].

Исследователи различают объективную и субъективную модальность или объективно-модальное значение и субъективно-модальное значение [Грамматика..., 1970, с. 545]. Различие между ними проявляется в первом случае – в выражении характера отношения сообщаемого к действительности, во втором – в выражении отношения говорящего к сообщаемому. Субъективная модальность чаще всего выражается либо интонационно, либо с помощью оценочных средств, особенно оценочных суффиксов.

Субъективно-оценочная характеристика справедливо отнесена И.Р. Гальпериным к текстовой модальности, которая «реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Гальперин, 2004, с. 115]. Разнообразные способы выражения модаль-

ности в художественном тексте, взаимодействуя и переплетаясь, формируют общее ощущение, настроение восприятия текста, его эмоционально-психологическую окраску; 10) стилевая маркированность языковых единиц; 11) актуализация языковых единиц; 12) нейтрализация оппозиций или противопоставление стилистически значимых явлений языка, таких как логическое versus эмоционально-оценочное; образное versus безобразное; устное разговорное versus письменное литературно-книжное, формирующих многоплановые связи между единицами текста [Разинкина, 1976].

Многоплановые связи между единицами текста могут также обеспечиваться нейтрализацией оппозиций или противопоставлением прагматически значимых явлений языка: объективность versus субъективность, конкретность versus обобщенность, эксплицитность versus имплицитность, положительность versus негативность, напряженность versus ненапряженность, значимость versus избыточность; 13) использование разных видов и типов вторичной номинации (синонимия, перифраз, гиперонимия, метонимия, метафоризация); 14) взаимодействие объективного и субъективного в тексте – эксплицирования и имплицитирования; 15) соотносительность общего (обобщенного) и частного (конкретного); 16) соотносительность устаревшего и современного употребления; 17) взаимодействие разных видов речи в тексте: авторской и речи персонажей; произнесенной и произнесенной; прямой и косвенной; прямой и несобственно прямой; монолога и диалога; 18) взаимодействие плана автора и плана персонажа; 19) соотносительность нового и известного (тема – рема).

Перечисление возможных средств, видов и категорий соотносительности и взаимодействия в художественном тексте не ограничивается только вышеприведенными. Конкретные художественные тексты могут давать примеры каких-либо иных средств, видов и категорий. Данное перечисление иллюстрирует возможные подходы в анализе закономерностей связности текста.

Интерпретация художественного текста как литературного текста не обходится без учета особенностей исторического, культурного и социального фондов, которые создаются на лексическом уровне использованием слов, отражающих национальную культуру, например, каноз, сари, саронг, самовар, хакакири, нервюра, мокасины, ишрак. И если название предметов быта не несет за собой глубоких импликаций, а только создает внешний страноведческий фон произведения, то, скажем, за совершением акта хакакири – вспарыванием живота кинжалом персонажем в романе «Hawaii» – стоит постижение читателями япон-

ского характера, проявляющегося в традиции совершать такую форму самоубийства в знак верности самурая императору и «очищения» чести самурая. Для правильного декодирования слова «харакори» читателю необходимо обладать определенными страноведческими знаниями о том, что эта форма самоубийства практикуется в Японии со времени средневековья. Ему необходимо знать, как и почему она совершается. Писатель не дает в своем произведении объективных энциклопедических справок. Он передает художественное видение социальной жизни персонажа, рассказывая читателям о поступках и действиях персонажа, о его психологическом состоянии, о его воззрениях, о событиях, которые привели его к свершению акта харакори, то есть все, что составляет денотативной и коннотативное содержание произведения. Позиция писателя при этом субъективна, он использует разнообразные средства выражения своей субъективности, своего отношения к персонажам и совершаемым ими поступкам, своей оценки их действий. Фактические данные о харакори, историческая справка не даются в произведении, они должны составлять предварительные знания читателя. С другой стороны, если читатель не обладает такими знаниями, он их приобретает через опыт персонажа, описанный в данном произведении. Если этого оказывается недостаточно, читатель может обращаться к справочной литературе для уточнения понятия, раскрываемого писателем художественными средствами. В этом смысле можно говорить о различии понятия «текст» в лингвистическом и культурном планах:

«Исходным для культурного понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы превратиться в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в коллективе языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых делятся группы текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры, выраженности» [Лотман, Пятигорский, 2000, с. 434–435].

Применительно к нашей мысли следует акцентировать внимание на той части высказывания Ю.М. Лотмана и А.М. Пятигорского, в которой подчеркивается, что при культуроведческом понимании текста важной становится не столько лингвистическая выраженность, сколько дополнительная, значимая в данной системе культуры и с точки зрения данной системы культуры, выраженность.

Предполагается, что читатель обладает системой художественного опыта, который позволяет ему правильно декодировать «культур-

ную выраженность» текста. При этом «культурная выраженность» одновременно является и «социальной выраженностью».

Художественный текст рассматривается нами как особая форма коммуникации. Различие типов речи – письменного и устного ведет к различию коммуникативного оформления письменной и устной речи в форме монолога и диалога, включающих противоположные параметры речи, такие как например, интеллектуализация речи (книжная лексика и усложненный синтаксис) и эмоционализация речи (разговорная и сниженная лексика, простой синтаксис), композиционная сложность текста – композиционная простота и т.п. [Стриженко, 1972, с. 198]. Художественный текст как особая форма коммуникации характеризуется особой структурой взаимодействия разных коммуникативных рядов, основная особенность которой заключается в том, что языковой уровень фиксируется в речи персонажей, суперсегментный – в авторской речи, а сюжетный складывается в результате взаимодействия авторской речи и речи персонажей. Авторская речь служит для квалификации речи персонажей. Это особенно показательно в отношении драмы, где возникает проблема «текста» и «исполнения», ключ которому заложен в авторских ремарках. Однако понятие «исполнение» приложимо, на наш взгляд, к любому виду письменного текста, не подвергающегося специальному «инсценированию»: художественная проза в процессе чтения читателем как бы проговаривается им про себя, речь персонажей «озвучивается» читателем. Этот процесс представляет собой внутреннее исполнение прозаического произведения читателем, без которого произведение останется «мертвым», что характерно для произведений, не затрагивающих душу и эмоции читателя, не вовлекающих его в сложный строй жизни характеров, отраженных в данном произведении. Чем сильнее художественное воздействие прозы на читателя, тем эмоциональнее и динамичнее внутреннее «исполнение» ее читателем. Внутреннее «исполнение» художественного текста читателем становится возможным в связи с тем, что «в воспринимаемом тексте будут одновременно работать два механизма: один будет постоянно поддерживать в сознании аудитории память о некоторой традиционной организации текста, задавая тем самым некоторую структуру ожидания, а другой – разрушать эту структуру, деавтоматизировать восприятие...» [Лотман, 2002, с. 193].

Чтение стихотворений про себя, без внутреннего озвучивания их вообще невозможно. Оно требует внутреннего интонационного и ритмического «исполнения» его читателем. В этой связи некоторые исследователи, отмечают, что «ритм графических знаков письменной речи

отличается от ритма, являющегося результатом чтения вслух того, что написано. Он идентичен с ритмом устной речи. Поэзия пишется для того, чтобы быть прочитанной вслух. Качество поэтической речи проверяется устным прочтением» [Warfel, 1962, p. 95, 85–86]. Таким образом, хотя речь идет о разных видах ритма стихотворных произведений на письме и в устной речи, подтверждается мысль о том, что стихотворной речи при чтении присущ ритм. Сама организация этого вида художественной речи, четко расчлененной на относительно короткие соотносимые и соизмеримые отрезки, вынуждает читателя при восприятии внутренне учитывать ее, то есть интонировать и «ритмизировать» ее. Схематическая модель ритмико-мелодического построения стихотворного текста «может быть результатом прошлого неоднократного усвоения образной информации или же формироваться в процессе восприятия...» [Сапогов, 1970, с. 143].

Иными словами, внутреннее «исполнение» текста базируется на механизме автоматизированного восприятия организации текста, на «структуре читательского ожидания» [Лотман, 2002, с. 193], на предсказуемости элементов текста и их организации в тексте.

В ораторской речи, которая, как правило, готовится, заранее, ее «исполнение» прогнозируется адресантом – оратором или лицом, который пишет речь для другого лица. «Исполнение» подобного рода учитывает не только чисто лингвистические параметры речи: мелодику, просодику, стилистические средства и приемы на лексическом и синтаксическом уровнях, но и ориентацию этих средств на психологическое и идеологическое воздействие на аудиторию.

Следует отметить, что чтение вслух и даже проговаривание текста про себя или «немое» исполнение невозможны без некоторой модификации текста каждым конкретным исполнителем: ритмической, акцентной, мелодической и, следовательно, смысловой. Понятно, что внутреннее «проговаривание» текста и чтение вслух – это близкие, но отличающиеся процессы. Степень модификации будет зависеть от вовлеченного процесса: чтения про себя или вслух. Внутреннее исполнение – это неотделимая часть процесса мысленного восприятия и осмысления текста, которые базируются на представлении читателя о закономерностях «озвучивания» текста, чтения его вслух. Чтение, про себя и чтение вслух представляют собой разные степени процесса восприятия текста – мысленного и актуализованного, их наложение друг на друга создает синкретичность речи.

В художественном тексте исполнение запрограммировано писателем: это и речевая характеристика персонажей, и авторская повест-

вовательная речь и авторские ремарки, и стилистические средства и приемы во всех видах речи. Все эти средства, воспринимаемые в совокупности, накладывают инвариант исполнения текста.

Нужно отметить, однако, что хотя речь персонажей и речь автора противоплагаются друг другу, речь персонажа конструируется писателем, писатель индивидуализирует как собственно речь персонажа, так и манеру речи. произносительные особенности, интонацию, формируя некий «индивидуальный стиль», выражающий нравственную и социальную личность данного персонажа, так что не только «содержание» реплики действующего лица, но и сам способ выражения этого «содержания» в языке (вместе с авторским комментарием к этому способу оказывается содержательным элементом образа персонажа [Лескисс, 1969, с. 83].

В художественном тексте придается большое значение передаче речевого процесса и не всегда автор характеризует речь персонажа дополнительными средствами, то есть в авторском вводе или авторском описании. Соотношение «речь персонажа»: «авторский ввод прямой речи» у разных авторов различное. У одних авторов, например у Хемингуэя, речь персонажей передается без авторского ввода, без дополнительных пояснений. Тем самым усиливается имплицитный план произносимых персонажем высказываний, их значимость. С нашей точки зрения, введение авторского ввода к прямой речи персонажей означает экспликацию содержания высказывания персонажа, отсутствие авторского ввода – увеличение вариантов интерпретации, углубление имплицитного смысла высказывания, усиление подтекста.

О значении отображения речи в художественном произведении Р.Р. Гельгардт говорит следующее: «Как бы не истолковывать приведенный текст, он открывает собой ряд других фактов, которые показывают, что речевой процесс, существует в жизни и изображается в реалистической литературе составной частью поведения человека, 1) предворяя и регулируя другие действия, 2) проходя с ними одновременно или 3) поочередно, как реакция на внешние стимулы; 4) следуя после неречевых актов. Говорящий руководствуется: а) задачей программирования своего поведения; б) или (и) намерением воздействовать на деятельность участника беседы; в) или стремлением обобщить выводы из совершенных поступков, дать им практическую оценку и прочее [Гельгардт, 1971, с. 74].

Из этого высказывания вытекает, что речь персонажей – это важный самостоятельный слой в художественном тексте, неотделимый от системы действий, поступков и событий всего художественного произ-

ведения. Манера исполнения текста определяется также таким фактором, как целенаправленность речи. Чтение новостей и последних известий дикторами радио на английском языке на аудиторию своей страны и на русском языке дикторами радиостанций «Голос Америки», «Свободная Европа», предназначенными для пропагандистского воздействия на советскую аудиторию, характеризуется действием двух типов исполнения, отличающихся друг от друга. Если в первом случае исполнение отражает стандартные нормы исполнения, принятые нормы произношения, то во втором случае задача любой ценой оказать идеологическое воздействие на советскую аудиторию, произвести психологический сдвиг в системе идеологических взглядов советской аудитории, да и сам материал, меняют характер исполнения читаемых текстов. Все эти «разоблачения», доверительное сообщение выдуманных сплетен, чуждая произносительной форме русского языка манера исполнения демонстрируют крайний субъективизм продукции такого рода, скрытые цели и мотивы, особые интересы буржуазной пропаганды. Воздействие подобного исполнения способно вызвать у советской аудитории только полное недоверие и неприятие материалов буржуазной пропаганды. Самое легкое отклонение в произносительной базе диктора, небольшой акцент, недоброжелательная интонация вызывают у аудитории недоверие к исполнению материалов и даже протест, а следовательно, недоверие и к самим исполняемым материалам. В данном случае афоризм «цель оправдывает средства» не срабатывает.

Фактор «исполнения» играет в коммуникативном процессе столь важную роль в связи с тем, что он связан с интерпретацией и влияет на нее: «Эта интерпретация с необходимостью предполагает совершенное владение кодом кодом с различными уровнями, один из которых касается соответствия, устанавливаемого в знаковой функции между выражением и содержанием» [Malmberg, 1963, p. 20]. Однако владение кодом со стороны интерпретатора текста не означает, что исходное содержание, заложенное автором, абсолютно адекватно воспринятому. С точки зрения Т.М. Дридзе, оно обязательно изменяется, что связано со «сферой человеческого сознания, в которой элементы последнего получают свое языковое оформление» [Арнольд, 1973, с. 7–8].

Для художественного текста характерно постоянное противоречие между замыслом писателя и его воплощением в тексте: вероятно, чем меньше это противоречие, тем выше художественная ценность произведения и, естественно, мастерство художника слова. Процессы кодирования характеризуются стремлением к оптимали-

зации, но степень её будет разной в каждом коммуникативно-художественном проявлении по самым разнообразным причинам, основные из которых: мастерство писателя, его мировоззрение – подход к основным, волнующим читателя, проблемам.

Зачастую при интерпретации текста важную роль играет личность автора в плане его мировоззрения, она объясняет, почему он «вынуждает» действовать персонажей вполне определенным образом в определенных обстоятельствах их жизни. Одна и та же эпоха, описываемая в разных художественных произведениях, получает совершенно различное освещение у разных авторов. Перед многими писателями в переломные моменты истории стоит вопрос о выборе позиции. И этот вопрос стоит не фигурально, и не только в художественном преломлении в их произведениях, а лично. Они должны сделать такой выбор в своей жизни. Достаточно назвать имена таких крупнейших русских писателей, как А. Толстой, И. Бунин. Известно, что представления разных писателей и поэтов не только о красивом и безобразном, о героическом и не героическом, но и о революции, о народе, об их месте в революции, например, в России были не идентичными. С этими представлениями в конце концов оказывается связанной и система образно-эстетического отображения жизни.

В создании художественного произведения участвует писатель, который обладает творческой компетенцией. Писатель «создает» художественное произведение. Однако можно говорить и о творчестве или сотворчестве читателя. активный компонент которого различен у разных читателей: один читатель способен только увидеть то, что лежит на поверхности произведения, другой – интерпретирует все импликации, расшифровывает все ассоциации, способен к высокой степени сопереживания. Разумеется, что это – разные степени проявления творческой способности – активная и пассивная, но их взаимодействие абсолютно необходимо. Оно обеспечивает взаимодействие двух сторон коммуникативного процесса: источника и получателя (адресанта и адресата). При восприятии художественного текста могут действовать помехи, такие как некоторые параметры структуры личности читателя, которые диссонируют с «мироощущением» текста. Иными словами, структура личности писателя, проявляющаяся в художественном тексте, может диссонировать со структурой личности читателя как уже сформировавшейся и сложившейся данности.

Учет основных параметров структуры личности читателя или определенной группы читателей, принадлежащих к определенным возрастной, социальной и политической группам, ведет к тому, что писатель ориентируется на некоторый стереотип читательской группы. Ориентация на стереотипную группу читателей, с другой стороны, способствует формированию стереотипных групп читателей, поглощающих только «свою» литературу.

Процесс понимания художественного текста включает в себя не только текст как лингвистическую данность, как материализованный продукт творческой деятельности писателя, но и учитывает связь текста с эпохой, исторической ситуацией и конкретным читателем. Восприятие художественного текста оказывается зависимым от вышерассмотренных категорий, накладывающих определенные коннотации, шире – экстралингвистический контекст на текст. Структура экстралингвистического контекста пересекается со структурой текста.

Характерной особенностью художественного текста является то, что экстралингвистический контекст написания текста и прочтения текста изменяется. Экстралингвистический контекст написания текста перспективен, экстралингвистический контекст прочтения текста – ретроспективен.

Система художественного текста оказывается подвижной в связи со степенью отдаленности ее от эпохи создания. Социальный и исторический контексты эпохи кодирования и эпохи декодирования, вступая во взаимодействие, могут иметь большую или меньшую степени схождения и расхождения, образуя своего рода «шкалу» восприятия, что приводит к вариативности восприятия и интерпретации художественного текста исторически разными читателями: «содержание художественного текста не может быть одинаковым для всех времен» (Н.А. Рубакин). В этой связи Р.Р. Гельгардт ставит вопрос о том, происходит ли со временем обеднение «означаемого» художественного текста, снижается ли художественность произведения как следствие потери осознаваемых имплицитных смыслов, адекватно ли восприятие и понимание текста читателями – современниками писателя и читателями последующих эпох [Гельгардт, 1971, с. 89]. Вероятно предположить, что обеднение «означаемого» текста закономерно в связи с действием некоторых помех: 1) отсутствием знания закономерностей связей социальных иерархий с типом общественной организации, 2) отсутствием адекватного

знания культурного и социального фонов описываемой эпохи, 3) отсутствием адекватного знания слов-историзмов и архаизмов.

Однако способность к сопереживанию читателя помогает воспринимать ему душевный и эмоциональный мир персонажа, отдаленного от него во времени, постигать его психологию.

Рассматривая художественный текст как особую форму коммуникации, следует коснуться и понятия «информация», которое определяется в лингвистике неоднозначно. Исследователи выделяют разные типы информации в зависимости от определенных групп факторов, скажем: информация, детерминируемая природными условиями или обусловленная психическими особенностями «отправителя» и т.п. [Киселева, 1973, с. 16].

Художественный текст – это особая форма коммуникации, поэтому понятие информации для него будет отличаться от понятия информации для естественной человеческой коммуникации или для массовой коммуникации или даже любого другого текста – «практического», научного и т.д.

В художественном тексте информативность прямо связана с единицами плана выражения, она носит эстетический характер. Содержание информации в художественном тексте повышается «путем подбора оригинальных языковых единиц» [Мартине, 1963, с. 372]. Однако содержание информации в художественном тексте повышается не только в связи с подбором стилистических средств и приемов. В чем заключается информация трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» или пьес А. Чехова «Три сестры», «Чайка»? Она не может быть сведена к описанию эпохи, времени действия персонажей в тех или иных обстоятельствах. Такое понимание информации было бы чересчур упрощенным. Ориентация на анализ «подбора оригинальных языковых средств» также не дает полного представления о характере информации в художественном тексте. Такого рода информация, с одной стороны, может быть квалифицирована как стилистическая. Стилистические средства и приемы – маркеры стилистической информации – играют огромную роль в деле интенсификации восприятия художественного текста, однако есть еще какой-то тип или вид информации, который присущ художественному тексту.

А. Моль выделяет в художественном тексте две точки зрения: семантическую и эстетическую, каждой из которых соответствует свой тип информации. В соответствии с семантической точкой зрения выделяется логическая информация, согласно эстетической

точки зрения «выделяется неперебиваемая информация, вызывающая определенные состояния [Моль, 1966, с. 210]. Эта «неперебиваемая информация, вызывающая определенные состояния», может быть квалифицирована как психолого-эстетическая или просто эстетическая, если все же иметь в виду, что в ней заключена и психологическая информация, которая предназначена избирательно воздействовать на читателя. Усваивается она также селективно.

Таким образом, художественный текст – это достаточно сложное образование, в котором переплетается большое количество параметров и компонентов, выдвижение которых при анализе зависит от позиции, подхода исследователя. Каждый из типов информации художественного текста подчиняется «независимым структурным правилам», однако при восприятии текста они образуют особое структурное единство. Изучение способов лингвистической эффективности художественного текста является одной из основных задач в лингвистике текста.

Литература

- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
 Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2004.
 Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1971. Вып. 1.
 Грамматика современного русского языка. М., 1970.
 Киселева Л.А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия : дис. ... докт. филол. наук. Л., 1973.
 Лескисс Г.А. О дифференциации стилей и о функциях языка в художественном тексте // Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969.
 Лотман Ю.М. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры, 2002.
 Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // Лотман Ю.М. Семоисфера. СПб., 2000.
 Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
 Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
 Разинкина Н.М. О фундаментальных стилистических противопоставлениях // Лингвистика текста. М., 1976. Вып. 103.
 Сапогов В.А. Опыт экспликации понятия «стихотворный ритм» // Тезисы докладов летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970.
 Стриженко А.А. Типы авторской речи в произведениях английской и американской драматургии // Сб. науч. трудов МГПИИЯ. М., 1972. Вып. 67.
 Malmberg B. Structural Linguistics and Human Communication. Berlin, 1963.
 Warfel H.R. Language : a Science of Human Behaviour. Cleveland, 1962.

ГРОТЕСКНЫЙ ДИСКУРС ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК МАРКЕР ПУБЛИЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.Д. Мансурова

Ключевые слова: языковая игра, гротеск, дискурс, повседневность, публичная речевая коммуникация.

Keywords: language play, grotesque, discourse, daily activities, public speech communication.

Прогнозы, даже самые невероятные, имеют тенденцию сбываться. Дискуссии о «границах круга», некогда заданные теоретикам языка В. фон Гумбольдтом и ставшие основанием лингвофилософского исследования системы языка, приводят к открытиям, имеющим «поворотное» значение не только для лингвистики, но и для понимания социокультурной динамики современности. Под натиском информационных технологий, преобразующих каналы коммуникации, она претерпевает сокрушительные сдвиги, демонстрируя энтропийные процессы в самом прочном своем основании – языке. Проблемное поле современного теоретического поиска ответов на причины социокультурных трансформаций основательно смещается к исследованиям соотношения языка и реальности. Актуальными становятся вопросы, непосредственно относящиеся к компетенции лингвофилософии и теории языка: что значит для человечества языковой плюрализм? Какими «границами» очерчивается круг языковых реалий под натиском полилингвизма и редукции культурного многообразия?

Став информационным, общество возвело миллионы людей в статус коммуникантов, якобы, «владеющих миром», – транспарентным, коммуницируемым, самоуправляемым. Благодаря коммуникационному потенциалу технических средств (разветвленной сети печатных и электронных СМИ, телевидению, эфирному радиовещанию, сети Интернет и другим носителям информации) появилась возможность превращения публичного обращения в продукт особого рода – материализованное слово «единицы», которое уже не «тоньше писка». Пространство общественной коммуникации становится для коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам, средой для «опубликования», возвышения до общественной значимости фактов личных взаимодействий с миром индивидуально репрезентированных ценностей.

Пересечение гумбольдтианской «границы круга» и лотмановской «семиотической границы» состоялось как факт обыденного движения языковой стихии. Ведь обыкновенные пользователи языка не соотносят свои коммуникативные интенции с «презумпцией классики» речевого общения. Стихия повседневности и её культурная семантика, реализуемые в Слове, сформировали особый дискурс со специфическими нормами конвенции, аксиологическими и эмоциональными маркерами.

Повседневность как один из модусов человеческого бытия, как «нечто привычное, рутинное, нормальное, себе тождественное в различные моменты времени» [Ионин, 1998, с. 123], является пространством воспроизводства жизни во всех её проявлениях. Только коммуницируя, обмениваясь продуктами жизнедеятельности, люди способны сотворять жизненные миры, национально окрашенные и лингвистически оформленные. Обмен даже материальными ресурсами невозможен без смысловой интерпретации цели и характера взаимодействия – как социального, так и intersubъективного. Интерактивный способ речевого взаимодействия объективирован характером социальных практик повседневного бытия.

Из современных, наиболее конструктивных концепций социальных структур повседневности, можно выделить постструктуралистскую теорию дискурсивных практик Э. Лакло и Ш. Муффа. Подвергнув радикальной критике марксистскую теорию социального (в детерминационных соотношениях базиса и надстройки), они рассматривают социальное как продукт дискурсивных процессов, а становление социальной практики как результат коммуникации субъектов в рамках определенных дискурсов.

Само же понимание дискурса трактуется как «форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 24].

Концепция дискурсивной онтологии повседневности конкретизирует важную особенность: «не существует никакой объективной логики, которая указывала бы на одну единственную субъектную позицию»; «существует только временное структурирование социального»; «социальное пространство одновременно «покрывают» различные дискурсы и конкурируют в том, чтобы наполнить его своим собственным значением» [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 77–105].

Дискурс, как правило, монокультурен. Коммуниканты учитывают и маркируют свою принадлежность к определенной субкультурной разновидности. В основе этой дифференциации – не столько функциональная заданность коммуникации (экономия взаимодействия), сколько ценностная, аксиологическая, нацеленность на очерчивание круга своих, «посвященных». Как указывал Ю.М. Лотман: «...одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. Это производство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», гармонически организованное и т.д. Ему противостоит «их производство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [Лотман, 1996, с. 175]. «Отграничивание» своего мира маркируется аксессуарами, знаками вещного и пространственного кода. Но в основе лежит языковая кодификация. Именно в коде специально создаваемой языковой субкультуры коренится устойчивость бытования и воспроизводства дискурсивного самоопределения индивидов и целых групп.

В обществе доцифровой эпохи вербальные каналы субкультурных дискурсов оставались прерогативой посвященных и если воспроизводились, то в качестве иллюстрации отстраненности их от магистралей общепринятой, укоренной в обществе культуры. Множественность медиаплатформ коммуницирования, которую предложила компьютеризированная современность, доступность публичного и массового, интерактивного взаимодействия моментально стёрли границы культурного и языкового контраста.

Эта «текучая, жидкая современность», по определению польского социолога З. Баумана [Бауман, 2008], с её политической, экономической и социокультурной нестабильностью объективно является коммуникативной формой существования и воспроизводства культуры, сферой фиксации и конструирования идентичности человека посредством интерпретации и управления различными социокультурными и идеологическими дискурсами. На фоне уменьшения роли традиций и норм как регуляторов социальной жизни решающей становится самодетерминация личности, по закону случайности выбирающей различные, не зависящие ни от среды, ни от общества, поведенческие, мыслительные проявления личностной самореализации.

На сакраментальный вопрос Ж. Бойдрийара: «Сегодня игра окончена – всё освобождено. И все мы задаём себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [Бодрийар, 2000, с. 2] – личность ответила, воплотив в жизнь сценарий «языковых игр», некогда ги-

потетизированный Л. Витгенштейном. В массовом коммуницировании, якобы отстранённом от «оргии» повседневности, вербальную генерализацию получили её самые разнообразные сферы, ранее не входившие в публичные речевые локусы.

Разнообразие знаковых систем, введенных в пространство массовой коммуникации, возможности современных информационных технологий – монтаж, гипертекстовость, аудио-визуальные эффекты породили иллюзию дозволенности тотального произвола в процессе создания новых ментальных и вербализованных образований. Расширение коммуникативных взаимодействий благодаря современным технологиям «вынесло» на поверхность и конституировало в качестве равноценных для восприятия такие темы, как секс, насилие, смерть, извращения в разных сферах жизни.... В «период “ироничной” индивидуальности» [Бауман, 2008, с. 96], пришедшей на смену «аутентичной индивидуальности» эпохи модерна, востребованными оказались соответствующие ей «жесткие дискурсивные стратегии». По определению А.А. Пушкина – автора работ по теории языковой личности, «...это сознательное нарушение норм в любой обстановке ради скорейшего достижения цели» [Пушкин, 1992, с. 12].

Демонстративное коммуникативное поведение узурпировало в первую очередь вербальные каналы коммуникации. Бытовая аксиология выразилась в формах, казалось бы, неуместной на публике, акциальности – речевого антиповедения. По определению исследователя русской культуры С.Е. Юркова: «Антиповедение, будучи связанным с публичностью <...> театрализовано и сверхзнаково. Эстетическим эквивалентом антиповедения является категория «гротеск». Гротеск выступает как приём адаптации хаоса, его эстетическая и психологическая сублимация <...> Это способ доставки в систему культуры недостающей меры хаоса, введения его в культурный контекст» [Юрков, 2003, с. 15–35].

Гротеск, перенесенный в область вербальных публичных коммуникаций, и стал акцидентным, то есть своеобразным «графическим» средством очерчивания границ субкультуры телевизионных шоу, интерактивных радиопердач в FM-диапазоне, форумов, чатов и блогов в сети Интернет. В формировании вербальной конструкции дискурса, как гротескной реакции на события повседневности, оказались востребованными не только лингвистические арсеналы коммуникантов. Потребовались и «лицедейские», и «интралингвистические» качества: чувство языка, проявляющееся в оценках речи,

способность к общению в шуточной тональности и к языковым играм, к пародированию нормативных речевых клише. Не случайно в среде коммуникантов оказались люди определённого социального и образовательного статуса, имеющие представление о нормах культуры вообще и языковой культуры, в частности.

«Лингвистический поворот» в массовом публичном коммуницировании отмечен редуцированием всех основных сфер бытования языка: лексики, стилистики, орфографии, грамматики. Слова переиначиваются, перекодируются, употребляются как строительный материал для формирования гротескной коммуникативной стратегии. Антиповедение – коммуникация в форме стёба, манера все пересмеивать и над всем издеваться становится удобной формой самовозвышения над проблемами бытия, в том числе и такими, как совесть, благородство, щедрость, красота. Для быстрого и удобного потребления подобного типа коммуникации был легитимизирован и такой субкультурный термин, как «прикол»: всё, мол, обман, издевательство, розыгрыш.

Функции артефактов в процессе публичной коммуникации редко выходят за границы информирования. В основном реализуются аттрактивная, экспрессивная, в какой-то мере – эстетическая, эвфемистическая функции, сопровождающие передачу текста. В заголовках газетных публикаций, в содержании интервью и обзорах политиков все чаще начинают проявляться «перлы» из криминальной лексики, из лексики наркоманов, движения «митьков», молодежного андеграунда. При помощи сленга маркируется и становится очевидным, позиционируется, личностное, ценностное, отношение к предмету общения.

Гротеск и нарочитое отступление от общепринятого порядка социального коммуницирования – персонализацией, соблюдением норм речевого этикета – порождены возможностью анонимности и оперативности любой интеракции. Под псевдонимами и «никами» материализуются отнюдь не асоциально настроенные личности, а в большей степени – пользователи языка, «законопослушные» в реальной жизни. Хаос стихии повседневности провоцирует их на вынесение своих эмоциональных реакций в «оргию» виртуального взаимодействия, где разрешено ВСЁ, поскольку оно, это ВСЁ, существует в ситуации игры – языковой.

Коммуниканты учитывают это обстоятельство и маркируют свою принадлежность к субкультуре гротескного дискурса, используя всевозможные арсеналы вербальной редукции. Вот только не-

сколько комментариев анонимных авторов к статьям предвыборной тематики на уважаемом региональном сайте www.altapress.ru:

Прецедентная цитация, аллюзии и реминисценции известных слоганов и идеологических клише:

«Жги, бабка, жги!!! Жги мозгами без мозгов! Главное – сердцем, сердцем и мотором, и с придыханиями, ткачиха ты наша передовая! Ох... стриптиз – горячая профессия».

Стилизация разговорной речи и редукция слов, фонетическое написание: «Какая же у вас морковь? С хреновиной или без? Тока без дураков... А чо у них за часы на столе?»; «Да уж, фанклуб разросся до неприличия. Откуда они все повылазили?»

Универбация [Соколовская, 2007, с. 235] *и окказионализмы:* «Опять показушное мероприятие медвепуты провели»; «Всякие нурупоподатные 22-е отдыхают».

Лексическая компрессия и усечения: «Ваще, грит, начпропом будешь..»;

Субстандартная и ненормативная лексика: «Влияние либералистов на нынешних ...растов»; «А чё, грохнули новость, что ВВ, по мнению Форбса, стал вторым паханом на планете после Барикачёрного? Обычно, лабай и слушай...».

Средства интенсификации фатики, в основном, регулятивы: «Батенька, буревестник вы наш...»; «Правильно, господин Халеев! Гоните её воровать, легче станет!!!!»; «Ой, да ты моя кокоточка...»; «Чуть помедленнее, общественник!».

Графодеривация – графико-орфографический способ словообразования и невербальные компоненты коммуникации: «VIP-персоны». *Использование слэш (косой черты), знаков препинания и смайликов – комбинации клавиатурных символов или специально созданных картинок.*

Нарочитая вербальная нереализованность коммуникативных актов, когда реплики обрываются на полуфразе, завершаются многоточием или знаком бесконечности как символом неопределённости и незавершённости.

Создается специфическая знаковая среда – вербальные артефакты и прецедентные феномены типа «медвед», *превед*», «аффт-тар жжот», которые кочуют из одного форума в другой и, становясь маркером протестного самовыражения, деформируют таксономический уровень реального публичного взаимодействия. И в телепередаче, адресованной многомиллионной аудитории, уже «лидера

ми мнений» предъявляются «приколы» в форме стёба, с явным подтекстом для посвященных: «аффттар», мол, «жжот...».

Можно вывести за скобки анализ социальных эффектов подобной публичной коммуникации (как предмет особого разговора). В данном случае уместно вернуться к вопросу: «Что делать теперь, после оргии?» Язык посланий, чатов, Живых журналов и публичной коммуникации «прямых эфиров», как предполагает современный философ А.К. Секацкий, знаменует распад «некоторых стандартных модусов общения, ровно как и возникновение новых за счет перемещения эталонов высокого символического в сферу сорной вариативности (или, если угодно, профанной деконструкции) [Секацкий, 2009, с. 196].

Известный теоретик языка В.В. Колесов, перефразировав фразу М. Хайдеггера: «Язык – это Дом бытия», не без сарказма добавляет: «... проходной дом бытия». Но, трезво оценивая процессы языковой трансформации в виртуальной среде массовой коммуникации, он всё же приходит к оптимистическому заключению: «русский язык во всём его объёме такая глыбища, что человеческий муравейник у его подножия не в состоянии опорочить его силу и сущность. Повторяю, язык, а не речь» [Колесов, URL].

Этот оптимизм имеет исторические и социобиологические основания. Концепция автопоэзиса нобелевских лауреатов, чилийских микробиологов У. Матураны и Ф. Варелы исходит из того, что именно язык является активным инструментом, творящим «порядок из хаоса». Возможно, «языковая игра», даже в такой, казалось бы, неприемлемой форме, открывает двери в новые модусы человеческого бытия во взаимодействии друг с другом? Истории русского языка еще памятен переполох, вызванный Н.М. Карамзиным, санкционировавшим новые языковые практики и, к примеру, «осмелившимся» вместо нормативных слов «дева» и «книга» ввести в обиход «девушка» и «книжка». Так и «...сетез, – по мнению А.К. Секацкого, – в качестве нового универсального медиума коммуникации не просто отменяет ту или иную устоявшуюся норму, но и преодолевает «вербальный центризм» вообще» [Секацкий, 2009, с. 206].

Гротескный дискурс повседневности, маркирующий массовую коммуникацию, намечает «границу» перехода с еще неясным «светом в конце туннеля». Противостояние сакрального и профанного – пока еще «языковая игра» для посвящённых. Но чего в гротеске

больше: прекрасного или уродливого, комического или трагического?

Литература

- Антоновский А.Ю. Социоэпистемология : О пространственно-временных и личностно-коллективных измерениях общества. М., 2011.
- Бауман З. Текучая современность. СПб, 2008.
- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
- Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998.
- Йоргенсен М.В., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
- Лотман Ю.Я. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. СПб., 1996.
- Колесов В.В. О языковой ментальности. Философия русского слова [Электронный ресурс]. URL: exlibris.ng.ru/person/2010-01-21/kolesov.html
- Пушкин А.А. Прагматические характеристики авторитарной языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1992.
- Секацкий А.К. Изыскания. СПб., М., 2009.
- Соколовская Т.Д. Универбация как традиционный активный процесс в русском языке [Электронный ресурс]. URL: режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/8/pdf
- Юрков С.Е.. Под знаком гротеска : антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003.

НОМО POLITICUS КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

И.В. Роззина

Ключевые слова: когнитивная медиалингвистика, антропоориентированные ментальные структуры, политический концепт.

Keywords: cognitive medialogistics, anthropooriented mental structures, political concept.

Исследования, проводившиеся в последние десятилетия в рамках целого ряда наук, со всей очевидностью обнаруживают тот «антропологический поворот», который призван «объяснять все и вся с позиций человека». [Куземина, 2011, с. 19]. Антропологическая направленность отчетливо проявляет себя и в лингвистике, для которой все более актуальным становится преодоление разрыва между изучением языка и его носителя – человека. Как следствие, переме-

щение интереса исследователей в сферу субъективности позволяет по-иному расставлять акценты: становится важным выяснение внешне-внутренней стороны языка. Поэтому сама постановка вопроса о поиске филологических оснований изучения человека, на наш взгляд, лежит в плоскости индивидуального сознания и овнешняемых им когнитивных структур, то есть, в единстве ментального и языкового.

Будучи осуществляемым в различных ракурсах, филологическое изучение человека дифференцируется и разветвляется: активно исследуются *Homo Loquens* и *Homo Cogitans*. Вместе с тем, при постановке вопроса о получении интегративного знания о человеке следует учитывать, что изучение его ментальных структур, овнешняемых посредством языка, не может осуществляться и в отрыве от того медийного пространства, в котором он обретает. Перманентная включенность индивида в медиапространство, на которое замыкаются и все другие пространства социума, включая политическое, позволяет относить практически любого индивида, живущего в современном обществе, к разряду *Homo Politicus*.

Следует отметить, что задача изучения *Homo Politicus* ставится такими науками, как политическая лингвистика, философская антропология, социальная психология и политическая антропология, становление которой, по словам А.С. Панарина, только намечается. [Панарин, 2002]. Одним из направлений политической лингвистики является рассмотрение проблем политической коммуникации с использованием методов исследований, применяемых в когнитивной лингвистике, причем ключевое место занимает изучение политических концептов в различных концептосферах [Хренова, 2010]. Вместе с тем, аналогичная задача, но, разумеется, в ином ракурсе встает и перед когнитивной медиалингвистикой, для которой проблема выявления специфики ментальной деятельности *Homo Politicus*, становящегося таковым в силу своей встроенности в политическое медиапространство, приобретает важнейшее значение. Наиболее перспективным в этом отношении представляется соединение потенциала когнитивной лингвистики, психолингвистики и медиалингвистики, позволяющее с позиций индивида рассматривать ментальную деятельность и ее репрезентацию в языке.

Как было отмечено выше, будучи существом социальным, а также в силу медийной детерминанты своего современного существования рядовой носитель языка постоянно пребывает в политическом медиапространстве, в силу чего он предстает в качестве *поли-*

тического познающего, думающего и говорящего индивида. Существует устоявшееся представление о том, что *Homo Politicus* – это непременно человек политически активный – человек, принимающий участие в политической жизни, состоящий в политических партиях, выходящий на митинги протеста, принимающий участие в дебатах и т.п. Это представление лежит в основе вывода о том, что большинство россиян аполитично, их политическое сознание не сформировано, – вывод, как будто бы подтверждающийся и одним из последних опросов общественного мнения, проведенного в связи с предстоящими президентскими выборами, согласно которому 82% россиян думают, что от них ничего в стране не зависит.

Мы же придерживаемся «компромиссной» точки зрения, заключающейся в том, что политизация сознания часто понимается упрощенно как действительно манифестируемая политическая активность, в то время как у политизации, несомненно, есть и личностное, зачастую не манифестируемое внешне и вербально не овнешняемое измерение. Поэтому мы исходим из того, что у любого человека, обладающего политическим знанием, сформирован политический фрагмент картины мира, хотя для каждого характерна своя степень включенности в текущий политический контекст. О сформированности политического сознания можно говорить еще и потому, что «человек как познающий и самопознающий субъект противостоит миру не как пассивный объект, а как деятельностный субъект, пытающийся создать в своем сознании мир вещей как собственный мир» [Колшанский, 1990, с. 85–86].

Учитывая вышеизложенное и опираясь на концепцию М. де Серто, делящего индивидов на слабых и сильных социальных актеров [Certeau, 1984], мы полагаем, что *Homo Politicus* представлен двумя типами – *Homo Politicus Fortis* и *Homo Politicus Ordinarius*. *Homo Politicus Fortis* – это политически активная, политически статусная и, как следствие, фокусная языковая личность, являющаяся объектом социально-политической перцепции и, соответственно, объектом репрезентации посредством СМИ. В свою очередь, *Homo Politicus Ordinarius* – это рядовая языковая личность, не включенная в активном формате в политические процессы, однако с неизбежностью фиксирующая когнитивный результат взаимодействия с создаваемым масс-медиа политическим пространством.

На наш взгляд, выделение двух типов *Homo Politicus* позволит получить более полное представление о когнитивных механизмах медиапознания политического пространства. Представляется важ-

ным акцентировать, что специфической особенностью медийного и, в первую очередь, телемедийного политического пространства является его потенциальная способность активировать «виртуальный» механизм субъект-субъектного взаимодействия – взаимодействия между рядовым членом общества (*Homo Politicus Ordinarius*) и политически статусной личностью – политическим лидером (*Homo Politicus Fortis*).

Продуктивной для осмысления индивидуальных результатов медиавзаимодействия между *Homo Politicus Ordinarius* и *Homo Politicus Fortis*, является категория *другого*, особенно актуальная для субъектных отношений. Включение в рассмотрение указанной категории способно давать представление о том, что является когнитивно значимым для *Homo Politicus Ordinarius* в отношении *другого* – *Homo Politicus Fortis*. Следует обратить внимание на то, что взаимодействие индивидуального и политического в человеке реализует себя через продуцируемую масс-медиа причастность индивида к политически ценностной актуальности *другого* через неизбежно возникающее медиавзаимодействие между «Я» и «Ты». Иными словами, медийный контекст существования *Homo Politicus Ordinarius* связывает его с жизнью и социальной значимостью другого – *Homo Politicus Fortis*. Присутствие этого другого становится основанием для «открытия» индивидом его когнитивно значимых свойств.

Цель данной статьи заключается в выявлении посредством ассоциативного эксперимента и последующего концептуального моделирования операциональных единиц хранения знания о *Homo Politicus Fortis*. Вместе с тем, концептуальное моделирование позволит получить представление и о втором типе *Homo Politicus*. Кроме того, помещение познающего политическую реальность индивида в заданную ассоциативным экспериментом систему координат позволит ранжировать сформированные под влиянием политической медиареальности антропоориентированные ментальные структуры в иерархической модели. Иными словами, ассоциативный эксперимент призван стать средством реконструкции индивидуального «менеджмента знаний» [Bickenbach, 1999, s. 248] при интериоризации медиасообщений, всегда выстраивающихся «вокруг некоторой главной фигуры» [Леонтьев, 2003, с. 67].

Не вызывает сомнений, что в течение последних двенадцати лет такой центральной, фокусной фигурой политического пространства современной России является бывший президент, теперешний премьер-министр и, по всей вероятности, будущий президент Рос-

сии – В.В. Путин. По этой причине для проведения свободного ассоциативного эксперимента в качестве имени политического концепта был выбран вербальный стимул – *Путин*. Предлагая указанный вербальный стимул, мы исходили из предположения о том, что, при овнешнении ментальных структур респонденты зафиксируют когнитивно значимые для них свойства центральной политической фигуры, что позволит выявить «политические зоны» ментальных пространств испытуемых. Эта презумпция основывалась на том, что имя политического концепта-антропонима – это особый знак, который «представляет собой не только средство для передачи знания, но также является особого рода контейнером для хранения преломленного в сознании опыта» [Кравченко, 2001, с. 129].

Необходимо отметить, что в 2002 году автором статьи был проведен аналогичный эксперимент, в котором приняло участие 156 респондентов. Примечательно, что тогда сколько-нибудь значимой диверсификации полученных ассоциатов не было выявлено. Самой частотной стала реакция *президент*: тогда ее зафиксировало 73% принявших участие в эксперименте. На долю двух других частотных реакций *Россия* и *Владимир Владимирович* пришлось соответственно 10% и 6% всех полученных реакций, что стало свидетельством начального этапа формирования концепта *Путин*. Еще одной отличительной особенностью раннего этапа формирования этого концепта было незначительное количество эмоционально-оценочных реакций и отсутствие репрезентантов отрицательной эмоции и оценки.

Проведенный в 2011 году повторный эксперимент подтверждает, что «накопление смысла» концепта происходит в известные сроки» [Рогожникова, 2010, с. 78]. Поэтому определение концепта, принадлежащее Ю.С. Степанову, на наш взгляд, применимо и к сфере политической медиакоммуникации, поскольку оно отражает поэтапность формирования политического концепта-антропонима как структуры, посредством которой, с одной стороны, политика входит в ментальный мир индивида, а с другой – индивид сам входит в политику, «а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1999, с. 40].

В эксперименте 2011 года приняло участие 267 студентов и преподавателей технических и экономических специальностей Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Цель эксперимента состояла в том, чтобы, отталкиваясь от экспериментальных данных, полученных в 2002 году,

проследить динамику структурирования концепта, обусловленную временным фактором.

Динамика политического концепта непосредственно связана с динамикой самой политической реальности. Появление *Homo Politicus Fortis* на политической сцене задает вектор формирования соответствующего антропонима – он начинает эволюционировать, и, как и другие лексические единицы, подвергается семантической трансформации и концептуализации. На начальном этапе формирования концепта его имя постепенно проникает в ментальные структуры индивида, выступая в качестве базисного когнитивного образования для сортировки «многообразного, исторически изменчивого социального опыта» [Степин, 1992, с. 43–44], который, наслаиваясь, постепенно приводит к возникновению многомерной, познавательной структуры, становящейся частью политической концептосферы индивида. Как следствие, концепт-антропоним начинает постепенно увеличивать количество своих репрезентантов, обретая, с одной стороны, свои специфические особенности, а с другой, по всей вероятности, повторяя путь, пройденный в своем формировании другими политическими концептами-антропонимами, репрезентирующими фигуру политического лидера.

В ходе эксперимента было получено 258 реакций (при 9 отказах), обнаружившие диверсификацию знания о политическом лидере и, соответственно, динамику развития концепта. Моделирование концепта на основе полученных результатов позволило иерархически развести единицы знания о политически статусной личности и создать целостную синтетическую модель, включающую в себя разные аспекты политического знания о *Homo Politicus Fortis*. Респонденты в этом случае рассматривались в качестве «симфонической личности», которая иногда значительно отличается от конкретных людей, входящих в нее, но именно такая личность «схватывает» в мысли социально-политическую ситуацию своей эпохи [Карсавин, 2008].

Поскольку *Homo Politicus Ordinarius* не преследует цель получения всеобъемлющего знания о *Homo Politicus Fortis*, а скорее фиксирует то, что для него является когнитивно значимым, постольку основу моделирования структуры концепта *Путин* составил критерий вербализации когнитивного признака. Полученные ассоциаты обнаружили определенные тенденции в фиксации знания о *Homo Politicus Fortis* и связанную с ними вариативность в способах выражения когнитивных признаков, детерминируемую познавательной

направленностью каждого из респондентов на конкретный, значимый для него признак. Как следствие, результаты эксперимента позволили выявить 11 групп ассоциатов, каждая из которых зафиксировала какой-либо один когнитивный признак.

Совокупность реакций первой группы репрезентирует ту политическую реальность, на фоне которой функционирует моделируемый политический концепт, выражая «нечто, кроме самого себя» [Комлев, 1969, с. 43]. Очевидно, в силу этого для 61 респондента, или 23,6% от их общего числа когнитивно значимым оказался «*пре-емственно-тандемный*» характер политической власти в современной России. Ассоциаты этой группы указывают на такую «слитность» двух политических деятелей – Путина и Медведева, когда один видится и воспринимается через другого или сравнивается с ним: *Медведев* (28), *президент Медведев* (6), *лучше Медведева* (2), *лучше президент* (1), *бывший президент* (7), *бывший* (2), *будущий президент* (3), *следующий* (1), *следующий президент* (1), *почти президент* (1), *скоро президент* (1) *зам №2* (1), *зам* (1), *второй* (1), *2 часть пары* (1), *помощник Медведева* (2), *помощь* (1), *правая рука* (1). Вместе с тем, немногочисленной оказалась группа ассоциатов, связывающих политического лидера страны с *другими политическими фигурами* настоящего и прошлого: *Сталин* (1), *Ельцин* (1), *Клинтон* (1), *Жириновский* (1).

Реакции, репрезентирующие значимость для 56 респондентов (22% реакций) *статуса Homo Politicus Fortis в социально-политической иерархии страны*, составили вторую группу ассоциатов, распадающуюся на две подгруппы, каждая из которых по своему репрезентирует этот когнитивный признак:

- официальный статус – *президент* (24), *премьер* (2), *премьер-министр* (11), *президент Путин* (3);
- положение в политической иерархии – *глава* (7), *глава всех* (1), *главный* (2), *верх* (1), *лидер* (1), *начальник* (1), *правитель* (1), *у руля* (1), *царь* (1), *диктатор* (1).

Наличие репрезентантов настоящего и прежнего официального статуса В.В. Путина (первая подгруппа ассоциатов) свидетельствует о сформированности у респондентов социальных когнитивных структур. Они указывают на совокупность социальных характеристик *Homo Politicus Fortis*, что связано с группировкой «людей в нашем окружении в классы и реагировании на них в зависимости от принадлежности к разным классам, а не от их своеобразия» [Брунер, 1977].

Вторая подгруппа ассоциатов служит подтверждением феномена идентификации с групповым лидером [Инговатов, 2011], указывая на его место в социальной иерархии [Белл, 1980]. Что касается ассоциата *царь*, то он говорит об активации концептуальной сферы «монархия», позволяющей осуществлять осмысление субъектов политической коммуникации в монархических образах и метафорически моделировать несправедливый тип государственного устройства [Кишина, 2010, с. 456].

Наличие реакций, составляющих следующую группу, во-первых, подтверждает обязательность «сочетания знания и переживания», о котором говорит А.А. Залевская [Залевская, 2001, с. 43]. Во-вторых, реакции этой группы могут рассматриваться в качестве продуктов так называемого эмоционального хитчхайкинга (emotional hitchhiking), продуцирующего сочетание когнитивного и эмоционально-оценочного аспектов в реакциях, вызываемых эмоциональной жизнью известных людей в особенности политических деятелей и звезд кино [Демьянков, 2004]. Такие эмоции и оценки возникают в результате близкого эмоционального контакта, устанавливаемого благодаря ментальной способности человека входить в «виртуальный мир <...> знакомств, симпатий, антипатий и других межличностных отношений» посредством интериоризации соответствующих медиасообщений [Демьянков, 2004, с. 70].

В этой связи следует отметить, что эмоционально-оценочный аспект концепта содержит все возможные градации в проявлении эмоций и оценок в отношении В.В. Путина – от восторженных до резко отрицательных, причем количество реакций в обеих группах практически одинаково. Этот способ фиксации знания оказался предпочтительным для 66 респондентов (26% всех реакций).

Положительная оценка и эмоция была зафиксирована 34 респондентами (13%). В положительном ключе оценивались следующие качества:

- интеллект – *умный* (1), *умный человек* (1), *реальный чел* (1);
- личностные свойства – *хороший* (2), *хороший мужик* (2), *норм* (1), *справедливость* (2), *весельчак* (1);
- деловые качества – *трудяга* (1), *старается* (1);
- способность вызывать восторженное отношение – *любимчик* (1), *молодец* (2), *классный* (1), *да!* (1), *forever* (1);

- способность улучшать благосостояние – 6,5% повышения пенсии (1), *надежда на лучшее* (1);
- способность находить политическую поддержку – *мы за него против Америки* (1).

Примечательно, что последняя реакция представляет собой овнешненную идеологему – особую стереотипизированную когнитивную структуру, используемую при восприятии окружающего мира и, как все идеологемы, помогающую поддерживать существующую власть. Она свидетельствует об осознании респондентом своей национальной идентичности, проявляющей себя в лояльности, как необходимом элементе механизма функционирования политической структуры и важнейшем факторе политической стабильности общества [Жикеева, 2010, с. 101].

Количество ассоциатов, представляющих отрицательную эмоцию / оценку составило 32, или 13% от общего количества реакций. Значимыми для этой группы респондентов стали следующие когнитивные признаки:

- несоответствие положения дел в стране желаемому – *развал* (2), *упадок* (1), *труба* (1), *ужас* (1), *коррупция* (2);
- необходимость ухода с политической арены – *должен уйти* (1), *нужно менять* (1), *отставка* (1);
- несоответствие ожиданиям и вызываемые этим эмоции и оценки – *не лучший* (1), *ненадолго* (1), *глупость* (1), *каламбур* (1), *отдаленность* (1), *робот* (1), *редиска* (1), *богач* (1).

Отрицательная эмоция / оценка, на наш взгляд, является результатом особой формы ментальной активности, результатом которой становится новое отношение к объекту [Калашникова, 2011, с. 15]. Эта форма активности проявляется прежде всего в ситуации рассогласования в системе «человек-жизненная среда», которую можно обозначить как трудную (критическую) жизненную ситуацию [Калашникова, 2011]. Поэтому наличие таких ассоциатов прежде всего указывает на присутствие индивида не только в политическом, но и в бытийном пространстве.

Эксперимент также показал, что для определенной части информантов (11% от общего числа респондентов) когнитивно значимыми являются *внешние, физические данные Homo Politicus Fortis*. Ассоциаты зафиксировали следующие аспекты внешности:

- мужественность – *мужик* (3);
- внешняя привлекательность – *красава* (1), *красавчик* (1);

- особенности походки – *утка* (1);
- особенности волосяного покрова – *лысый* (3);
- внешнее сходство с литературными персонажами – *Добби из «Гарри Поттера»* (1), *удава из мультфильма «38 попугаев»* (1).

Приведенные ассоциаты прежде всего указывают на значимость сенсорного восприятия политика. Именно поэтому в ряде случаев для вербализации особенностей его физических данных респонденты прибегают к их метафоричному описанию, используя такие уже существующие знаки, как *Добби* («Гарри Поттер»), *удава* (мультфильм «38 попугаев») с целью фиксации значимого когнитивного признака. В этих реакциях прослеживается тенденция описывать одни явления внутреннего мира через другие ментальные образования, ставшие элементами концептуальной системы в результате других граней индивидуального опыта.

Эксперимент показал, что для 7,7% респондентов (20 реакций) актуально знание о *месте осуществления политиком своих властных полномочий*: Россия (13), страна (2), государство (4), Кремль (1).

Мы также сочли возможным выделить в отдельную группу 18 реакций (7%), совокупность которых эксплицирует политический концепт *Путин: человек* (1), *политика* (1), *власть* (8), *государство* (4), *правительство* (1), *законы* (1), *Единая Россия* (2).

Особую группу ассоциатов составляют «восстановленные» 15 респондентами (6%) *инициальные компоненты предложенного в качестве стимула антропонима – Владимир Владимирович* (6), *Владимир* (8), *Вован* (1). Реакции варьируются от уважительных имени-отчества и полного имени до фамильярных. На наш взгляд, выраженная фамильярность последней реакции свидетельствует о действии стереотипа социального восприятия другой личности, проявляющего себя в альтернативном способе ее именования с целью сокращения психологической дистанции.

Следующая немногочисленная группа ассоциатов, указывает на то, что для некоторых респондентов значим прежний *род деятельности политика – КГБ* (3), *ФСБ* (1), *тайный человек* (1). А реакции четырех респондентов зафиксировали также *значимость занятий спортом – дзюдо* (3), *спортсмен* (1). В основе еще одной небольшой группы реакций лежит визуальный опыт респондентов, связанный с перцепцией разного рода *изображений политического деятеля – портрет* (1), *водка* (1), *новогоднее поздравление* (1). Очевидно, что в этом случае активизация концепта происходила «на

основе сенсорной информации, которая схватывается непосредственно» [Полев, 2009, с. 21].

Следует признать, что реакция *краб*, которую зафиксировало 8 респондентов, показалась неожиданной. Однако, как выяснилось, источником этой реакции стала ложная этимология. В конце второго президентского срока В.В. Путин сказал, что во время своего президентства он «пахал как раб на галерах», однако молодое поколение пользователей Интернета не опознало идиому, вследствие чего из двух соседствующих лексем *как раб* и получился *краб*.

Выделенные группы ассоциатов наглядно показывают, что в силу многообразия проявлений любой личности Homo Politicus Fortis «не присутствует целиком как существующая сущность» [Инговатов, 2011, с. 63] в ментальном пространстве Homo Politicus Ordinarius, а открывается ему когнитивно значимыми гранями. Как следствие, репрезентанты концепта отражают личность политического лидера в ее различных ипостасях – как индивида политического, индивида социального, индивида физического и индивида интеллектуального. Иерархизация когнитивных признаков позволяет построить модель человека – Homo Politicus Fortis, формируемую под влиянием происходящих в обществе изменений и отображающую как политическую реальность, так и ментальную реальность Homo Politicus Ordinarius. Поэтому модель Homo Politicus Fortis – это ментальная структура, воспроизводящая не только и не столько его типичные черты, сколько современное состояние отношений между двумя типами человека политического.

Литература

- Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
 Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
 Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М, 2004. Ч. 2.
 Жикеева А.Р. Концепты национального языкового сознания // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб.; Горловка, 2010.
 Залевская А.А. Психоллингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
 Инговатов В.Ю. Человек в социально-онтологическом измерении. Барнаул, 2011.
 Калашникова С.А. Человек и жизненная среда: психология взаимодействия // Проблема соотношения естественного и социального в человеке. 2011. № 2.
 Карсавин Л.П. О личности. М., 2008.
 Кишина Е.В. Метафорическое наполнение концептуальной диады «свой-чужой» в тоталитарном политическом дискурсе // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб.; Горловка, 2010.

- Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кравченко А.В. Знак, значение, Знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кузмина Е.Ф. Ностальгия по человеку (антропологический поворот в философии М.К. Мамардашвили) // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2.
- Леонтьев А.А. Психологические особенности языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М, 2004. Ч. 2.
- Панарин А.С. Политическая антропология (Homo politicus) и интернет [Электронный ресурс]. URL: http://www.politology.vuzlib.net/book_o236_page_10.html. Дата обращения: 25.11.2011.
- Полев Д.М. Эталон, прототип, стереотип, как механизмы восприятия человека человеком // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 8.
- Рогожников Т.П. К проблеме динамики концепта: диахронический и региональный аспекты // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб.; Горловка, 2010.
- Степанов Ю.С. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Сер. Литература и языки. Т. 58. 1999. № 4.
- Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
- Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. М., 2005.
- Хренова А.В. Сценарии концепта *President* в английской концептосфере на материале газеты *New York Times*. // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб.; Горловка, 2010.
- Bickenbach M. Von den Möglichkeiten einer 'inneren' Geschichte des Lesens. Tübingen, 1999.
- Certeau Michel de. The Practice of Everyday Life. Berkely, Los Angeles, and London. 1984.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ОСНОВАНИЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА

Т.Г. Пшенкина

Ключевые слова: перевод, переводчик, психолингвистическая модель перевода, интерпретация, речевая деятельность.

Keywords: translation, translator, psycholinguistic model of translation, interpretation, speech activity.

Антропоцентрическая доминанта лингвистических исследований всегда совпадала с переводческими приоритетами. Большинство сторонников возникших в 50-х годах прошлого века лингвистических моделей перевода, стремившиеся избежать всякой субъективности в пе-

реводческой деятельности не могли не признать, что лингвистический компонент действительно является центральным и управляет процессом перевода во всех случаях, пока не вступает в противоречие с другими факторами и компонентами. Действительно, в деятельности с языковыми знаками, обладающими личностно и культурно детерминированным характером, невозможно обойтись без обращения к психической, умственной, эмоциональной и интенциональной деятельности тех, кто пишет, читает и переводит.

Появление психолингвистических (интерпретативных, деятельностных) моделей перевода совпало со сменой существующих в науке онтологических представлений о сущности языка и предоставило в распоряжение переводоведов некоторую отправную точку для объективации представлений о взаимоотношениях слова и постоянно варьирующихся и растягивающихся смыслов. Теоретическим основанием таких моделей послужили, с одной стороны, достижения российской психологической школы (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, А.А. Леонтьев и др.). С другой стороны, эти модели учитывали результаты исследовательский текст и текстовых категорий (В.П. Белянин, Г.И. Богин, Л.О. Бутакова, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин и др.), а также положения, выдвигаемые переводоведами, представляющими перевод как деятельность по восприятию и порождению смыслов (Н.Л. Галеева, И.Э. Клюканов, А.Н. Крюков, Ю.А. Сорокин, Е.М. Масленникова и др.).

Переводческие модели, рассматриваемые в рамках заявленного направления, достаточно разноплановы. Об этом можно судить хотя бы по широкой вариативности представляющих их определений, перечисленных в начале статьи. Объединяющим моментом здесь является то, что перевод приобретает в них статус не только языкового и культурного явления, не только особого вида психической, мыслительной деятельности субъекта, но и их своеобразного сочетания. Перевод предстаёт *речемыслительным процессом*.

Логично предположить, что наиболее адекватными ресурсами для исследования такого процесса располагает *психолингвистика*, наука интегративного типа, разнообразные исследовательские программы которой, если попытаться представить их в едином «ракурсе», определяются интересом к функционированию языка у человека, к «языку как достоянию индивида» [Залевская 1999, с. 34]. В этом плане интересы психолингвистики и перевода совпадают уже потому, что последний в классификации профессий относится к группе «человек – человек».

Какие конкретно данные, находящиеся в распоряжении психолингвистики, оказались востребованными в *психолингвистической* теории перевода?

На наш взгляд, это:

- информация, касающаяся деятельностной характеристики речи, если перевод признаётся одним из её видов;
- активно разрабатываемые теории понимания, связанные со способами извлечения смысла из речевого произведения в процессе его интерпретации;
- основополагающие теории речепроизводства / порождения текстов, взаимоотношение мысли и слова, осуществляемое с учётом психосемиотических профилей читателя и автора, переводчика, автора и читателя;
- теория лакун, понятие, с помощью которого фиксируются расхождения между «своей» и «чужой» культурой, причём проблема культурноспецифического в ней выходит за рамки языковых реалий и распространяется на специфические явления, процессы, поведение, вступающие в противоречие с узуальным семиотическим опытом общающихся.

Активный субъект, включённый в деятельность – это традиционный объект *теории деятельности*, восходящей к идеям Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, к концепциям ряда известных психологов и физиологов. Основной составляющей человеческой деятельности в рамках этого направления считается действие – «процесс, подчинённый представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчинённый сознательной цели» [Леонтьев, 1977, с. 153]. Составляющими «деятельностного фрейма» являются мотив, цель, действия, операции (как способы выполнения действий), установка и результаты (продукты) деятельности [Леонтьев, 1977, с. 62].

Представленные характеристики в полной мере применимы к речевой деятельности, а следовательно, и к переводу как одному из её видов. Рассмотрим, как исходные положения теории речевой деятельности, отечественной психолингвистики, преломляются в переводе, какие дополнительные сведения о сущности и механизмах переводческого процесса заложены в *деятельностных* теориях перевода.

1. В теории речевой деятельности единицей анализа является элементарное *речевое действие и речевая операция*. В переводе в качестве действий рассматриваются *способы представления смыслов языковыми выражениями*. Посредством языкового выражения автор фик-

сирует свои личностные смыслы, а переводчик-реципиент порождает свои на базе *интерпретации* представленных в тексте конвенциональных языковых единиц. Взаимообусловленность языковых единиц в структуре текста является основой, позволяющей переводчику обнаружить авторский мотив употребления тех или иных языковых элементов. В процессе интерпретации каждый раз рождается «свой» текст, глубоко неповторимый и уникальный. Он связан с оригиналом инвариантным смыслом, но в нём присутствует отражение личных и профессиональных качеств переводчика [Белянин, 2004; Сорокин, 2003 и др.], результат избранных им приоритетных стратегий. В конечном счёте, переводческая деятельность предстаёт речесмыслорождением, реконструкцией переводчиком на базе его концептуальной системы интегративного / доминантного смысла исходного текста [Пищальникова, 1999].

2. Смысловой сдвиг, сопровождающий переводческую деятельность, находится в полном соответствии с онтологией речевой деятельности. Последняя организована не по алгоритмическому, жёстко заданному определённой ситуацией принципу, а по «*эвристическому*», то есть в ней предусмотрено звено, в котором осуществляется *выбор стратегии* речевого поведения. Речевая деятельность характеризуется гибкостью, она допускает различные пути в операциях с высказыванием при восприятии и порождении. Именно эти качества, в конечном счёте, и обуславливают относительное соответствие как в отношениях между подлинником и переводом, так и в вариантах транслята, выполненного разными переводчиками.

3. Характер речевой деятельности во многом предопределён взаимоотношением опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения, т.е. взаимоотношение отображения (образа) и деятельности (процесса). Это общеметодологическое исследовательское положение актуально для перевода, в котором центральную позицию занимает человек.

Тезис о «событийствовании» (М.К. Мамардашвили) мира и человека получает подтверждение в концепциях о существовании большого и малого мира, большого и малого опыта (М.М. Бахтин), в представлениях о взаимопроницаемости онтологического и гносеологического в процессе познания (П. Флоренский), о неправомерности однозначного противопоставления сознания и бытия как простого соотношения внутреннего и внешнего.

Неразрывность внешнего и внутреннего, опосредованность реального мира сознанием субъекта согласуется с введением (этносемио-

тического) фактора наблюдателя [Колесов, 2008; Кравченко, 2001; Кубрякова, 2004; Степанов, 1998; Pike, 1966], а также с положениями семиотических теорий [Пирс, 2000]. Их сторонники придерживаются мнения о том, что в процессе коммуникации объективная реальность опосредуется благодаря присутствию субъективного начала, то есть благодаря интерпретатору знаков, а, следовательно, преобразуется в семиотическую реальность. Это означает, что для интерпретирующего знаковая реальность, создающая знание об объекте, то есть значение, конституируется не набором потенциально присущих объекту признаков, а актуальных для индивида фрагментов опыта, которые складываются в его образе мира в результате различных форм личного взаимодействия (непосредственных, опосредованных) с данным объектом.

«Образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1997, с. 268]. Неоднократно отмечалось, что реальность, воспринимаемая через образ мира, способна представлять на различных уровнях осознаваемости. Это значит, что за тем, что в определённый момент появляется в светлом поле сознания, выходит на его «табло», стоит многомерный мир. А.А. Залевская справедливо утверждает, что «осознаваемое как вершина, пик огромного айсберга опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [Залевская, 2003, с. 37]. В речевом общении языковые знаки, чаще всего выступающие ориентирами, опорами для доступа к образу мира, обеспечивают его лишь во взаимодействии с другими психическими процессами: памятью, мышлением, восприятием, чувствами, волей и т.д. При усвоении иностранного языка, в посреднической деятельности переводчика коррелирующие слова разных языков должны выводить на коррелирующие образы мира в сознании коммуникантов.

Отсюда главенствующая роль фазы ориентировки как для речевой, так и переводческой деятельности. Её результатом является выбор коммуникантом / переводчиком соответствующей стратегии порождения и восприятия речи, а также этап планирования, предполагающий использование образов и опору на предшествующий опыт общающихся в соответствии с их образом мира.

4. Тесно связан с предыдущим постулат о важности сознательного выбора того или иного способа деятельности, планирование и перебор возможных исходов после его осуществления. Такого рода вероятностное прогнозирование И.М. Фейгенберг определяет как «предна-

стройку к действиям в предстоящей ситуации, опирающуюся на вероятностную структуру прошлого опыта и информацию о наличной ситуации» (цит. по: [Леонтьев, 1997, с. 70]).

5. Актуален для перевода и постулат речевой деятельности о том, что в основе восприятия речи лежат процессы, частично воспроизводящие процессы её порождения.

Таким образом, психолингвистические и деятельностные подходы оказываются продуктивными для перевода именно в плане того, что в центре их внимания оказывается коммуникативная деятельность участников общения, операции со смыслом, представлены механизмы их исполнения. В то же время переводческая деятельность выходит за рамки объяснительных возможностей этих моделей, когда, например, возникает необходимость оперировать информацией о разных слоях сознания коммуникантов, об их эмоциях, об их способности к выводным знаниям. Логично заключить, что деятельность должна быть интегрирована с другими знаниями.

Исходя из данного принципа, конкретизируя его, вернёмся к разнообразию определений, представленных в начале статьи. Можно предположить, что все три атрибута, характеризующие описываемую модель, находятся друг с другом в отношении дополнительности, и перевод в самом общем виде предстаёт как *психолингвистический* процесс, в котором посредством *интерпретирующей деятельности* индивида на базе оригинала осуществляется речесмыслопорождение текста перевода. Точку зрения, близкую к высказанной, находим у Ю.А. Сорокина. В статье с характерным названием «Интерпретативная или деятельностная теория перевода?» он утверждает, что «деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая / интерпретативная теория» [Сорокин, 2000, с. 110].

В представленном далее кратком обзоре выделим *три направления переводческих исследований*, выполненных в описываемой парадигме (оставим за ней термин «психолингвистическая»), которые, на наш взгляд, продвигают дальше, вносят дополнения и уточнения в проблему культурноспецифического, позволяют впервые обратиться к деятельностным *механизмам*, определяющим характер протекания процесса перевода, совершаемого переводчиком.

Именно с этих позиций психолингвистические модели представляют интерес для исследователей *синхронного перевода*.

Так, *вероятностно-прогностическая модель* Г.В. Чернова [Чернов, 1978; 1987] акцентирует внимание на специфически деятельностных механизмах в условиях синхронного перевода. Выдвинутые авто-

ром положения носят универсальный характер и могут быть применимы не только к устному, но и письменному переводу. Это относится к положению об актуальности опорных элементов для понимания переводчиком смысла текста, к функционированию механизма вероятностного прогнозирования.

Г.В. Чернов был одним из первых, кто обратился к центральному вопросу переводоведения: «Каким образом переводчик осуществляет извлечение смысла сообщения?» Особое внимание было уделено *подсознательному смысловому выводу* в переводе, создающему субъективную избыточность сообщения у слушателя, за счёт взаимодействия семантической структуры сообщения, его тезаурусных знаний, а также знаний о ситуативном контексте.

В теории Г.В. Чернова ещё не фигурирует термин *инференция*, акцентирующий активную роль реципиента / переводчика, но учёный вплотную подошёл к осознанию деятельности переводчика, обратившись к проблеме выводных знаний, вероятностного прогнозирования. «Всякое понимание основано, прежде всего, – пишет он, – *на контекстуальной интерпретации наших собственных мыслительных моделей*, а понимание и продуцирование текстов начинается не с первых слов текста, а с уже состоявшейся активизации понимания наличной ситуации, которая служит стимулом для ожидания определённых видов текстов и смыслов» (курсив мой. – *Т.П.*) [Чернов, 1987, с. 121–122].

Существенно дополнили представления о речемыслительных процессах, связанных с переводом, работы А.Ф. Ширяева. Сосредоточившись на описании структуры переводческой деятельности, считая её изоморфной интеллектуальному акту, А.Ф. Ширяев уделяет особое внимание *фазе ориентировки и выработки или выбора переводческого решения*. Он вводит понятие «единица ориентировки» – «отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору переводческого решения» [Ширяев, 1981, с. 76].

Необходимо отметить, что заслуга обоих авторов заключается не в очередной констатации факта относительно того, что перевод – это операции не только со словом, но и со смыслом, а в конкретных шагах по выявлению механизмов извлечения и передачи смысла в процессе перевода.

Эту же цель преследуют представители условно выделенного нами *второго направления* психолингвистических теорий, которых объединяет интерес к условиям, в которых актуализируется смысл текста при его порождении и восприятии. Прежде всего здесь следует назвать

работы А.И. Крюкова, которые заложили методологические основы отечественной интерпретативной теории перевода [Крюков, 1988; 1996]. Критически исследовав лингвистические теории перевода, автор заявил о том, что существовавший «субститутивно-трансформационный», в его терминологии, тип онтологии должен быть дополнен понятием деятельностного типа, в соответствии с которым перевод рассматривается *не как преобразование исходного текста, а как речепорождение*.

В качестве исследовательской модели для изучения перевода в условиях отсутствия переводных соответствий (имеются в виду случаи, традиционно представляемые в понятиях «целостное преобразование», «перевод на уровне описания ситуации» или «цели коммуникации») предлагается *герменевтическая модель перевода*. Суть интерпретативной концепции автора связана со следующими тремя положениями:

1. *Включением в предметную область переводоведения проблемы понимания*. Это означает, что при переводе фаза понимания заслуживает не меньшего внимания, чем фаза порождения, и не воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Не поддерживает А.Н. Крюков и известный стереотип о переводчике как «прозрачном стекле», что созвучно современному пониманию о том, что переводчик всегда стоит перед проблемой – а где есть выбор, там неизбежна субъективность и интерпретация [Борисенко 2010, с. 105].

2. В работах А.Н. Крюкова нашли дальнейшее развитие проблемы *языка и знаний* в переводе. Автор придерживается взглядов относительно того, что языковые значения не исчерпывают всей суммы знаний, существующих в общественном и индивидуальном сознаниях. Они должны быть дополнены образами предметов, действий, эмоциональных состояний, поведения, которые группируются в сознании в виде цельных синкретических ансамблей. Такие структуры обладают ярко выраженной национальной спецификой, следовательно, для того, чтобы общение состоялось, понимание между коммуникантами было достигнуто, пропозиции в процессе перевода должны быть вербализованы адекватными способами, которые и предстоит отыскать переводчику.

3. Эти способы подчинены закону *гомоморфизма рецептивного смысла интенциональному*, т.е. смыслу, «который автор вкладывает в объективное языковое значение в ходе вторичного семиозиса, исходя из прагматической интенции» [Крюков, 1996, с. 108].

В интерпретативной концепции А.Н. Крюкова затрагивается целый ряд актуальных вопросов общетеоретического плана, предлагаются пути их решения, которые, как показывает время, оказались весьма удачными и послужили исходным моментом для дальнейшей разработки и детализации. Тезис о том, что *переводу подлежат структуры сознания* (хотя эта идея была выражена в иной терминологии), способствовал исследованию национально-культурной специфики речевого общения и закономерностей перевода, сформировал базу для современных этнопсихолингвистических исследований.

Вместе с тем некоторые из поставленных автором вопросов не получили однозначного толкования. Так, например, неясно, каков механизм формирования доминанты интенционального смысла, которая призвана ограничивать «рецептивный произвол» переводчика.

Судя по описанию его функционирования, мы предполагаем, что этот механизм должен действовать подобно тому, который связывается с формированием доминантного смысла. По нашему мнению, термин «доминанта интенционального смысла» А.Н. Крюкова соотносим с термином «*доминантный смысл*», который вводит в теорию перевода В.А. Пищальникова, привнося в него положения, разработанные ею для эстетической речевой деятельности. «Доминантный смысл концептуальной системы (и текста) выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанного ряда концептов, представленных совокупностью лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл» [Пищальникова, 1999, с. 47]. Языковой знак, его значение как стабильные компоненты включаются в конструирование смысла, но восприятие языкового знака – лишь «точка отсчёта» («намёк на значение», по А.А. Потебне) в интерпретационном процессе построения смыслового пространства текста, который начинается с осмысления языкового знака и переходит на следующий уровень – понимание, где осуществляется проникновение «за значение» слова. При восприятии языкового знака актуализируются другие составляющие концепта: его образное, понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание.

Таким образом, положения психопозитической теории, связанные с доминантным смыслом, с природой интерпретационных процессов не только подтверждают существующее мнение о текстах как о «смыслопорождающих» устройствах [Лотман, 1999], о положительной роли, норме неполного совпадения смыслов в процессе коммуникации, способствующих приращению нового смысла, но и предлагают эмпирически выверенное теоретическое обоснование этому.

Ещё одно, *третье* направление, представленное психолингвистическими моделями, имеет много общего с описанными выше теориями извлечения смысла текста, но обращение к смысловосприятию и последующему смыслопорождению происходит с учётом (*этно*)психолингвистического типа участников переводческого процесса. В переводческом процессе впервые заявлено о главенствующей роли переводчика. Речь идёт об интеллектуально-эмоциональном типе личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит [Сорокин, 2003].

Тип личности оказывает влияние на актуализацию содержания текста, на его «векторизацию». В процессе векторизации понятийно-денотативная, речевая, эмоционально-оценочная структура личного опыта реципиента соотносятся с понятийно-денотативной структурой воспринимаемого им текста, вызывая различную степень осознания, модификации, приращения смысла текста или его искажения.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на разнообразие оснований психолингвистических моделей их общим основополагающим свойством является обращённость к языку как достоянию индивида. Переводчик в этих моделях занимает центральное положение. В отличие от коммуникативных моделей, где его появление в центральной части модели межъязыковой коммуникации, связанное с меной кода, перемещало перевод в «мистическую, ненаблюдаемую якобы никакими методами плоскость» [Витренко, 2003, с. 54], психолингвистические модели *предложили механизмы*, направленные на объяснение принципов успешного осуществления переводческой деятельности. Это позволяет представить суть психолингвистических моделей перевода как «тесную взаимообусловленность, взаимодополнительность системных свойств текста и индивида, порождающего и воспринимающего этот текст в рамках своей концептуальной системы (КС)» [Пшенкина, 2005, с. 52].

Литература

- Белянин В.П. Психолингвистика. М., 2004.
 Борисенко А. «... как бы сквозь тусклое стекло...» // Иностранная литература. 2010. № 10.
 Витренко А.Г. Декодирование прозаического художественного текста при переводе // Перевод как когнитивная деятельность. М., 2003. Вып. 480.
 Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул, 2003.
 Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Колесов И.Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительно-го восприятия (на материале русского и английского языков). Барнаул, 2008.

Крюков А.И. Антиномии в теории перевода и их разрешение // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. Вып. 426.

Крюков А.И. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.

Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.

Пшенкина Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул, 2005.

Сорокин Ю.А. Переводоведение : статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М., 1987.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.

Ширяев А.Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. М., 1981.

Pike K.L. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction. New York, 1966.

ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Лукашевич

Ключевые слова: эффективная коммуникация, коммуникативный контакт, коммуникативное воздействие.

Keywords: effective communication, communicative contact, communicative influence.

Язык, как мощное средство коммуникативного воздействия, позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку [Пирогова, 2001, с. 209].

В самом широком смысле коммуникация понимается нами как когнитивное, эмоциональное, поведенческое взаимодействие между субъектами в процессе обмена информацией, а в качестве идеала коммуникации признается «возможность для любого участника коммуникации свободно выражать свои мысли и чувства, а также критически и аргументированно освещать позиции других участников общения» [Клюканов, 2005, с. 61]. В данной статье мы предприняли попытку исследовать особенности коммуникативного имиджа политиков Алтайского края с точки зрения установления ими коммуникативного контакта с целевой аудиторией. Для этого в результате сплошной выборки на сайте ПолитСибРу (независимый общественно-политический портал politsib.ru) в рубрике «Комментарии» с января по октябрь 2011 года мы отобрали тексты, авторами которых являются известные в Алтайском крае политики (И. Вольфсон, Е. Клюшникова, А. Карлин, С. Неверов, В. Сафронов, Б. Трофимов, А. Щукин и др.).

На наш взгляд, если исходить из лексического значения слова (от лат. *contactus* – соприкосновение), то контакт в коммуникации можно рассматривать как *принцип взаимодействия* (соприкосновение – непосредственная близость, при которой возможно взаимодействие), *структуру и процесс* (взаимодействие – непосредственное общение кого-либо с кем-либо); *результат vs. функция* (взаимное понимание, согласованность в работе, в какой-либо деятельности, в деловых, дружеских и иных отношениях; связи).

Как правило, для установления коммуникативного контакта с целевой аудиторией говорящий использует риторические приемы диалогизации монологической речи (приветствие, обращение к адресату, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, вопросно-ответные конструкции, побудительные конструкции и др.). Диалогизация монологической речи активизирует восприятие речи слушающим, придает речи оттенок непринужденности, разговорности. Считается, что аудитория положительно оценивает диалоговый режим общения, поскольку диалогизация речи – это определенная речевая стратегия: «видеть в адресате не пассивный объект, а активный субъект равноправного речевого взаимодействия» [Культура русской речи..., 2003, с. 157].

«Что такое программа устойчивого развития сельских территорий? Мы имеем программу развития сельского хозяйства. Это, скорее, программа экономическая, программа развития отрасли. Хотя там есть компоненты более широкие» (А.К.).

«Поэтому можете не сомневаться, что, в независимости от того, есть ли на предприятиях партийные ячейки, или нет там таковых, руководство будет организовывать исполнение воли совершенно конкретной партии под всем известным названием» (И.В.).

«Посмотрите современные гербы России, я уже не говорю о тех, что приняты до 1917 года. В огромном количестве изображены мечети, полумесяц, другие атрибуты мусульман. Посмотрите гербы Казани, Астрахани. На них есть мусульманские символы» (С.Н.).

«Ленин - это наша история. В мировой истории есть фигуры более одиозные. Давайте Кромвеля (прим. ПолитСибРу – вождь Английской революции XVII века) найдем и перезахороним» (В.С.).

Диалогизации речи способствует и использование рассуждения в соответствии с авторитетом, которое представляет собой форму демонстрации неуязвимости авторитета.

«В частности, предложения Владимира Путина по поддержке сельских врачей и сельских специалистов в области медицины – элементы этой программы» (А.К.).

«В частности, для нас очень значимым было сообщение Виктора Зубкова о том, что в течение ближайших дней будет принято решение о начале реализации программы обновления парка сельхозмашин – тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники» (А.К.).

«Путин заявил о создании «Общероссийского народного фронта». Тем самым он дал понять, что в списках партии на выборах в Госдуму ее лидер желает видеть представителей широких народных масс, не только партийцев, но и беспартийных – но тех, кто разделяет цели Партии по развитию России. Путин дал четкую установку – партии в списках, а затем и во власти нужны новые лица, нужны равнодушные люди, готовые эффективно реализовать задачи по развитию страны» (Б.Т.).

«В области экономики и инвестиций стимулирование инвестиций провозглашено одной из главных, ключевых антикризисных мер администрации, но, на наш взгляд, я соглашусь с коллегой (руководителем фракции «Справедливая Россия» Дмитрием Макаровым – ПолитСибРу), очень много времени, сил, внимания уделяется проектам, которые не способны изменить ситуацию в экономике и не приведут к заметному улучшению занятости, росту уровня и качества жизни населения» (Е.К.).

Пример полифонической авторитетности, когда говорящий вводит в дискуссию голос незримого участника, который с этого момента

становится гарантом еще одной точки зрения, логически связанной с защищаемым или опровергаемым тезисом, встретился в двух текстах: комментарии С. Неверова «Идея с полумесяцем на российском гербе – это полный бред» и комментарии В. Сафронова об инициативе единосроссов вынести тело Ленина из мавзолея: «Это мерзость, только и всего!».

В качестве информационного повода журналисты предложили С. Неверову прокомментировать следующее медиасобытие: «...председатель Центрального духовного управления мусульман России, верховный муфтий Талгат Таджуддин предложил изобразить мусульманские символы на российском гербе. Таджуддин хочет увенчать одну голову орла полумесяцем, другую – православным крестом, а ту корону, что находится посередине – и крестом, и полумесяцем».

«Я считаю, что идея с полумесяцем на гербе – это полный бред. <...> На отношения мусульман и христиан изменения в гербе не повлияют. Среди мусульман много здравомыслящих людей, которые понимают, что символика ничего не изменит. Я думаю, что христианско-мусульманские отношения – это более глубокий вопрос, который надо решать не эмблематикой» (С.Н.).

Публицистический стиль допускает использование разговорной речи, как правило, для усиления выразительности, однако оно должно быть мотивированным и ограниченным. В соответствии с этим оценка «бред» препятствует установлению коммуникативного контакта и служит дискретизации предложившего идею лица, так как используется лексика с семантикой умственного отклонения и ненормальности, по сути, подменяющая аргументы (Бред – «перен. Нечто бессмысленное, вздорное, несвязное (разг.)»). Вздор – (разг.) «Нелепость, глупость, ерунда» [Словарь русского языка, 1981]. Если учесть социальный статус Т. Таджуддина, то, по нашему мнению, региональному политику следует помнить об ответственности по статье 152 первой части ГК РФ, посвященной защите чести, достоинства и деловой репутации. Именно эта фраза, взятая из контекста комментария, предложена на сайте в качестве заголовка. Подобный акцент, на наш взгляд, не только вредит пониманию позиции автора, но и уведит от системы его аргументации. Ср., например: *«на отношения мусульман и христиан изменения в гербе не повлияют. Среди мусульман много здравомыслящих людей, которые понимают, что символика ничего не изменит. Я думаю, что христианско-мусульманские отношения – это более глубокий вопрос, который надо решать не эмблематикой».*

Преимущество приема полифонической авторитетности заключается в том, что полифоничным оказывается не только само общение, поскольку в него вмешиваются дополнительные действующие лица, но и тезис: *«Новый режим уже 20 лет ищет, кто виноват – то Ленин, то Сталин. Это неуважение к истории, Ленин – это наша история. В мировой истории есть фигуры более одиозные. <...> Такие инициативы – это попытка увести народ от насущных проблем, от дороговизны хлеба, тарифов. Нынешняя власть не может решить элементарные вопросы, а что тогда остается»* (В.С.).

Коммуникативный контакт невозможно установить, если адресант не учитывает интересы адресата. При этом, как правило, особое внимание уделяется взаимному признанию статусов участников общения как членов одной группы («свой – чужой»), необходимости публичной положительной оценки достижений других. В связи с этим важным представляется исследование того, как политик в своей речи характеризует свою партию и политических оппонентов.

Так, анализ информации губернатора Алтайского края, единоросса А. Карлина о работе секции «Продовольственная безопасность – основа развития страны» в рамках съезда «Единой России» (24.09.2011) позволяет выявить потенциал его политического имиджа:

- окружение: «свои» – председатель Госдумы Борис Грызлов, первый вице-премьер Виктор Зубков, министр сельского хозяйства Елена Скрынник, ряд губернаторов аграрных регионов, эксперты, специалисты, руководители крупных сельхозпредприятий, фермеры, государство, правительство, край, «Единая Россия», Владимир Путин; «чужие» и «другие» в тексте не представлены;
- рациональные инновации (исторические события или трудности):

«Борьба с фальсификатами, с подделками, с элементарным обманом потребителей должна стать общей заботой и государства, и гражданского общества. Эти мысли сформулированы в рекомендациях секции, которые войдут в доработанную программу «Единой России»»; «конкретные направления в аграрном секторе, которым государство должно, на наш взгляд, в ближайшее время уделить повышенное внимание»; «в течение ближайших дней будет принято решение о начале реализации программы обновления парка сельхозмашин – тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. На это на первом этапе правительство выделит 3,5 миллиарда рублей» и т.п.;

– открытость (видимая доступность, эффективная обратная связь избирателей с лидером) и ориентация на различные социальные группы (вариабельность и многоплановость имиджа): *«государство и гражданское общество»; «программа экономическая, программа развития отрасли, хотя там есть компоненты более широкие»; «сельских врачей и сельских специалистов в области медицины – элементы этой программы. Но там и жилье, образование, культура, дороги, газификация и многое другое, без чего немислимо современное село как социум»;*

– эффективные коммуникации: поэтапное обсуждение предложений для федеральной программы, инициатива «снизу», прогнозирование и анализ;

– лидерство (черты победителя, черты «отца»): *«Мы внесли в проект резолюции секции предложение о форсировании подготовки федеральной программы устойчивого развития сельских территорий. Для нас это вопрос концептуального значения. Есть концепция федеральной программы устойчивого развития сельских территорий. Но федеральной программы, как рабочего документа, пока нет»; «Мы несколько недель назад такую программу приняли у себя в крае. Это пионерская программа, такой нет ни в одном регионе России. Мы в этой программе реализуем все четыре направления, заложенные в федеральной концепции. Но нам бы хотелось, и я этого не скрываю, получить программу, а вместе с ней и федеральный ресурс. И тогда эффект был бы, конечно же, выше».*

Как видим, А. Карлин, реализуя тактику кооперации в психолингвистическом сценарии «планирование», активно использует местоимение «мы»: примеры показывают, что, с одной стороны, «мы» – это «Единая Россия», а с другой – региональная и федеральная власть. О.С. Иссерс отмечает, что продуктивность категории «свой круг» объясняется ее гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием: автор каждый раз заново очерчивает «свой круг», отделяя «своих», «наших» от «чужих» [Иссерс, 1999, с. 74]. Политические оппоненты в тексте А. Карлина никак не обозначены, в связи с этим нет необходимости учитывать их мнение по обсуждаемым вопросам. На наш взгляд, данная ситуация может быть связана с тем, что адресантом сознательно используется манипулятивная тактика игнорирования, когда, с точки зрения политической коммуникации, эффективнее промолчать, чем спорить, дискутировать, акцентируя проблемные зоны или возможные преимущества своего оппонента.

Для сравнения мы выбрали комментарий лидера фракции КПРФ в Алтайском законодательном собрании В. Сафронова по поводу инициативы «Единой России» о выносе тела В.И. Ленина из Мавзолея (21.01.2011):

– окружение: «свои» – Ленин, Сталин, страна, народ; «чужие» – новый режим, нынешняя власть; «другие» – Кромвель, люди у нас в стране;

– рациональные инновации (исторические события или трудности): *«в ситуации, которая существует в стране, не стоит раздувать еще один пожар»; «есть столько важных земных дел»; «такие инициативы – это попытка увести народ от насущных проблем, от дороговизны хлеба, тарифов. Нынешняя власть не может решить элементарные вопросы, а что тогда остается – только копаться в прошлом»;*

– открытость и ориентация на различные социальные группы: *«Ленин – это наша история»; «давайте еще Кромвеля найдем и перезахороним»; «увести народ от насущных проблем»; «только у нас в стране люди могут так относиться к своему историческому прошлому»;*

– эффективные коммуникации: *«новый режим уже 20 лет ищет, кто виноват – то Ленин, то Сталин»; «в ситуации, которая существует в стране, не стоит раздувать еще один пожар»; «нынешняя власть не может решить элементарные вопросы, а что тогда остается – копаться в прошлом».*

Для политического лидера любого уровня важны наличие твердых нравственных принципов, убеждений, служащих сплочению социальных сил и в значительной степени определяющих политический курс организации. Попробуем эксплицировать ценностные ориентации В. Сафронова, с позиции которых он дает оценку предполагаемому событию.

С одной стороны, В. Сафронов пытается «оживить» у читателя чувство исторической перспективы (*«Ленин – это наша история»*). С другой стороны, представляет авторское видение «страдающего народа» (*«еще один пожар в стране»; «дороговизна цен и тарифов»*) и негативного образа «нынешней власти» (*«новый режим ...ищет, кто виноват»; «попытка увести народ от насущных проблем»*). В достаточно небольшом по объему тексте В. Сафронов использует тактики открытого обвинения, разоблачения, размежевания, возможно, полагая, что именно негативные эмоции автора способны в большей мере вызвать ответную рефлексию у читателя. Заметим, что именно в подоб-

ных текстовых фрагментах, характеризующих действия политических оппонентов, часто встречается лексика с ярко выраженной отрицательной эмоциональной окраской: «раздувать пожар» – «намеренно увеличивать размер, значение чего-л.»; «кощунство» – «оскорбительное отношение к тому, что глубоко читится, что свято и дорого кому-то»; «копаться» в прошлом – «излишне кропотливо и настойчиво разбираться в чем-л.»; «мерзость» – «то, что вызывает *крайне отвращение // низкий, гадкий поступок*, отвратительное слово» [Словарь русского языка, 1982]. Исследователи языка массовой коммуникации подчеркивают, что «экспрессивные средства приобретают в тексте интеллектуальную напряженность и становятся носителями информации, способными формировать содержательную канву высказывания» [Сметанина, 2002, с. 52]. В. Сафронов, наделяя политических оппонентов ярко выраженными отрицательными характеристиками, демонстрируя собственное нравственное превосходство, нарушает принцип вежливости. По мнению Е.В. Клюева, «при игнорировании требований этого принципа собеседниками контакт неизбежно срывается: подрывная сила “коммуникативной стратегии грубости” очень велика», а соблюдение этого принципа «как бы создает “среду позитивного взаимодействия”, обеспечивая благоприятный фон для реализации коммуникативных стратегий» [Клюев, 2002, с. 155–157].

Любопытной для характеристики коммуникативного имиджа В. Сафронова представляется интерпретация следующего текстового фрагмента: «*Это неуважение к истории, Ленин - это наша история. В мировой истории есть фигуры более одиозные. Давайте Кромвеля (прим. ПолитСибРу – вождь Английской революции 17 века) найдем и перезахороним. Только у нас в стране люди могут так относиться к своему историческому прошлому*». Во-первых, слово «одиозный» имеет значение «(книжн.) вызывающий *крайне отрицательное* отношение к себе, *крайне неприятный*» [Словарь русского языка, 1982]. Форма составной сравнительной степени прилагательного «*более одиозные*» в приведенном выше контексте предполагает, что Ленин является фигурой в той или иной степени одиозной, т.е. неприятной, отрицательной. Соответственно, возникает вопрос о причинах подобного словоупотребления.

Во-вторых, требует осмысления использование прецедентного имени *Кромвель*. В.В. Красных, характеризуя прецедентные феномены, говорит об их способности «выполнять роль эталона культуры» и «функционировать как свернутая метафора» [Красных, 2003, с. 171]. Метафорический смысл исторических событий, связанных с

О. Кромвелем, на наш взгляд, как раз не соответствует тому, о чем заявляет В. Сафронов. Общеизвестен факт, что после смерти тело Кромвеля «было извлечено из могилы, повешено и четвертовано, что было традиционным наказанием за измену в Англии» [Википедия, URL]. В задачи данной статьи не входил детальный анализ комментариев к текстам, однако отметим, что читатели тоже заметили неточности в оценках В. Сафронова. Важно помнить, что степень доверия и симпатии целевой аудитории к политику зависит от таких важных его качеств, как авторитетность, компетентность и тактичность. Поэтому в сфере политической коммуникации важно учитывать те ограничения, которые содержатся в речевых законах и этических кодексах, так как целевая аудитория чутко реагирует на стиль общения, предложенный ей политиком.

Среди комментариев к тексту В. Сафронова наиболее представительной оказалась группа «о себе/между собой», т.е. аудитория предпочла озвучить свою точку зрения на проблему и дискутировать в сложившейся по ходу обмена мнениями микрогруппе. Мы оцениваем это в целом положительно, т.к. считаем, что главная задача политического текста – способствовать стимулированию общественной активности, желанию обсуждать общественно значимые проблемы: *«а как у вас с головкой? Чего однако вы все такие дёрганые? Аль воевать с мощами – это уже какая-то некрофилия» (Гарри); «грустно все это, господа! Вы все на дикие века киваете. Может, вообще в землянки спустимся? Ничего в России не меняется, к сожалению, любители с мертвыми воевать, не замечая проблем живых. Не вы его туда определили, не вам и закапывать! Что-то о мавзолее для принцессы никто не вопит, а здесь, как в стране плохо, так поднимают муть. Да пусть уж сунулись бы! Может, опять что-нибудь бы произошло? А то затхлое болото уже осточертело!» (Т.И. Вольфсон); «да, Татьяна Ивановна, в своем репертуаре: “Революция, что ли, случилась бы? А то скушно как-то...”. 70 лет народ и весь мир “веселили”. До сих пор всем икается... А они всю “ищут бурю”, буревестники революции. То, что для вас – “затхлое болото”, для миллионов – нормальная спокойная жизнь с обычными человеческими радостями и заботами. Фикус на окне, канарейка в клетке и все такое. Страна после многих потрясений сосредоточилась на частной жизни, обыватели хотят спокойствия, стабильности и предсказуемости. А вам, бл..., все потрясения подавай! Ходите и кликушествуете, веригами трясете и болячки расковыриваете, ладно бы только свои...» (Напильник); «Напильнику и К. Вам кровушки пустить по медицинским показаниям уже давно пора. Дайте*

нормально жить другим... Потрясения-то вы своей болтовней о стабильности и предсказуемости для себя любимых и накликаете, .ополизы хреновы» (Злой).

По мнению И.А. Стернина, наиболее важными для коммуникативной компетенции носителя языка должны быть признаны три компонента: словесный репертуар, языковые шаблоны и навыки продуцирования различных по жанру текстов в рамках действующих в национальной культуре правил коммуникативного поведения [Стернин, 2009, с. 28]. Как видим, комментаторы, вслед за В. Сафроновым, в целом демонстрируют фамильярно-разговорный тип речевой культуры: в общении и культуре ориентируются исключительно на свою группу общения; проявляют крайнюю категоричность в оценках, оценки выражаются грубо или нецензурно (не учитывается наличие языковых табу в деловом общении), экспрессия речи достигается в основном использованием категоричных оценок, сниженной лексики; законы принужденного персонально адресованного неофициального общения распространяются на любые коммуникативные ситуации [Стернин, 2009, с. 26–27]. Обсуждение проблемы заканчивается конфликтом, т.к. собеседники акцентируют ее разные аспекты (факты, уровень аргументации, подтекст, идейность материала, личность автора, самих себя и друг друга).

Как отмечает Ю.К. Пирогова, «имплицитная информация является неотъемлемой частью любого сообщения». И в одном случае она становится способом ненавязчивого, иносказательного общения с аудиторией, а в другом – средством манипуляции и введения в заблуждение [Пирогова, 2001, с. 227]. Небольшой по объему комментарий В. Сафронова строится на активизации двух психолингвистических сценариев: неадекватности нынешней власти – опасности ее действий для народа и истории страны: «*депутат Госдумы единоросс Владимир Мединский в преддверии годовщины смерти Владимира Ленина «реанимировал» дискуссию по поводу захоронения тела вождя пролетариата*»; «*еще один пожар в стране*»; «*попытка увести народ от насущных проблем*» и т.д. Соответственно, власть предстает в роли агрессора по отношению к собственному народу и стране. Однако по каким-то причинам В. Сафронов не переходит к активизации закономерного в этом случае сценария защиты. Как правило, сценарий «защита» противопоставлен негативным сценариям опасности, неадекватности, обмана, манипулирования и др., т.е. активизируется сообщениями о том, что некоторый агент готов защитить от опасности, манипулирования, ограничения нашей свободы и т. д. Любопытным пред-

ставляется и то, что все восемнадцать комментариев к тексту построены в соответствии с законом зеркального развития общения: в той или иной степени в них также активизированы сценарии неадекватности и опасности. И только в одном комментарии в качестве контраргумента для В. Сафронова предлагается возможный сценарий разрешения проблемы: *«все решается много проще: арендную плату за Мавзолей и «несколько десятков миллионов» за поддержание трупика в наглядном виде предложить выплачивать тем, кто желает сохранить этот аттракцион. Все будет честно. И доход в бюджет пойдет. И налогоплательщикам полезчает. Полагаю, г-н Сафонов лично примет участие в приватизации/акционировании этого объекта, да и Татьяна Ивановна не подведет. Но, думаю, это будет самое дорогое в мире учебное пособие по истории КПСС»* (А. Скалон).

Говоря о разностатусности факта (события) и его интерпретации в СМИ, Ю.А. Сорокин указывал на необходимость различать факт-событие и факт вербальный. По мнению ученого, «структура вербального факта – это виртуальная реальность, неоднозначность которой усиливается тем, что она в отличие от структуры факта-события стремится не показать, а оценить себя. Иными словами, вербальный факт – это всегда лишь потенциальный факт» [Сорокин, 2000, с. 96]. Тем не менее, несмотря на объективные различия между самим событием и его медиа-репрезентацией, в процессе восприятия и то, и другое становится частью психической реальности индивида – той сферы, в пространстве которой источник возникающих психических образов отходит на второстепенный план. Ю.А. Сорокин высказывал предположение о том, что причиной исков к средствам массовой информации служит тенденция рассматривать содержащиеся в медиатекстах ассертивы и экспрессивы в качестве перформативов, то есть реципиенты склонны воспринимать вербализацию события одновременно как интерпретацию и действие (поступок) [Сорокин, 2000, с. 96].

Резюмируя, заметим, что, к сожалению, в текстах региональных политиков практически не наблюдается стремления установить коммуникативный контакт со своей целевой аудиторией. Возможно, это связано с тем, что политики, как правило, реализуют ритуальный и манипулятивный стили общения. Основная их задача – напомнить о себе обществу, презентовать те личностные и деловые качества, которые им представляются социально одобряемыми и обеспечивают поддержку на выборах. Поэтому для них характерна крайняя категоричность в оценках, самоуверенность, безапелляционность в общении; нежелание и неспособность следить за своей речью, контролировать ее.

В научной литературе по проблемам коммуникативистики, риторике, культуры речи все чаще подчеркивается мысль, что успешная коммуникация базируется на общепринятых нравственных нормах, что принцип вежливости может рассматриваться как принцип взаиморасположения коммуникантов в структуре коммуникативного акта, то есть на основе соотношения с социальным статусом адресанта и адресата. Важнейшей чертой благоприятного коммуникативного имиджа является приятность человека в общении [Стернин, 2001, с. 100]. Это качество предполагает общительность и приветливость человека, внимание к словам собеседников, умение говорить кратко, конкретно, выразительно, ярко и т.п. Соблюдение норм речевого этикета и культуры речи влияет на впечатление окружающих об общей культуре, компетентности человека, его социальном статусе. Очевидно, что для политика, претендующего на значимое положение в обществе, наличие положительного коммуникативного имиджа в сознании целевой аудитории – это один из важнейших компонентов эффективной политической деятельности.

Литература

- Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia> (дата обращения 26.10.2011).
- Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 1.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 2002.
- Клюканов И.Э. Теория коммуникации как область исследования // Вестник Тверского гос. университета. Тверь, 2005. № 1. Вып. 2.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова и др. М., 2003.
- Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.
- Словарь русского языка : в 4 тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.
- Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Стернин И.А. К теории речевых культур носителя языка // Вопросы психолингвистики. М., 2009. № 9.

**ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕИСКРЕННОСТИ В ДИАЛОГЕ
(по материалам спорных фонограмм,
попавших в сферу судебного разбирательства)**

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: вербальные маркеры, побудительные речевые жанры, введение в заблуждение, ассерция, негация.

Keywords: verbal markers, imperative speech genres, misleading, assertion, negation.

Язык как средство общения выполняет много разнообразных функций – коммуникативную (референтивную), эмотивную, конативную, фатическую, метаязыковую, инвективную и др. [Якобсон, 1975; Мыркин, 1994; Голев, 1999]. Еще одна функция языка, называемая исследователями «инструментом обмана», «оружием власти», «социальной силой», посредством которой «субъект получает и осуществляет свою власть над объектом воздействия, адресатом путем навязывания ему взглядов и системы ценностей, управляющих его поведением» [Рябцева, 2005, с. 261–262], – это функция введения в заблуждение, благодаря которой говорящий, «выражая одно, скрывает другое» и таким образом воздействует на ум и поведение другого, направляя их в выгодное для себя русло [Рябцева, 2005, с. 263]. Эту функцию язык выполняет в случаях «инверсии отношений истины и лжи», когда, по замечанию Н.Д. Арутюновой, «очевидная ложь скрывает истину» [Логический анализ языка..., 2009, с. 6], она может быть направлена на провоцирование читателя и манипулирование, создание общетекстовых выразительных эффектов – обманутого ожидания, напряжения, заражения эмоцией и т.п.

1. Необходимость выявить неискренность одного из участников подобного речевого акта часто возникает в ходе судебного разбирательства. Вопрос, который ставится в данной статье, – может ли лингвист на основе анализа речевых действий (речевого поведения) говорящего выявить речевые свидетельства неискренности адресата?

Вопрос этот не праздный, поскольку во многих современных исследованиях, посвященных феномену лжи, указывается, что «надежность признаков, передающих подлинное отношение вашего партнера по общению, убывает в следующем порядке: пространственное расположение, поза, голосовые сигналы, мимика, **непосредственно высказывания**. Иначе говоря, скрыть правду или истинное отношение к вам

легче всего посредством **слов**, мимики, голоса и труднее всего – при помощи других средств общения (жестов, движений, позы)» (выделено мною – Т. Ч.) [Аксенов, URL].

Другая сложность в изучении речевого акта введения в заблуждение состоит в том, что он редко используется в чистом виде. Как правило, в речевой коммуникации он реализуется в рамках **речевого жанра уговора** – который наряду с жанрами **просьбы, убеждения, обещания, гарантирования** и др. является жанром, связанным с ситуациями **побуждения** (см. схему 1), и предполагает ответное действие адресата (или согласие исполнить это действие) [Ярмаркина, 2001, с. 18]. Таким образом, в речевом жанре **уговоров** говорящий использует ряд речевых формул, суть которых сводится к тому, что адресату следует сделать нечто **в интересах этого говорящего** [Ярмаркина, 2001, с. 26].

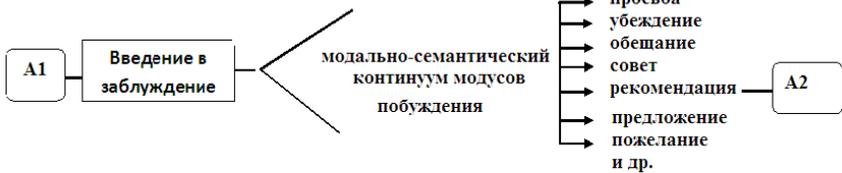

Схема 1. Взаимодействие РЖ «введение в заблуждение» с другими РЖ

«Полиmodalность» побудительных речевых жанров, нашедшая отражение в схеме 1, подтверждается в частности и в исследованиях Н.Б. Мечковской, которая в одной из своих работ указывает, что модусы побуждения произвести или не производить какое-либо действие «определяются взаимоотношениями коммуникантов и содержанием побуждения и представляют собой модально-семантический континуум, основные точки которого в общем (не терминологическом) словаре обозначены с помощью слов *мольба, просьба, совет, рекомендация, предложение, предписание, требование, приказ...*» [Мечковская, 2009, с. 233].

Таким образом, с позиций прагматики речевой жанр введения в заблуждение может быть определен как совокупность побудительных речевых актов (побуждение), в ходе которой говорящий, используя систему речевых формул, осознанно (т.е. в соответствии с заранее намеченным планом) или бессознательно стремится убедить слушающего в истинности своих намерений и с этой целью искажает

истинное положение вещей, выдавая желаемое за действительное, что находит отражение в характере его речевого и неречевого поведения.

Характеризуя побуждение и отказ «как конечные (стратегические) интенции регулятивного диалога», Н.Б. Мечковская дает разные характеристики побуждения и с позиций действия (диктума), к которому говорящий побуждает адресата [Мечковская, 2009, с. 231–232]. Для описываемого речевого жанра «введение в заблуждение» наиболее актуальны следующие:

а) «побуждение дать что-либо инициатору или 3-му лицу»;

б) «побуждение произвести действие, физическое или интеллектуально-психологическое, в интересах инициатора или третьих лиц» [Мечковская, 2009, с. 232].

Первое, на наш взгляд, связано с произведением какого-либо физического действия (например, это может быть передача денег или иных материальных ценностей инициатору разговора или 3-му лицу за какую-либо услугу, которая подробно описывается и согласовывается), а второе направлено на совершение некоего «интеллектуально-психологического» действия, которое должен совершить побуждаемый – например, поверить в искренность слов «побудителя», согласиться на его условия и т.п.

2. По мнению Д.В. Аксенова, на неискренность собеседника может указывать ряд его слов, фраз, ответов и особенностей речи, которые, тем не менее, «ни в коем случае не являются однозначными доказательствами этого» [Аксенов, URL]. Эти речевые формулы, по нашему мнению, могут быть представлены, как минимум, двумя группами:

1) утвердительными высказываниями – **ассерциями**, которые в диалогической речи, как правило [Мед, 2009, с. 214], предшествуют отрицательным высказываниям «или входят в общую презумпцию говорящих» [Мед, 2009, с. 214], а также обладают способностью «увеличения, «накапливания» передаваемой информации» [Труб, 2009, с. 256], например:

- «настойчивое убеждение в собственной искренности, при котором чрезмерно подчеркивается своя честность, указывается на правдивость высказывания, например: *честное слово, я не знаю; клянусь здоровьем; даю руку на отсечение; честное слово, дело было так;*

- стремление вызвать симпатию, доверие слушающего, чувство жалости, в случае если предшествующие отношения не привели к такому сближению, например: *у меня семья, дети; я такой же, как и вы; у меня точно такие же проблемы* и др. [Аксенов];

2) **отрицательными высказываниями (негациями)**, которые обладают следующими характеристиками:

- существуют как ответная реакция в диалоге [Мед, 2009, с. 215];
- представляют синтаксические модели отрицательных предложений, в которых «связь контекста и речевого акта максимально напряжена» [Мед, 2009, с. 215];

- корректируют некоторую уже имеющуюся информацию [Труб, 2009, с. 256] – функция «информационной коррекции» состоит «в сопоставлении исходной темы другой, «правильной» ремы...» (там же), например:

- «увеличение от обсуждения определенных тем, вопросов (когда они затрагивают какие-либо неприятные для человека моменты)», например: *я не буду это обсуждать; не могу вспомнить; я этого не говорил(а); не вижу здесь никакой связи;*

- «необоснованно пренебрежительный, вызывающий или враждебный тон», провоцирующий собеседника на грубость, например: *я не обязан(а) отвечать на ваши вопросы; я не знаю, о чем идет речь; я вообще не желаю с вами говорить; меня это совсем не интересует;*

- «непродолжительное отрицание или равнодушные, уклончивые ответы на прямые вопросы. Простые повторяющиеся ответы или повторение простого отрицания. Уклонение от использования слов «да» или «нет». Например: *я об этом ничего не знаю; вы же сами это говорили* [Аксенов, URL].

Таким образом, с прагматической точки зрения, высказывания, направленные на введение в заблуждение собеседника, осуществляются с помощью двух основных видов структур – утвердительных и отрицательных высказываний, характеризующихся авторами серии «Логический анализ языка» как ассерция и негация, причем второе в подобных высказываниях преобладает. Общая тональность подобного общения, как правило, эмоционально нейтральная (эмоционально-сниженная или эмоционально-возвышенная).

3. К дополнительным признакам неискренности говорящего Д.В. Аксенов относит также некоторые особенности его невербального поведения [Аксенов, URL], выявляемые через анализ его речевых действий:

- **многословие** – отвлечение собеседника несмолкаемым разговором либо многочисленными вопросами, маскировка сути вопроса лишней, не относящейся к делу информацией»;

– **особую паузацию** фрагментов высказывания – длительные паузы перед ответами; слишком медленные или запутанные ответы»; что может быть как «проявлением нерешительности говорящего, утратой способности отвечать на задаваемые вопросы; так и показателем его нежелания продолжать далее общение в той или иной тональности;

– **разнообразные повторы**, используемые как средство и **акцентуации** наиболее значимых для автора фрагментов высказывания: ответ вопросом на вопрос; повторение задаваемых вопросов вслух или просьбы о пояснении вопроса.

Проиллюстрируем сказанное на примерах устного диалога.

Пример 1.

Объект анализа в первом примере – телефонный разговор, представляющий собой диалог двух лиц – далее А1 и А2.

Смысл данного диалога состоит в том, что А1 уговаривает А2 принять некое решение – использован **побудительный речевой жанр уговора**. В речевом жанре **уговоров** говорящий использует аргументы, суть которых сводится к тому, что адресату следует сделать нечто **в интересах этого говорящего**. При этом в ходе уговаривания А1 использует несколько иных побудительных речевых актов, в ходе реализации которых актуализируются и чередуются (по мере необходимости) то утвердительные, то отрицательные высказывания:

1) обещание: «**Я думаю**, они тебе отдадут всё», «Ну, в общем, они позвонят тому кто ..., у кого забирали тот и придет э-, забирать»;

2) убеждение через оценку ситуации: «**Не, ну я говорю вариант э-, такой есть. И просто сидеть ждать тупо и всё, если есть такая у нас возможность и всё то есть**», «**Либо мы ничего им не даем. И тупо ждём когда, всё возвращается назад**», «**Ну на самом деле смотри мы, тут всё у нас известно. Что в суд не пойдёт однозначно. Ну нету там перспективы никакой... Я понимаю что ну посудиться в арбитраже можно**», «**Вот. А-, фактически, он это понимает, и-, ты понимаешь, и я это прекрасно понимаю. Отдавать за что-то чтобы-, я не знаю, чтобы нам мозг не компостировали, вот и всё**»;

3) убеждение через обращение к положительным примерам разрешения похожей ситуации с целью повышения собственного статуса как лица, достойного доверия (рассказ о том, как разрешилась ситуация с неисправным холодильником): «**Ну в общем что-то спорили спорили я говорю: "Всё хорош. Больше не будем мы с вами, - говорю, - спорить"**»;

4) гарантирование: «**Я гарантирую** что должны, всё прекратить эту всю х***. И-, нам должны сегодня отдать все эти материалы»; «Ну вот, системники и всю эту шляпу»;

5) побуждение А2 к действию и принятию ответственности на себя: «Короче решать тебе ... понимаешь э. Что мы с тобой все обсуждали», «...Ну, решение принимать тебе»; «Поэтому думай».

Таким образом, встраивая в РЖ уговаривания различные побудительные акты, говорящий, формируя общее информационное поле беседы, опирается в основном на ассертивные высказывания, которые, как указывалось ранее, в диалогической речи, как правило, предшествуют отрицательным высказываниям или входят в общую презумпцию говорящих, а также обладают способностью «увеличения, «накапливания» передаваемой информации». Весь диалог ведется А1 от 1 лица, на что указывает использование местоимения 1 лиц ед. числа в процессе речевого акта уговора: **Я** думаю, **я** говорю, **Я** понимаю, **я** это прекрасно понимаю, **Отдавать** за что-то чтобы-, **я** не знаю, **говорю**, **Я** гарантирую.

Высказывания типа **негаций** появляются в речи говорящего в тот момент, когда он, как представляется, исчерпывает весь набор убеждения. Поскольку то, что уговор осуществляется **в интересах говорящего (А1)**, вытекает из примеров отождествления А2 и А1 в речи А1: «**И просто сидеть ждать тупо и всё, если есть такая у нас возможность и всё то есть**», «**Либо мы ничего им не даем. И тупо ждём когда, всё возвращается назад**» и др., возникает необходимость в противопоставлении «да- и нет-высказываний» с целью усиления «напряженности диалога» и «информационной коррекции» сказанного ранее, которая реализуется, на наш взгляд, с помощью следующего высказывания: «**Либо мы ничего им не даем. И тупо ждём когда, всё возвращается назад**», утвердительное продолжение которого легко восстанавливается из контекста: «**либо соглашаемся на предложенные условия**».

О том, что какие-то третьи лица (или лицо) исполняют то, что обещает и гарантирует А1, как следует из анализа текста фонограммы, А2 узнаёт **только со слов А1**, причем на конкретный вопрос А2 «**Он всё там, переписал?**», А1 отвечает: «**Да мне без разницы что он сделал, не сделал короче**», т.е., по сути, уходит от ответа, который больше всего и волнует А2. А на вопрос А2: «**Ты всё разговаривал с ним?**» отвечает также неконкретно, переводя акцент с указания единственного субъекта речи (он – «с ним») на некое неопределенное множество «они»: «**Да-, там ждут уже всё**».

Данные примеры с учетом Я-позиции в процессе речевого акта уговора и убеждения свидетельствуют о том, что говорящий вводит своего собеседника в заблуждение, сознательно внушая ему ложные «верования». На неискренность А1 по отношению к А2 указывают следующие высказывания, содержащие как отрицательные (1), так и положительные высказывания (2), то есть построенные на игре «да» и «нет» позиций:

(1) негации:

- необоснованно пренебрежительный, вызывающий или враждебный тон: А2: «Он всё там, переписал?», А1: «Да мне без разницы что он сделал, не сделал короче»;
- отвлечение собеседника несмолкаемым разговором: «**Не, ну я говорю вариант э-, такой есть. И просто сидеть ждать тупо и всё, если есть такая у нас возможность и всё то есть**», «**Либо мы ничего им не даем. И тупо ждём когда, всё возвращается назад**», «**Ну на самом деле смотри мы, тут всё у нас известно. Что в суд не пойдёт однозначно. Ну нету там перспективы никакой... Я понимаю что ну посудиться в арбитраже можно**», «**Вот. А-, фактически, он это понимает, и-, ты понимаешь, и я это прекрасно понимаю. Отдавать за что-то чтобы-, я не знаю, чтобы нам мозг не компостировали, вот и всё**»;

(2) ассерции:

- уклончивые ответы на прямые вопросы: А2: «Ты всё разговаривал с ним?» // А1: «Да-, там ждут уже всё»;
- стремление вызвать симпатию, доверие, в случае если предшествующие отношения не привели к сближению, через **обещание, убеждение и гарантирование** (см. выше);
- маскировка сути вопроса лишней, не относящейся к делу информацией (рассказ о том, как разрешилась ситуация с неисправным холодильником).

Пример 2. Искренность и неискренность собеседников наиболее ярко проявляется при сопоставительном анализе особенностей их речевого поведения.

В примере 2 представлен диалог тех же двух лиц – А2 и А1.

Диалог начинается с вопроса, который исходит от А2: «Ну что как дальше-то жить будем?». В данном разговоре А2 занимает активную позицию, рассказывая о тех неприятностях, которые с ним произошли, жалуется на то, что бизнес стоит: А2: «Да мне сейчас. У меня как бы, два баланса... У меня, учет был. У меня восемь точек же, там же выгрузка б..., там э-э-, к-каждый литр там, каждая колонка, там

эти вот все показания. У меня сейчас б... все встало там. У меня там за выходные она сидит там э-, в этот, в понедельник весь до вечера разносит. А сейчас уже третий день мы стоим» и т.д.

Основной смысл разговора сводится к тому, чтобы снизить размер суммы, которую А2 должен отдать (ср.: «Давайте там что-то там, с суммой-то придумаем б***ь»), так как его «вынуждают б***ь, на ваши условия идти б***ь», потому что она, по его мнению, слишком велика: и т.д.. На искренность говорящего указывает и избыток обценной лексики, свидетельствующий о слабом контроле сознания за построением высказывания.

Как следует из анализа диалога 2, позиция А1 является выжидательной, суть её представлена в ответе на вопрос А2: «*Ну что как дальше-то жить будем?*» – А1: «*Ну не знаю что делать будем? Что говорить?*». В процессе разговора А1 дает равнодушные, уклончивые ответы на прямые вопросы, часто просто имитирует беседу, основу которой вновь составляют **отрицательные высказывания**, например: «Угу», «Кх», «**Не** я просто э-, думал (нрзб.)», «**Нет, ты** (нрзб.) понимаешь (нрзб.)», «**Я** (нрзб.) что он там будет делать. Мозги (нрзб.)», «*Мне сейчас это да самое*», «Ну. Ну (нрзб.)», «Ну, я, видишь» и т.п. Создается впечатление, что у А1 нет четкого плана действий и что этот план рождается у него в процессе разговора, причем он не намерен своим планом делиться с А2 и пытается ввести его в заблуждение относительно тех лиц, на чьи условия вынужден идти А2. Подтверждением этого является тот факт, что в течение разговора А2 несколько раз задает один и тот же интересующий его вопрос о том, кто стоит за всем этим, но так и не получает однозначного ответа.

Приведем примеры:

Ситуация 1.

А1: «*Ты возьмёшь заплатишь пятерку <москвичам>. Они с пятерки отдадут этим, сюда»*

А2: «*О***ой компании да?*»

А1: «*Ну я не знаю кому там отдадут. Меня это уже не волнует. Вот»*

А2: «*А кто там курирует, ну, начальник у него?*»

А1: «*У-, (Д***)*»

А2: «*(Д***?) Ну они чего через, через него что ли пролоббировали, или здесь через управление?*»

А1: «*..., меня это вообще не интересовало, как что...*»

Ситуация 2.

A2: «*Опять же кто там решение принимает? О***ов (Ч**) э-, кто там, как ты его говоришь?*»

A1: «(Д***)»

A2: «(Д***) там или. Может там еще выше»

A1: «(нрзб.)»

Ситуция 3.

В ходе беседы лицо, с которым, со слов А1, он ведет переговоры, варьируются и выступает то в виде одного субъекта, то в виде группы субъектов (варьирование форм единственного и множественного числа):

- «*Что мы будем делать? Он вот сейчас э, ждёт? Я вчера ему звонил говорил (что)*»;

- «*Ну мне **просили** никому не передавать тебе*»;

- «*Вот и всё. Вот он мне сказал*»;

- «*Значит э-, я говорю что вот, **ребята**, вот они бабки. Но они не у вас. Они у меня допустим да?*»; «*Как, вопрос будет разрешен, вы их **получаете***»;

- «*Да Д*** я понимаю тебя прекрасно. Я не знаю согласятся ли они на-, вот эти сбивания*»;

- «*Я просто скажу: "**Ребята, давайте** что-, будем двигаться. В сторону уменьшения"*».

В тексте разговора есть и другие высказывания, свидетельствующие о неискренности А1 по отношению к А2:

1) уход от обсуждения определенных тем, вопросов (когда они затрагивают какие-либо неприятные для человека моменты), как правило, жизненно важных для спрашивающего:

A2: «*Ему как бы-, ты **его** как, знаешь-то хорошо? Ему можно верить-то ...?*»

A1: «***Не понимаешь**, вот в этом случае получается-, если у нас не получается, если у нас не получится с тобой да, то я уже должен буду тебе тогда в этом случае*»;

2) необоснованно пренебрежительный, вызывающий или враждебный тон: A1: «*Ну я не знаю кому там отдадут. **Меня это уже не волнует. Вот***»; «*Д***н, **меня это вообще не интересовало**, как что...»;*

3) простые повторяющиеся ответы или повторение простого отрицания; уклонение от использования слов «да» или «нет»:

A2: «*Или он пусть тогда, вместе встречаемся где-нибудь, чаю поьем, пусть и он объяснит, как это технически-то выглядит всё будет...»*

A1: «Угу»

A2: «У меня опта сейчас нету, одна розница. И то вот не сезон б***ь, (нрзб.) там еле-еле»

A1: «Кх»

A2: «И как бы вот части как-то есть я б***ь, ну, тебе верю а ему не верю...Вот давай»

A1: « Не я просто э-, думал (нрзб.)» и др.

4) маскировка сути разговора лишней, не относящейся к делу информацией и т.д.

Таким образом, прагматический анализ текстов диалогов позволяет выявить признаки неискренности и сознательного введения собеседника в заблуждение. На основе выявленных признаков лингвист-эксперт может более убедительно и аргументировано ответить на следующие вопросы, которые были перед ним поставлены по приведенным в качестве примера спорным фонограммам: Кто является автором передаваемой информации? От имени кого говорящий ведет переговоры? Есть ли в текстах речевые формулы, позволяющие утверждать, что переговоры ведутся от лица конкретного субъекта?

Проведенный анализ позволяет утверждать следующее:

1) о том, что какие-то третьи лица (или лицо) исполняют то, что обещает и гарантирует M1, из текста фонограмм собеседник узнаёт **только со слов M1**;

2) во всех трех текстах установленных фонограмм 1, 2 и 3 в речевом поведении M1 присутствуют признаки неискренности и сознательного введения собеседника в заблуждение, в частности относительно того, от чьего имени он ведет с собеседником переговоры;

3) ни в одном из представленных на экспертизу текстов нет однозначного указания на то лицо, от имени которого M1 ведет переговоры с M2.

Перспективы исследования речевого жанра введения в заблуждение видятся в том, чтобы изучать роль утвердительных и отрицательных высказываний как языковых маркеров неискренности, а также типы и способы их речевой реализации в спорных речевых ситуациях.

Литература

Аксенов Д.В. Речевые построения, выдающие ложь [Электронный ресурс].URL: http://www.elitarium.ru/2005/08/12/rechevye_postroenija_vydajushhie_lozh.html

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1 : Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.

Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Мед Н.Г. Экспрессивное отрицание в диалоге (на материале испанской и португальской разговорной речи) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Мечковская Н.Б. Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Мыркин В.Я. Речь – язык – контекст – смысл. Архангельск, 1994.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект, М., 2005.

Труб В.М. Отрицание как негативная оценка истинности // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм : «за» и «против». М., 1975.

Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предположение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи. Саратов, 2001.

РОЛЬ ДВУАЗЫЧИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ

Е.А. Попов

Ключевые слова: язык, двуязычие, интеграция, ценности, этнокультура.

Keywords: language, bilingualism, integration, values, ethnic culture.

Усиление роли процессов этнической идентификации в общественной жизни сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Важную роль в этих процессах играет язык. Не случайно он занимает высокое положение в системе ценностных координат личности. Чувство верности языку приводит в действие силы, выступающие за его сохранение. В ответ на интерференцию (изменения в языке под влиянием другого языка) «оно превращает стандартизированный вариант языка в символ веры и святыню» [Вайнрайх, 1972, с. 57]. Но как быть, например, представителям этнических сообществ, живущих в полиэтническом обществе с иной доминирующей в нем культурой? Если они не владеют языком, олицетворяющим эту культуру, то не могут не испытывать ощущение, что являются «чужаками», людьми «второго сорта» и т.п. Им приходится находить пути овладения доминирующей культурой, приобщения к ней. В частности, представители различных этнических

сообществ, к примеру, иммигранты, вынуждены решать дилемму: какое образование должны получать их дети – так называемое «национальное», предполагающее изучение родного языка и культуры, или же стандартизированное в соответствии с единой системой образования. Выбор в пользу того или иного типа образования детей включает множество аспектов, а результат сделанного выбора может оказать огромное влияние на всю их дальнейшую судьбу. С этим обстоятельством связана и потребность в получении двуязычного (билингвального) образования в полиэтническом социуме.

Что такое двуязычие и каковы формы его усвоения? Опыт разработок канадской лингвистической школы, созданной в стране, где много мигрантов, показывает, что можно выделить следующие основные формы двуязычия [Сигуан, Макки, 1990, с. 22–24]. *Первая* – это усвоение второго языка одновременно с первым (или немного позже первого) в раннем детстве. Усвоение языка подобным образом обеспечивает «широкое» двуязычие, когда индивид в совершенстве знает два языка, в высокой степени владеет ими обоими. В зависимости от обстоятельств он легко переходит с одного на другой, внутренне усваивает обе языковые системы, а значит, может мыслить в любой из них. *Вторая* типичная форма усвоения двуязычия имеет место в том случае, когда ребенок, выросший в одноязычной семье, открывает для себя второй язык, поступая в школу. Усвоенное таким путем двуязычие может стать достаточно глубоким, но в складывающейся социальной ситуации выполняет разнонаправленные функции и актуализирует тот или иной язык в зависимости от конкретного случая. Первый язык так и останется для ребенка его личным и обиходным языком, а выученный в школе – языком официальных контактов и социальных функций высшего уровня. *Третья* форма усвоения второго языка – спонтанная – осуществляется путем постоянного и прямого контакта с социальными группами, преимущественно общающимися на этом языке. Компетентность в нем остается ограниченной, но она все же вполне достаточна для пользования языком как средством общения. Это ситуация, в которой оказываются взрослые иммигранты в стране, язык которой не является для них родным. *Четвертая* – усвоение второго языка в родной стране индивида только в школе (именно так обычно изучают иностранные языки). Компетентность владения им остается весьма ограниченной.

Особое значение имеет вторая из перечисленных выше форм двуязычия, так как она представляет собой обычную ситуацию для детей,

принадлежащих к языковым меньшинствам, или для детей из семей иммигрантов в той стране, где говорят на одном языке.

Во второй половине XX века начало складываться направление исследований, посвященное проблемам двуязычия и конструирования образовательного процесса с использованием средств родного и иностранного языков. В рамках этого направления в 60-70-е годы сложились научные школы, целью которых является интеграция этнических сообществ в доминирующую культуру. В этом отношении интересен опыт США. Здесь стало практиковаться двуязычное воспитание для детей из этнических сообществ в государственных школах. Официально было определено, что билингвальное образование есть использование двух языков в качестве средств обучения для одной и той же группы учащихся посредством специальной программы, охватывающей весь учебный план или часть его, включая занятия по истории и культуре [Ширин, 2001, с. 18].

Эта программа призвана развивать чувства собственного достоинства детей и гордости за причастность к обеим культурам. Таким образом, делая акцент в двуязычном образовании не только на фундаментальном изучении языков, но и на культурном компоненте, билингвальное образование трактуется как *бикультурное*. Признание этнической культуры ребенка школой способствует позитивной мотивации к обучению.

Еще в большей степени идеи плюрализма культур и поликультурного воспитания реализует канадская научно-педагогическая школа, которая и ввела в научно-педагогический оборот термин «иммерсия» – длительное погружение учащихся в иноязычную среду при исключении или незначительном использовании родного языка. Однако в научной литературе встречаются и другие характеристики иммерсии, например, как формы двуязычного образования, при которой учащиеся, говорящие на языке большинства населения, частично обучаются средствами второго языка, частично – первого.

Подобные нюансы характеризуют различные модификации иммерсии, нашедшие отражение в практике канадской школы, – так называемую «раннюю», «позднюю», а также «тотальную» и «частичную». Тотальная (или полная) иммерсия предусматривает изучение всех учебных дисциплин на иностранном языке. В других научных школах этот способ одноязычного образования определяется термином «субмерсия» [Ширин, 2001, с. 144].

В России также ведется научный поиск в области билингвального образования. В этом контексте обращают на себя внимание, к примеру,

профессора М.Н. Певзнер [Певзнер, 1999; Певзнер, 2009]. Исследователь предложил следующую типологию билингвального образования.

Аккультурационный тип распространяется на естественную многоязычную среду, когда возникают политические, экономические и социокультурные предпосылки для «врастания» этнических сообществ в доминирующую культуру. Разновидностями этого типа считаются вытесняющий билингвизм, который предполагает изучение всех предметов на втором языке (как правило, на языке этнического большинства) с последовательным вытеснением родного языка и культуры, и сохраняющий билингвизм, предполагающий владение вторым (официальным) языком при сохранении собственного языка и культуры.

Изолирующий тип связан с обучением детей из различных этнических сообществ в основном на родном языке с целью недопущения их аккультурации (то есть приобщения их к ведущему в стране типу культуры) и полноценной интеграции в социум. Такой тип образования детей из этнических сообществ (особенно из числа трудовых мигрантов – «гастарбайтеров») нашел применение в Баварии и осуществляется с единственной целью – дезинтеграции и скорейшего выдворения их из страны после того, как надобность в рабочих руках их родителей отпадет. Данный тип образования готовит их к реэмиграции и одновременно отказывает в использовании духовных богатств и услуг господствующего общества. По мнению некоторых ученых, при данном типе образования речь идет о сегрегации, которая имеет как физические (жилые гетто, спецшколы), психологические, так и политические (дискриминация, расизм) компоненты [Ширин, 2001, с. 22–23].

Открытый тип является наиболее распространенным типом билингвального образования в современном европейском обществе. Его цели – интеграция различных этнических сообществ в общеевропейское и мировое пространство, установление партнерских отношений в условиях межкультурной коммуникации и способствование поликультурному воспитанию.

В свете сказанного можно констатировать, что выбор системы образования, ориентированной на собственный язык учащегося или же на другой язык, в целом зависит от тех целей, которые такая система ставит перед собой. Именно поэтому одна система двуязычного образования оказывает позитивное влияние на изучение языков, другая же – негативное.

Следует отметить, что понятие этнокультурной идентификации включает в себя владение родным языком, но этот показатель значительно отличается от критерия этнической принадлежности – языковая

ассимиляция идет быстрее [Розенцвейг, 1972]. Например, в некоторых полиэтничных мегаполисах (больших городах) приходится встречать людей, плохо владеющих русским языком, но свободно – родным; владеющих обоими языками (а то и больше) в равной степени компетентности. Можно также встретить тех, кто, осознавая свою этническую идентичность, ни говорить, ни читать, ни писать на родном языке не могут. В чем кроются причины таких явлений? Только ли в индивидуальных способностях восприятия языков (хотя именно они в совокупности с психологическим фактором, то есть личным отношением к тому или иному языку, являются залогом успеха или неудачи в его изучении)? Есть и другая сторона вопроса: какой процент из знающих русский язык окончили «национальную школу», а кто получил школьное образование на русском языке? Как известно, нередко встречаются люди, прожившие в России не один десяток лет, но все же плохо владеют русским и по-прежнему хорошо – родным языком. В этой связи показателен следующий пример: «юрист азербайджанской национально-культурной автономии прекрасно владеет русским, не делает ошибок на письме ни в орфографии, ни в синтаксисе, стилистически безупречно излагает свои мысли. Выяснилось, что он окончил в Баку школу на русском языке, в программе которой было и изучение азербайджанского, которым он тоже прекрасно владеет и по сегодняшний день, несмотря на то, что давно живет в Петербурге. Антиподом ему является известный журналист, окончивший школу на русском языке и свободно владевший армянским в бытность свою в Баку (в семье говорили по-армянски). Уехав из Баку в 1961 году и проживая по настоящий момент в Москве, он совершенно забыл даже разговорный армянский (никаких контактов с диаспорой в Москве он не поддерживал)» [Раимов, 2007, с. 76].

Эти примеры позволяют нам акцентировать внимание на том, что главный, или первоначальный, язык – это язык, с которым человек отождествляет себя, считает его своим, пользуется им в личном общении. То есть это язык, которым он пользуется приоритетно. Обычно главный язык – первый по времени усвоения. Двуязычные индивиды, поддерживающие тесные личные связи на двух языках, зачастую не знают, с которым из них себя отождествлять. У некоторых из них, особенно у тех, которые усвоили второй язык в детстве, этот второй язык становится первым.

У. Вайнрайх, рассматривая двуязычного носителя как личность, пишет о влиянии на языковое поведение двуязычных носителей тех условий, в которых они изучают эти языки [Вайнрайх, 1972, с. 52–55].

Определить, какой из двух языков у двуязычного носителя является основным, «доминирующим», и какой из них является главным источником интерференции, – достаточно непросто. Согласно точке зрения исследователя, в речи двуязычного носителя интерференция может происходить в обоих направлениях. Поэтому важно выяснить психологические критерии того, какой язык для данного носителя является основным, а значит – «доминирующим».

Можно отметить и тот факт, что у индивидов, для которых первым языком был их родной и школьное образование они получали именно на нем, компетентность в русском языке остается весьма ограниченной, даже если они общаются на нем постоянно на протяжении длительного времени. Те же, кто учился в «русской» школе, в достаточной степени компетентны в русском и, при условии их общения в своей этнической среде, сохраняют знания родного языка. Индивиды, у которых главным языком общения остается русский, и они не имеют на протяжении длительного времени языковой практики на родном языке, постепенно владение родным языком утрачивают. Особенно выявляется тесная связь между психологическими и социальными факторами при интеграции в доминирующую культуру не индивидов, а малых этнических сообществ.

На связь между речевым поведением двуязычных людей и социальными ситуациями двуязычия, то есть на то, каким образом и в какой мере социально-исторические условия общения носителей языка определяют тот или иной ход процесса контактов, обратил внимание Л.В. Щерба [Щерба, 1974, с. 313–315], указав, что характер сосуществования двух языков в сознании индивида находится в зависимости от условий усвоения неродного языка.

На наш взгляд, стремление к «отстаиванию» своей идентичности, традиций и языка наряду со всеми положительными аспектами иногда порождает и несоизмеримость стремлений с условиями социальной среды. Так, например, «представитель азербайджанской диаспоры, аспирант-историк, на одной из научных конференций сетовал на то, что детям правоверных мусульман в школах, средних и высших учебных заведениях не создают условий для совершения намаза, что девочки не ходят в одежде, закрывающей тело (кроме рук) и не покрывают голову. На вопрос, как он представляет себе реальное положение ребенка-мусульманина, совершающего шесть раз в день намаз в обычной российской школе, и отношение к нему одноклассников, он конкретно ответить не смог, сетуя лишь на то, что традиции и законы ислама не приживаются, а забываются» [Раимов, 2007, с. 85].

Что же касается мотивации самого ребенка в выборе между ассимиляцией и этнической идентичностью, то его собственный опыт подсказывает ему, какую занимать позицию, когда он ощущает, что некоторые группы принимают его к себе, а другие отталкивают из-за языка, на котором он говорит. Он осознает эти позиции и соотнесет их с собой. Обычно эта персонализация языковых позиций происходит в период отрочества, но в случаях острого языкового антагонизма может наступить и значительно раньше, то есть последовательность и возраст, в которых языки изучаются, а также и степень компетентности в каждом из них чаще определяются обществом, нежели самим носителем.

Когда индивид персонализирует свои языковые позиции, он выбирает свой главный язык, решает, в какой мере он расположен употреблять второй язык, и осознает мотивы, толкающие его на употребление того или иного языка, если только он согласен это сделать. Как представляется, подлинной целью двуязычного образования должно быть предоставление возможности учащимся принять такие решения в наилучших условиях, то есть при оптимальных формах обучения.

Как видим, важное значение приобретает развитие т.н. «национальных школ», в которых, как правило, явление двуязычия не редкость, а в большей степени и необходимость. По мысли С.В. Норкинского, школы, которые в педагогических кругах называют «национальными», очень разнообразны и в большинстве случаев не могут быть строго отнесены к этой категории. Исследователь обращает внимание на существование двух видов таких школ [Норкинский, 2008, с. 90].

Первая – это школы, где соблюдаются национальные традиции в организации обучения. Состав учащихся здесь практически однороден, обучение ведется на их родном языке, цель – возрождение национальной самобытности. Эти школы могут быть в полной мере отнесены к «национальным», однако их немного. Во *второй* группе школ, более распространенной, содержание обучения предусматривает усиленное изучение родного языка, традиций, истории родного края, но вместе с тем сочетается с изучением других языков, познанием общечеловеческих ценностей. Эти школы иногда называют «школами диалога культур». В целом по результатам данного исследования был сделан вывод, что в условиях нашей полиэтнической среды вообще не характерен тип школ, где учились бы дети только одной этнической группы. Примером тому служит знаменитая Петришуле: здесь из 900 учащихся толь-

ко 150 идентифицируют себя как немцев, остальные же – как корейцев, русских, башкир, евреев, татар.

Как показывает анализ деятельности российских школ с этническим образовательным компонентом [Карский, 2010, с. 104], двуязычного образования в школах многих регионов России не так уж много, поскольку система образования может быть названа двуязычной лишь тогда, когда имеющиеся в программе языки используются в качестве языков обучения, а не только как изучаемые языки [Сигуан, Макки, 1990, с. 54].

Мотивация родителей, предпочитающих для своих детей второй тип «национальных школ» («школ диалога культур»), обычно базируется на озабоченности их дальнейшим карьерным ростом, который, как они предполагают, двуязычное обучение обеспечит в гораздо большей степени, нежели обучение на одном, родном (или первом) языке, поскольку усвоение второго языка (то есть государственного, а для иммигрантов – языка принимающей их страны) дает возможность не только интегрироваться в иную группу, но и идентифицироваться с иной культурой.

Неоспоримо, что между языком и культурой существует связь, и языки являются не только средством общения между человеческими группами, но и формой выражения различных культур. Видимо, именно эта связь привела некоторых ученых к идее русской национальной школы, воспитание в которой должно базироваться на православной традиции, своеобразии славянского характера, восприимчивого ко всему чужому и вместе с тем стойкого в своей самобытности. Утверждая, что для русского менталитета характерна созерцательность, а не деятельность, В.В. Чарин объявляет систему сегодняшнего образования в корне неверной. Он считает, что денационализация школы ведет к ее бездуховности. Не углубляясь в данный вопрос, отметим, что положения, высказываемые этим специалистом, сближают его позицию с суждениями сторонников создания «национальной школы», базирующихся на совершенно иных этнокультурных традициях (см.: [Чарин, 2007, с. 64]).

Способствует ли «национальное образование» возрождению идей национальной избранности, то есть содействует ли оно фактическому разъединению людей? На практике можно найти как подтверждения этому, так и опровержения. Вот несколько конкретных примеров. Сложилось так, что даргинцы (народность Дагестана), приезжающие в Санкт-Петербург на заработки (то есть трудовые мигранты), компактно расселились по частным квартирам вблизи школы № 138

им. Александра Невского. Их дети очень плохо владеют русским и потому плохо усваивают школьную программу. Слабая подготовка и своеобразная манера поведения стали вызывать насмешки у их одноклассников. Чтобы преодолеть эти проблемы, администрация школы при активном участии СПбГУ создала адаптационный центр, где с детьми-кавказцами работают этнопсихологи, внедрила гибкие формы обучения, организовала группы изучения русского языка. С некоторыми детьми занимаются логопеды. Директор школы мечтает о создании детского даргинского ансамбля в надежде, что выступления этого коллектива помогут другим учащимся познакомиться с культурой народов Кавказа и проникнуться ее самобытностью. Во избежание «межнациональных конфликтов» и дабы облегчить детям-даргинцам усвоение школьной программы, директор школы предложил их отцам программу обучения на родном языке детей. В ответ он услышал категорический отказ примерно со следующей мотивировкой: нашим детям жить и учиться в России, и национальные классы им не нужны, пусть усваивают русский. Такой родительский подход может быть определен как применение метода упомянутой выше тотальной иммерсии и очень напоминает эксперимент (весьма успешный), проведенный в 70-е годы во франкоязычной провинции Сен-Ламбер в Канаде. В ходе эксперимента англоязычные дети обучались в школе полностью на французском языке. Тем самым они не утратили и свой родной язык, на котором продолжали общаться в семье, и в совершенстве овладели французским. Однако, как показывает международная практика, одноязычная система образования на языке, отличном от языка ребенка, в целом традиционно приносила плохие результаты; именно для предотвращения этого и возникло тяготение к двуязычному образованию. На успех или неудачу его влияют языковые, социальные и культурные факторы. А более всего – престижность языка [Сигуан, Макки, 1990, с. 118].

Создание так называемых «национальных школ» зачастую было вызвано межэтническими конфликтами на постсоветском пространстве, появлением в мегаполисах мигрантов, в том числе детей различного школьного возраста. Обучаясь в своей стране на родном языке, они испытывали значительные трудности в усвоении школьной программы на новом месте своего жительства, отставали от соучеников, подвергались насмешкам с их стороны.

Как выход – обучение в «национальной школе». Так, в Санкт-Петербурге появились две «грузинские школы» – фактически единственные, отвечающие определению «национальная школа»: все обучение ведется на грузинском языке, ученики и учителя – представители

одного этнического сообщества, проводятся светские и религиозные национальные праздники. Однако в большинстве своем семьи мигрантов остаются в России, и перед их детьми встает проблема поступления в российские вузы, где они испытывают затруднения, аналогичные тем, что испытывают младшие представители их этнического сообщества, оказавшись не в «национальной», а в обычной школе. В педагогических коллективах попытались решить эту проблему: в одном пришли к тому, чтобы с начальной школы преподавать точные науки на русском, в другом – к изучению русского и литературы в объеме обычной российской школы. Решается ли проблема таким образом?

Как видим, иммерсия или обучение целиком на другом языке, может быть без опасности предложена тогда, когда субъекты обучения изначально говорят на языке, имеющем большую «мощь» (в терминологии М. Сигуана и У.Ф. Макки) или большой социальный престиж, чем язык обучения. «Мощный» язык – это язык высших функций социальной жизни (язык администрации, культуры, информации) и обычно письменный язык. «Слабый» язык – это язык личных и обыденных функций (семейная жизнь, дружеские связи, связи с другими людьми по повседневному делу), часто это исключительно устный язык, бесписьменный и не имеющий установленных языковых норм [Сигуан, Макки, 1990, с. 38]. Для учащегося, говорящего на «мощном» языке (даже если система образования понуждает его изучать другой), усвоение языка не является угрозой его привилегированному языковому статусу, поскольку он уже говорит на престижном языке, будет на нем говорить, и возможная неудача во втором языке никак не повлияет на его личный престиж (пример англоязычных детей во франкоязычной канадской школе – эксперимент в Сен-Ламбере). В этих условиях его позиция по отношению к обоим языкам может быть позитивной, а система двуязычного образования – иметь позитивный эффект. Это может происходить также, если язык языкового меньшинства получил такую степень социального престижа, что лица, говорящие на «мощном» языке, чувствуют желание видеть своих детей двуязычными. Однако когда первый язык индивида социально более «слаб», чем язык обучения, иммерсия может стать угрозой для употребления родного языка как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Характерен пример сохранения родного языка среди потомков первой волны русской эмиграции во Франции. «Национальные» русские школы в Париже не открывались. Компетентность в родном языке в семьях разного уровня культуры была также разная и, поэтому родной язык, выполняющий лишь функции средства общения, не мог бы

стать ключом к полному знанию богатства всей культуры своего народа. Тем не менее в целом компетентное владение русским языком было сохранено на протяжении нескольких поколений русских эмигрантов (пример тому – консул Франции в Петербурге, выходец из семьи русских эмигрантов). Каким путем было достигнуто сохранение языка? Русские эмигранты обращались к парижским властям с просьбой обучать в парижских школах их детей русскому языку, и с этими детьми проводились дополнительные занятия.

Немаловажным фактором в освоении языков становится отношение ребенка к «слабому» и «мощному» языкам. Как уже говорилось, два языка выполняют различные социальные функции и имеют различную престижность. При этом ребенок, говорящий на «слабом» языке, осознает его низкий социальный престиж. Но в то же время он понимает и необходимость освоения «мощного» языка – чтобы быть принятым школой и в целом системой образования. Противоречивые чувства в отношении обоих языков (восхищение «мощным» языком и одновременно враждебность к нему; близость с родным языком и ощущение его ущербного положения) тормозят развитие индивида и в том, и в другом языке.

Выявить степень языковой компетентности детей из этнических сообществ в современных школах можно путем изучения сравнительного анализа учебных планов и, далее – результатов языкового тестирования учащихся. Наверняка есть пути решения проблемы интеграции детей иммигрантов в «доминирующую» культуру, создания психологически комфортных условий для сохранения ими своей этноидентичности; пути, которые бы не вызывали у них отторжения либо родного, либо русского языка, не мешали в дальнейшем их социальной адаптации и профессиональному росту. Конечно, вопрос выбора между ассимиляцией в новом обществе и сохранением собственной идентичности с тем или иным этническим сообществом, не есть вопрос лишь языкового поведения человека, но роль последнего нельзя приуменьшить. Следует согласиться с упоминавшимися исследователями У.Ф. Макки и М. Сигуан, которые выразили убеждение в том, что «двуязычное образование – наилучший вклад во взаимопонимание между всеми народами мира на международном и межгосударственном уровнях, наилучший способ облегчить сожительство различных этнических групп и языковых меньшинств. И сколь бы ни была высока тому цена, она всегда будет ниже социальной цены отказа от двуязычного образования» [Сигуан, Макки, 1990, с. 10].

Литература

- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
Карский И.П. Этнокультурные особенности диалога культур // Современная социология образования: методы и статистика. СПб., 2010.
Норкинский С.В. «Национальная школа» и этническая интеграция школьников в культуру. Самара, 2008.
Певзнер М.Н. Билингвальное образование в контексте мирового опыта (на примере Германии). Новгород, 1999.
Певзнер М.Н. Педагогика открытости и диалога культур. М., 2009.
Раимов Ф.И. Билингвальная культура в России и за ее пределами: лингвокультурологический и социокультурный аспекты. Ереван, 2007.
Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М, 1972. Вып. 6.
Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие. М., 1990.
Чарин В.В. Этнокультурология. М., 2007.
Ширин А.Г. Становление научно-педагогической школы билингвального образования // Научные традиции и перспективы педагогики. Межрегиональный сборник научных трудов. СПб., 2001.
Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЗЕРКАЛЕ ИХ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

М.Г. Шкуропацкая

Ключевые слова: лексические синонимы, ассоциативное поле.

Keywords: lexical synonyms, an associative field.

Проблемы синонимии вообще и лексической синонимии, в частности, уже довольно долгое время активно рассматриваются в лингвистической литературе. Такие вопросы, как определение синонимов, их семантика и функции, принципы выделения и классификации синонимов, проблемы близости и тождественности значений слов, устройство и границы синонимического ряда, соотношение синонимии и вариативности и др. к настоящему времени довольно подробно описаны во многих научных публикациях, как отечественных, так и зарубежных. Однако со временем внимание к проблемам синонимии даже как будто усиливается. Интерес представляют собой попытки теоретически осмыслить и обобщить лексикографический опыт, ко-

торые содержатся в предисловиях к серьезным словарям синонимов ([Евгеньева, 1964; Александрова, 1968; Чешко, 1968] и др). Большого внимания заслуживают также монографические исследования, в которых лексическая синонимия является предметом специального изучения, например, работы [Апресян, 1974; 1995], и особенно [Апресян, 2009], в которой представлены некоторые результаты осмысления лексикографического опыта, накопленного при составлении Нового объяснительного словаря синонимов. Совершенно очевидно, что в самой лингвистике проблемы синонимии занимает особое место, поскольку она является важнейшим свойством естественного языка и пронизывает все языковые уровни, «рассматривается как явление безусловно желательное, отвечающее потребностям говорящего иметь разные способы представления одной и той же ситуации, выделения и подчёркивания разных признаков, аспектов, «оттенков». Явление синонимии связывает лингвистику с такими науками, как философия, логика, психология, семиотика и, возможно, другие. Эти проблемы, как и проблемы, изучения плана содержания языка в целом, значения различных его единиц, их функционирования в языке и в речи, как представляется, относятся к категории «вечных» лингвистических проблем, и напрямую зависят от того, в русле какого научного подхода они решаются. На это косвенным образом указывает, например, Ю.Д. Апресян, который подчеркивает, что работа над словарем синонимов разворачивалась «в режиме обратной связи»: изучение постоянно растущего фактического материала являлось основанием для корректировки теоретических положений, что в свою очередь приводило к корректировке деталей словарных описаний. Об этом свидетельствует также появление работ, например, [Ривелис, 2007], где проблемы «внутриязыковой» и «межъязыковой» синонимии обсуждаются в русле когнитивной лингвистики.

Наше исследование посвящено рассмотрению системных синонимических отношений между словами в ассоциативном аспекте. Основное внимание в данной статье уделяется следующим вопросам: чем вызвана необходимость поиска новых путей решения вопроса об отношениях между словами-синонимами в системе языка и какие возможности в решении проблемы близости и тождественности слов содержит в себе применение ассоциативных методик?

Прежде чем перейти к предмету нашего исследования, рассмотрим некоторые уже сложившиеся подходы к изучению системных синонимических отношений, важные в плане рассмотрения проблемы в ассоциативном аспекте.

Некоторой точкой отсчета при описании системных синонимических отношений является классическая системоцентристская лингвистика, которая предопределила многие подходы, сложившиеся в современной научной парадигме.

Традиционная семасиология при описании системных отношений слов исходила главным образом из представлений о понятийной природе лексического значения и дефиниционного способа его описания. Если придерживаться классификации, соответствующей четырем аспектам значения слова, предлагаемой, например, Л.А. Новиковым [Новиков, 1982], то можно выделить следующие подходы к определению синонимов, сложившиеся в старой парадигме: сигнификативный, структурный, прагматический и денотативный (сигматический).

В сигнификативном аспекте синонимы определяются как слова с полностью или частично совпадающим значением (см., например: [Галкина-Федорук, 1959] и др.).

В структурном (синтагматическом) аспекте синонимы рассматриваются как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не меняя смысла предложения.

В прагматическом аспекте синонимы выступают как семантически тождественные (подобные) слова, имеющие различную стилистическую характеристику (см. например: [Евгеньева, 1964, Шмелев, 1977] и др.).

Наконец, четвертый подход отражает денотативный (сигматический) аспект, который заключается в изучении контекстуальных дескрипций (обозначений), соотносимых с одним и тем же денотатом (см. например: [Будагов, 1965] и др.).

Каждый из этих подходов, раскрывая ту или иную сторону системных синонимических отношений, внес свою лепту в общее представление о данной разновидности парадигматических отношений. Однако присутствующая при таком подходе абсолютизация одного из аспектов семантики слова в целом ограничивала возможности его объяснительного потенциала.

Изменение научной парадигмы со структурализма на функционализм в современной семасиологии было связано с актуализацией интегрального подхода к семантике, предполагающего максимальное раздвижение ее функциональных границ. В связи с этим развитие семасиологии пошло по пути исследования все более глубинных слоев семантики, что, в свою очередь, меняло представление о самой структуре лексического значения.

В теоретической синонимологии в связи с этим также произошли существенные сдвиги, что получило отражение в лексикографической практике при создании словарей синонимов принципиально нового типа. Речь идет о Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Ю.Д. Апресяна) и Словаре-тезаурусе синонимов русского языка (под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко). В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка, как известно, реализуется «установка на детальное лингвистическое портретирование», «стремление возможно более полно согласовать словарную статью с грамматическими и иными правилами русского языка» [Новый..., 1997, с. 5].

Особенность идеографического словаря синонимов «заключается в том, что его структурной основой служит иерархическая система понятий, которая и формирует соответственно идеографические группы разного ранга» [Словарь..., 2007, с. 18].

Если исследовательские методики Московской семантической школы направлены на скрупулезный анализ мельчайших элементов структуры значения слова, то создатели идеографического словаря синонимов в большей степени нацелены на полноту охвата лексического состава языка. В количественном расширении синонимических рядов словаря нашло отражения активное использование в современной русской устной и письменной речи разностилевой лексики; процессы, связанные с возрождением старых, забытых реалий и их номинаций, а также появление новых слов, связанных с отражением новых реалий, с потоком лексических заимствований, прежде всего англицизмов. Кроме того, в словарную зону синонимического ряда в данном словаре вошли также фонетические и словообразовательные варианты однокоренные синонимы, относящиеся к разным частям речи. Таким образом, современные словари синонимов стремятся показать «все богатство и особенности синонимической системы русского языка» [Словарь..., 2007, с. 14].

Однако даже при этом условии вряд ли вызовет возражение мнение о том, что место синонимии в языке и соответствующая терминологическая фиксация не являются четко установленными и подлежат переосмыслению ввиду неполной ясности и определенности» [Лебедева, 2002, с. 52]. На наш взгляд, это связано как с онтологической сложностью самого объекта, так и с трудностями гносеологического порядка.

Например, трудности, с которыми столкнулись составители словаря-тезауруса синонимов, были обусловлены семантической слож-

ностью некоторых синонимических рядов, пересекаемостью идеографических классов слов, имеющей разные причины. Во-первых, это связано с многозначностью слова; во-вторых, пересекаемость групп обусловлена сложностью отдельных лексических значений, допускающих их включение в различные семантические группы. «Слова, отличающиеся подобной семантикой, отображают взаимодействие, совмещение, склеивание ментальных пространств, что может быть обусловлено разными причинами» [Словарь..., 2007]. Например, реальной взаимосвязью, соотносительностью фактов и явлений действительности. В подобных случаях синонимические ряды, состоящие из слов со сложной композиционной семантикой, передают в совмещенном виде семантические идеи разных лексико-семантических множеств. Кроме того, часть русских синонимов наряду с основной функцией номинации объектов реального мира выполняют оценочную, интерпретационную функцию, вследствие этого обнаруживается совмещение естественной категоризации мира с оценочной категоризацией, что также создает трудности семантического описания синонимов. В естественной категоризации первичны сами объекты мира действительности, среди которых выделяются типичные образцы; в оценочной категоризации основную роль играет человеческий фактор в языке. Значимость интерпретационной, в том числе оценочной, функции синонимов антропологически обусловлена, что также приводит к трудностям однозначной классификации подобных слов.

Сказанное свидетельствует о том, что различие значений членов многих синонимических рядов проявляется не на уровне понятийного слоя семантики, а на более глубинном уровне, образуемом сочетанием коммуникативно-речевых, синтагматических, лингвокультурных признаков, с большой долей субъективных, интерпретационных смыслов. Этот уровень значения близок к концептному, но полностью им не исчерпывается. Ближе всего его описывает понятие коммуникативного фрагмента, или «монады языкового опыта», введенное Б.М. Гаспаровом. По мнению исследователя, высказывание субъекта включает то, что говорящий намеревался сказать и то, что получилось в результате использования языкового материала, потому что «каждая поступающая к нему извне частица языкового материала облекается целым полем ассоциаций, реминисценций, отсылок, которые эта частица индуцирует в его языковой памяти» [Гаспаров, 1996, с. 107]. Языковая память человека содержит готовые к употреблению отрезки речи различной длины, которые формируются под воздействием языкового опыта.

Как уже отмечалось, методики компонентно-дефиниционного моделирования значения в любом их варианте не способны выявить эти тонкие семантические отличия. В лексикографической практике это приводит к тому, что одно слово синоним толкуется через другое. Например, слово *откровенный* в Толковом словаре русского языка толкуется как «искренний, чистосердечный».

Выход на новый срез семантики предполагает, таким образом, поиск адекватных языковому материалу описаний. Думается, что коммуникативный фрагмент наиболее близок тому содержанию, которое репрезентирует ассоциативные поля, с помощью которых могут быть описаны значения слов-синонимов. В основании исследования синонимов на этом уровне лежит гипотеза о том, что показания языкового сознания, представленные, в частности, в виде ассоциативного поля, и собственно языковой структуры изоморфны.

Как известно, ассоциативное поле строится по результатам ассоциативного эксперимента и представляет собой упорядоченный по частотности набор реакций на стимул [Береснева, 1997]. Построенное по такому принципу поле дает возможность выявить некоторые ассоциативные нормы, которые в свою очередь могут оказаться существенными в изучении семантики каждого отдельного слова.

Покажем фрагмент анализа семантических отношений между словами-синонимами *откровенность*, *чистосердечность*, *искренность* с использованием методики сопоставительного анализа ассоциативных полей. Ассоциативный эксперимент был проведен среди студентов старших курсов Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина в 2009 году (ассоциативные поля представлены в Приложении к статье).

Гипотеза состоит в том, что слова с неопределенной семантикой, образующие синонимические ряды, по существу отражающие такое свойство языкового знака, как его бесконечная семантическая валентность, нелимитируемость семантики, отражающие известную неопределенность, континуальность мира, все же могут быть вычленены из дисперсного пространства семантического поля, так как на оси ассоциативного измерения обнаруживается не только семантическую непрерывность, но дискретность, не только тождество, но и различия.

С учетом анализа количественных данных АП лексем нами были выделены зоны ядерной, ближней и дальней (крайней) периферий внутри каждого АП. Ориентиром для отнесения ассоциатов в ядерную зону стал самый высокий в АП количественный показатель. В

зону ближней периферии вошли ассоциаты с количественным индексом от 10 до 100. Дальнюю зону составили единичные реакции с количественным индексом от 2 до 9. В зону крайней периферии вошли единичные реакции на слово-стимул.

Проанализируем качественный и количественный состав ассоциаций, входящих в зону ядра и ближней периферии единого ассоциативного поля, образуемого путем наложения АП слов-синонимов.

Зона тождества имеет достаточно большую плотность и образуется на данном участке единого ассоциативного поля (откровенность – чистосердечность – искренность) следующими реакциями: «открытость» (47, 24, 28), «честность» (39, 19, 76), «правда» (21, 23, 53), «искренность» (30, 39, -), «доверие» (17, -, 19), «признание (11, 118, -), «откровенность» (-, 12, 17).

Зона различия образуются следующими ассоциатами: *доброта* 24, *добрый* 13, *правдивость* 12 в АП в ассоциативном поле слова **чистосердечность** и ассоциатом *разговор* 32 в АП слова **откровенность**.

Дополнительные дифференциальные признаки были обнаружены при анализе зоны дальней периферии единого ассоциативного поля.

В зоне дальней периферии АП слова *откровенность* это такие реакции, как: душа 4; секрет 5; тайна 2; болтливость, разговорчивость, раскрепощенность 2; открытый 6; интим 5; беседа 3; в разговоре 2; мемуары 2, рассказ 2, доверчивость 4; глупость 2.

Зону различия в АП слова *чистосердечность* составляют реакции: суд 5, милиция 3; качество 6; характер 2; раскаяние 4, откровение 3, хороший 2.

И наконец, различительные признаки в зоне дальней периферии в АП слова *искренность*: душа 8, души, сердечность, сердце 3, добродушие 2, радушие 2 характер 3, улыбка, верность 4, вранье 2, лживость 2, в деле 2, в отношениях 2, наивность 2 скромность 2.

Суммируя сказанное о зонах тождества и различия в ядерных и периферийных областях единого ассоциативного поля слов-синонимов, можно отметить, что все слова обозначают свойства «открытости, честности, правдивости, доверия, признания, откровенности». При этом слово *искренность* вычленяется благодаря таким признакам, как «задушевность, проникновенность, сердечность, добродушие, радушие» (в отношениях);

у слова *откровенность* отличительными признаками являются свойства «прямодушие, прямолинейности, прямоты, которая обыч-

но проявляется в разговоре; говорить откровенно – это впрямую, прямо, начистоту»;

дифференциальная зона слова *чистосердечность* связана с семантикой слов *суд, милиция, раскаяние* и т.п. Чистосердечным является признание человека, совершившего какое-либо правонарушение.

В зоне крайней периферии ассоциативного поля слова *откровенность* содержатся ассоциаты (такие, как *белье, нагота, открыт, раскрытость, секс, сексуальный, чувственность, страсть, юбка*), которые связаны с другим значением данного слова: «слишком обнаженный, открывающий тело». Данные реакции образуют зону контраста единого ассоциативного поля, где синонимические отношения между рассматриваемыми лексическими единицами нарушаются.

Подводя итог всему сказанному, отметим следующее:

1) Рассмотрение синонимов как компонентов семантического поля позволяет представить указанную часть лексических единиц как открытую динамическую систему, способную к постоянному развитию, что позволяет уточнить ряд положений теории языкового знака и его значения;

2) Методика ассоциативного исследования значения слов-синонимов способствует наиболее полной реконструкции семантики языкового знака как системного явления;

3) Применение данной методики дает возможность выявить повторяющиеся частотные компоненты в семантике слов-синонимов (зона тождества полей) и многочисленные дифференциальные признаки (зона различия), расширяющие представления о системных отношениях, динамике значения слова-синонима как лексикографического объекта и как достояния индивида;

4) Выбор в качестве объекта слов-синонимов с неопределенной диффузной семантикой и возможность реконструкции их значения экспериментальными методами свидетельствует о том, что данные методики могут быть успешно применены при описании системных отношений слов с различным типом семантики, и в особенности при описании лексико-деривационных отношений слов.

5) Все сказанное является, на наш взгляд, весомым аргументом в пользу обоснования единства семантического поля как фрагмента онтологической системности языка и ассоциативного поля как продукта языкового сознания.

Литература

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов : концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : Проспект. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. Лексическая синонимия // Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. М., 2009. Т. 1: Парадигматика.
- Береснева Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1997.
- Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965.
- Галкина-Федорук Е.М. Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1959. № 3.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Евгеньева А.П. Проект словаря синонимов. М., 1964.
- Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956.
- Лебедева С.В. Содержание термина «синонимия» в контексте современных исследований // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2002.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1999.
- Ривелис Е. Как возможен двуязычный словарь. Стокгольм, 2007.
- Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред проф. Л.Г. Бабаенко. М., 2007.
- Чешко Л.А. О синонимах и словаре синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Приложение

(Ассоциативные поля слов синонимов)

Откровенность

открытость **47**; честность **39**; разговор **32**; искренность **30**; правда **21**; доверие **17**; признание **11**; любовь **7**; друг, дружба, душевность, чистота **6**; глупость, интим, секрет **5**; доверчивость, душа, открытый, правда **4**; беседа, близость, души, чувства **3**; болтливость, в разговоре, друга, друзей, искренний, мемуары, откровенный, открытый, правдивость, разговорчивость, раскрепощенность, рассказ, тайна, честность, чистосердечность **2**; безрассудство, белье, бескорыстный, бесполезность, бессекретность, в беседе, в разговоре, вечер, голый, девушка, добродушие, доброе сердце, доверчивый, дружелюбие, душевный, Евангелия, за откровенность, интимность, искренне, исповедь, истина, качество человека, кровь, мама, мамы,

между друзьями, мысль, нагота, наедине, нараспашку, наружу, невесты, недостаток, нужно, овца, от сердца, откровенность, открыт, открыты, открытый человек, отношения, плохой элемент характера, подруга, подруги, понимание, пошлость, правда, преданность, примирение, проблема, прямо, прямой, прямота, психолог, равнодушие, разговор по душам, разговорник, раскрепощенный, раскрытость, расположенность, рассказа, рассказать все подробно, реальный, река, решительность, с кем-то, с любимым, свобода, секреты, секс, сексуальный, сердечность, сердце, серьезность, сила духа, сказать, скрытость, слезы, слов, со всеми, сопли, состояние, сплетни потом, страсть, стыд, сцены, чары, чего-то в жизни не хватает, человек, человека, черта характера, честный, чистая правда, чисто, чувственность, Это хорошо, юбка 1.

399-135-23-98

Чистосердечность

признание 118; искренность 39; доброта, открытость 24; правда 23; честность 19; добрый 13; откровенность, правдивость 12; качество 6; искренний, признательность, суд 5; раскаяние 4; добродушие, душевность, милиция, откровение, честный 3; добродушный, друг, максимализм, откровенный, характер, хороший, чистота 2; без лжи, белая, бескорыстие, болтливость, в ответе, в разговоре, веселый, глупость, да, движение, добро, добряк, доверчивость, допрос, живчик, закон, искренне, криминал, кровь, легко, мент, не врет, особенность характера, отзывчивость, открытка, открытость, передача, помилование, порок, правда, правдивый, преступление, преступник, признателен, присуща, приятный человек, простота, прямолинейность, прямота, равнодушие, радушный, раскаянность, рассядят, рассказ, редкость, с утра, святой, секрет, сердечность, сердечность, сердце, слов, справедливый, теплый голос, уважение, хорошо, человек, человека, человечность, чистосердечность, чистосердечный 1.

402-90-14-61

Искренность

честность 76; правда 53; открытость 28; доверие 19; откровенность 17; правдивость, чувства 9; душа, любовь, чистосердечность 8; чистота, чувств 7; чувство 6; доброта 5; верность, добрый, разговор, честный 4; души, душевность, откровенный, сердечность, сердце, характер, честность 3; в деле, в отношениях, вранье, в чувствах, добродушие, достоинство, друг, дружба, искра, лживость, наивность, откровение, правдивый, признание, радушие, редкость,

речи, скромность, улыбка, человек, честь, чистота, чистый 2; ангел, бенгальские огни, болтливость, буква «и», в душе, в рассказе, в характере, в чем-то, в чувствах, важность, вера, верность, взаимность, ворс, выкладывать всю душу, говорить, говорить правду, голубь, добро, добродетель, добродушность, добропорядочность, доверие, доверчивость, доверчивый, друга, душа, душевная, забота, икона, искры, качество, круг, лицо, ложь, любимый человек, мама, морс, мудрость, надежда, наивный, намерения, настоящий, не врет, невинность, огонь, от чистого сердца, отзывчивость, откровение, отношения, порыв, порядочность, правда, простодушие, простота, прямой, прямота, радушный, ребенок, сердечная, сердитость, серьезный, слезы, слов, слово, справедливость, суд, суждение, терпение, уважение, хороша, хорошо, чайка над морем, человеческая, черта, честь, чистая, чистосердечие, чувственность, шустрый 1.

420-129-8-80

ЧЕЛОВЕК В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОБЫТИЙНЫЙ СТЕРЕОТИП И РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

Л.М. Дмитриева

Ключевые слова: топонимическая система, ментально-топонимический стереотип, региональный менталитет, языковая личность.

Keywords: toponimic system, mental-toponimic stereotype, regional mentality, language personality.

Различные аспекты человеческого интеллекта исследуются огромным количеством исследователей, что является одним из направлений развития современной науки. В настоящее время очевидно, что сложилась сложная разветвленная система теоретического и практического знания о человеческом сознании, значение которого для будущего человечества велико. Ситуацию такого рода отмечает Б.Г. Ананьев, считающий, что «для современной науки открылись и теперь уже существуют другие стороны в проблеме человека и его жизни» [Ананьев, 2002, с. 18]. Изучением того, как организована обра-

ботка информации, как знания представлены в уме человека, занимают представители когнитивного и гносеологического подхода в науке. В частности, гносеологический анализ не только занимается проблемой человека как объекта познания, отражающего объективный мир и преобразующего его посредством практики, но и показывает, насколько многообразны и сложны «информационные системы» человеческого мозга.

Нам в этой научно-методологической ситуации представляется, что средством трансляции такого типа информации являются стереотипы. В лингвистических и социально-психологических концепциях стереотипы трактуются как форма обработки информации и состояния знаний. По мнению ученых, ключ к решению многих проблем языковой картины мира лежит в обращении исследователей к личности. Проясним данное положение словами С.Л. Рубинштейна: «...человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему<...> Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание, не только как знание, но и как отношение» [Рубинштейн, 2003, с. 272].

Рассуждая, культурологи отмечают богатую фантазию и острую наблюдательность русского народа. Наблюдательность народа являлась своеобразной формой обработки информации, а потому отрицающее (агрессивное) противопоставлялось утверждающему (безобидному).

В настоящей реальности человек уходит от своей наблюдающей деятельности, но продолжает свою умозрительную деятельность. Во всяком случае А.В. Меренков отмечает: «Стереотипы возникают всюду, где имеется деятельность по обеспечению функционирования живой системы» [Меренков, 2001, с. 30].

В данной статье мы хотим продемонстрировать ключевой принцип стереотипного представления реального мира, который основан на анализе событийной сферы региональной топонимической системы. При этом следует считать основополагающим тезис, что языковая ментальность есть в некотором роде «манера» языкового представления мира. Это определение языковой ментальности принадлежит О.Г. Почепцову [Почепцов, 1990, с. 111]. Таким образом, языковая ментальность формирует некоторый набор стереотипов восприятия мира. Объектом для исследования этих возможностей служат событийные топонимы Алтая. Примерами могут быть, в том числе и такие топонимы, как *Ванькино озеро*, *Матренин лог*, *Федорина забока* и т.д. Поскольку в традиционной топонимической литературе при выявлении

номинативных параметров перечисленные названия были бы отнесены в группу топонимов, отражающих связь с человеком. Отсюда предметная область работы очерчивается реальным процессом восприятия, который выступает в своем гносеологическом отношении к вещам и явлениям объективной реальности, так как стереотипы управляют всем процессом восприятия человеком действительности.

В настоящее время стереотип становится одним из предметов различных исследований как сложное лингвосоциопсихологическое явление, изучение которого ранее считалось прерогативой психологии. Повышенный интерес к данному феномену объясняется отнесением его к разряду регулирующих начал социального и языкового поведения личности. Поэтому различные области научного познания, в том числе и области лингвистического знания, могут указывать, какой тип признаков будет включен в семантическую компетенцию термина «стереотип» Оценку данной ситуации дает и П.Н. Шихирев, считающий, что «характерной чертой исследования стереотипа – феномена многогранного – является различное понимание термина, отсутствие единого мнения относительно его содержания» [Шихирев, 1971, с. 169]. Стереотипы, попадая в область научной проблемы, перестают выполнять функции «автоматизмов» человеческого мышления и поведения, роль стереотипов заключается в представлении и поддержании структуры исследуемого нами знания. Поэтому совершенно логично, что, выражая специальное понятие, термин «стереотип» становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе. Дефиниция термина, по удачному выражению М.Н. Володиной, может меняться в зависимости от роста его информационной емкости. «Изменение информационной емкости термина чаще всего носит объективный характер и обусловлено развитием человеческого знания, что влечет за собой развитие и изменение соответствующих понятий» [Володина, 2000, с. 39].

Исследователи, изучающие категорию языкового сознания, не ограничиваются решением проблемы человеческого знания с точки зрения его структурного и системного представления. Этим и обусловлен интерес современной лингвистики к тому типу знания, который несет в себе представления, присущие всем людям в равной мере. «Стало исследоваться сознание массовое, обыденное, эмпирическое, «эффективно работающее» в повседневной жизни» [Портнов, 1994, с. 12].

В работах одних исследователей знание этого типа называется обыденным. Так, например, А.Н. Ростова представляет уровень обыденного сознания, «включающего ментально свернутые, не закреплен-

ные в речевых высказываниях фоновые культурологические и частнонаучные знания [Ростова, 2000, с. 44–45]. В данной работе мы ограничиваем себя, по понятным причинам, определением И.Т. Касавина, которому принадлежат исследования духовно-практического типа знания. «Духовно-практическое знание накапливает, обрабатывает и распространяет социальный и познавательный опыт в контексте исключительно человеческого мира и вне непосредственного материального производства», – пишет И.Т. Касавин [Касавин, 1990, с. 23].

В противоположность представляемой нами позиции, среди когнитивных исследований существует мысль о том, что содержащиеся в стереотипе знания отличаются от всех других типов знания. Имеются основания предполагать, что духовно-практическое освоение окружающей действительности и стереотипное представление мира – два различных типа знания.

В связи с пониманием перспектив и стратегий исследований данного направления представляется целесообразным рассматривать стереотипы как одну из особенностей структуры духовно-практического опыта человека и одновременно содержащегося в основе стереотипа описываемого нами знания.

Стереотипов – бессчетное множество. Так, например, А.В. Меренков отмечает, что «в осмыслении действительности и взаимодействия с ней последовательно выделяются несколько видов стереотипов: восприятия, осмысления информации, мышления, практического действия и т.д.» [Меренков, 2001, с. 42]. Поэтому очевидной проблемой области нашего исследования является определение границ вида исследуемого нами стереотипа, в котором содержится духовно-практическое знание. Для того, чтобы доказать приоритет стереотипов восприятия в данной работе, необходимо определить, как соотносится стереотип восприятия и стереотип представления.

В настоящее время многие ученые-лингвисты, социологи, психологи уделяют значительное внимание феномену восприятия. Так, М.Н. Володина указывает, что процесс познания есть процесс расширения физической и духовной ориентации человека в мире, базирующийся на «обычных» способах восприятия [Володина, 2000, с. 7]. Восприятие не имеет до сих пор общепринятого толкования, но является фундаментальным понятием психологии, когнитивной психологии и когнитивной науки. Оно охватывает широкий круг явлений и процессов, начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит, до обобщения чувственного опыта в виде отражения окружающей нас действительности. В этих

рассуждениях, безусловно, здоровым моментом является следующее. Вне всякого сомнения восприятие и отражение действительности выступают как единый процесс в сознании человека. С.Л. Рубинштейн отмечает, что «восприятие в его первичных формах – это по преимуществу представление более или менее непосредственно данного объекта» [Рубинштейн, 2003, с. 94].

Итак, человеческое сознание характеризуется единым процессом восприятия, или формирования представлений об окружающем мире. Отсюда стереотип восприятия и стереотип представления оказываются в данной работе взаимозаменяемыми. Доказывая особое положение стереотипов восприятия, мы постоянно имеем в виду определение картины мира как системы человеческих представлений о реальности. Определение картины мира как системы представлений человека о реальности дано в «Словаре культуры XX века» В.П. Руднева [Руднев, 1999, с. 127]. В серьезных психологических исследованиях понятие картина коррелирует с понятием образа внешнего мира. Такие явления, как «восприятие, представление, сознание есть образ внешнего мира, – пишет С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн, 2003, с. 65]. Сравните с этим высказывание еще одного мастера психологии А.Н. Леонтьева: «проблема восприятия должна ставиться как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [Леонтьев, 1983, с. 254].

Мы отметили выше тот факт, что в современных лингвистических исследованиях речь идёт только о когнитивном базисе стереотипа. Поэтому нельзя не заметить, что стереотип напрямую связывают с четырьмя основными когнитивными навыками:

1. навык наименования объектов, а также наименования их свойств (цвета, размера и т.д.);
2. навык осуществления переводов по типу «слово – образ»;
3. навык работы с классами слов (то есть родо-видовыми связями);
4. навык словесного ассоциирования.

Сравните с этим выделяемые исследователями и эффективно работающие стереотипы по классификации предметности («своё-чужое»), по самоназванию индивида и группы («мы-они»), по «шкалированию» различных пространств («правое-левое», «чёрное-белое») и т.д.

По нашему мнению, вышесказанное отнюдь не означает, что следует отождествлять существующий стереотип и определенный когнитивный механизм.

Обсуждаемая нами проблема очевидным образом связана с соотношением понятий когнитивные структуры (схемы, фреймы, сценарии) и стереотипы. В.Б. Касевич констатирует: «... способность к логическим операциям вообще не принадлежит к сильным сторонам человека: гораздо привычнее и эффективнее для человека ментальные операции, связанные с параллельной обработкой информации из разных источников, с классификацией по адаптивно полезным и некоторым иным признакам и т.п.» [Касевич, 2004, с. 84]. Заметим, что в данном параграфе слово – ментальные операции – является носителем свойств интеллекта. Познание и понимание мира является внутренним моментом, пронизывающим все возможные способы освоения человеком мира, и выступают (уже в качестве знания) одновременно как исходное условие, предпосылка и как итоговый продукт, результат этого процесса. Когнитивизм – взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека [Демьянков, 1994, с. 17]. Такую «переработку информации» характеризуют в терминах «схем», «фреймов», «скриптов» и т.п. Указанные когнитивные структуры, будучи фиксированными формами прошлого опыта, отвечают за воспроизведение в сознании познающего субъекта нормальных (типичных) событий (знакомых предметов, многократно повторяющихся ситуаций, освоенных правил действия, привычной последовательности изменений и т.д.). Исследователи говорят о наличии некоторых квазимыслительных процессов в нашем сознании, о существовании целых блоков мыслеподобных образований.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые нами понятия когнитивные структуры и стереотипы имеют противоположные отношения. С одной стороны, когнитивные схемы, сценарии, фреймы, являясь квазимыслительными процессами, имеют дело с конкретными проявлениями окружающей действительности. Характер стереотипа не зависит от механизмов человеческого интеллекта и, разумеется, от определённого класса предметов окружающей действительности. С другой стороны, не все когнитивные процессы в голове человека имеют языковой, а тем не менее чисто лингвистический характер. Проблемы представления знаний имеют вполне определённые лингвистические аспекты. Одновременно ясно и то, что можно говорить о разных видах знания, по-разному, соответственно, соотносящихся с языком. Исследователи указывают на «существование неязыковых (доязыковых) видов знания, т.е. когнитивных структур, которые формируются без участия языка и не требуют участия языка при их использовании. Отсюда за-

ключаем, что стереотипы в отличие от указанных когнитивных структур «относятся прежде всего к содержательной стороне языка и культуры» [Маслова, 2001, с. 109]. Кроме того, содержание стереотипа в идеале должно соотноситься с определённой языковой формой.

Мысль о том, что стереотипы сознания кодируются в структуре языка и проявляются при его обыденном употреблении, подчеркивается и Е.Л. Березович. Е.Л. Березович обнаруживает этнокультурную информацию при кодировании определённых стереотипов, отсюда в её работах описывается когнитивный генезис этнокультурной информации. Такая информация извлекается «из «бытового» текста или же сформированная на основе фольклорных и языковых стереотипов, проверенных опытом» [Березович, 2000, с. 26].

Таким образом, специалисты каждой из дисциплин стремятся выделить в стереотипе те характеристики, которые прежде всего отражают его роль в их сфере исследования: в связи с этим речь идёт о ментальных стереотипах, оценочных стереотипах, этнокультурных стереотипах, стереотипах коммуникации, речевых стереотипах и, соответственно, о классификации этих типов.

Следует сказать о терминологическом «континууме», в котором нами используется понятие стереотипа. Дело в том, что современной науке о языке известны такие определения, как оценочный стереотип (И.М. Кобозева, Ю.А. Сорокин, Г.В. Токарев, С.М. Вольф), концептуальный стереотип (И.Т. Вепрева), речевой стереотип (Ю.Н. Михайлова), а также культурный стереотип, национальный стереотип (Ю.С. Прохоров), этнический стереотип, ментальный стереотип (В.А. Маслова). Данную ситуацию, на наш взгляд, могут прояснить три особенности изучения стереотипов сознания. Первая особенность заключается в том, что названия многих видов стереотипов мотивированы узкими контекстами их изучения и описания. Вторая особенность связана с проблемой когнитивного подхода в языке, когда основное внимание уделяется тем компонентам знания, которые, участвуя в организации сознания и мышления, не даны субъекту непосредственно. Вследствие этой соотнесённости мы предполагаем, что в рамках лингвистического подхода любое использование термина «стереотип» сопряжено с языковым сознанием и языковой ментальностью. Как уже говорилось, «в когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с наивной картиной мира» [Маслова, 2001, с. 109]. Наконец, третья особенность характеризуется тенденцией относительно методов выявле-

ния стереотипов. Данные методы сопрягаются ролью языка в функционировании стереотипов сознания. С другой стороны, все перечисленные выше виды стереотипов, очевидно, объединяются «универсальным» понятием – языковой стереотип.

В этом смысле показательны исследования стереотипа в топонимической науке. Отметим, что в данной работе описание стереотипов ведётся с точки зрения организации ментального уровня топонимической системы. В наших предыдущих исследованиях при описании региональной топонимической системы в онтологическом и ментальном аспектах появляется термин «ментально-топонимический стереотип», который применим к языковой и познавательной деятельности человека, отражающего в своем сознании информацию относительно топонимических объектов окружающего мира. «Однако для моделирования несущих конструктов топонимической системы в сознании более глубокой является стереотипизация, поскольку именно стереотипы связывают единицы всех классов имён и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуют топонимическую систему, являясь формой ментального бытия онтологических структур», – пишет Л.М. Дмитриева [Дмитриева, 2002, с. 108].

Основываясь на представлении о ведущей роли «мёртвого смысла» интерпретируемого нами ментально-топонимического стереотипа, опишем такой стереотип в конкретном воплощении: как событийный стереотип. В каком-то смысле жизнь и восприятие жизни неразличимы. Восприятие – это непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему. Из сказанного вытекают два следствия. Во-первых, предметом восприятия являются события жизни человека – фрагменты или эпизоды его бытия; во-вторых, самое восприятие осуществляется в форме события (конкретного эпизода) этой жизни. Таким образом, восприятие со стороны его существования есть событие.

В рамках нашей проблемы представляется важным говорить о природе ментальных репрезентаций и о том, как они соотносят топоним (имя собственное) и возможный факт реальности, то есть событийный континуум. В свою очередь у исследователей топонимической науки возникает вопрос: насколько типично для русской топонимии изобретение географического пространства в связи с разворачивающимися в его рамках ситуациями, событиями? [Березович, 2000, с. 357]. Поэтому чрезвычайно плодотворными для нашей работы стали наблюдения и выводы Е.Л. Березович, сделанные ею на материале то-

понимии Русского Севера. «Нам хотелось бы избежать использования этого термина, – пишет Е.Л. Березович, – как вследствие его неоднозначности, так и вследствие того, что само по себе понятие ситуации чрезвычайно широко; едва ли не каждый топоним можно раскрыть в связи с ситуацией. К примеру, даже для названия Манькина Пожня вполне вероятно ситуативная развёртка – *«здесь косит Манька»*. Однако эта ситуативность не «дошла» до внутренней формы названия, вследствие чего при восприятии топонима ситуация может быть «вывернута» различными способами: *«здесь заблудилась Манька»*, *«здесь повесилась Манька»*, *«здесь родила Манька»* [Березович, 2000, с. 358]. Следует подчеркнуть, что нами принципиально одобряется указанный Е.Л. Березович факт, когда при восприятии топонима событие может быть «вывернуто» различными способами.

Развёртываясь в настоящем, событие неразрывно связано как с прошлым, так и с будущим. Представление о том, что у события может быть не одно, а несколько направлений развития (в прошлом, настоящем, будущем) – это, собственно, и составляет содержание понятия возможный факт реальности. «Событие – плод стечения обстоятельств, когда возможное становится фактом бытия», – как замечает В.А. Барабанщиков [Барабанщиков, 2002, с. 14].

Итак, наше внимание обращено к тем топонимам, которые с точки зрения их существования могут быть представлены некоторым рядом мыслеформ. Сравните также пример из нашего материала: Дунькина роща: *«в этой роще Дуньку убили»*, *«Дунька там замёрзла»*, *«Дуньку там к берёзе привязали за лёгкое поведение»*, *«там Дуня в березняке повесилась»*, *«в этой роще Дуня жила»*. К этому надо добавить, что «само слово «мыслеформа» выражает внутреннее, «запакованное» содержание идеи, которое должно развернуться как становление определённой объективной реальности» [Фёдоров, 2006, с. 47]. Таким образом, событийные топонимы – это такие топонимы, мыслительная форма которых укладывается в событие. Что касается содержания событийного стереотипа, то здесь вся трудность заключается в обнаружении этого стереотипа.

Причины возникновения и закрепления в сознании представитель определённого этноса ментальных стереотипов различны. Менталитет народа как обязательная характеристика склада ума и стиля мышления имеет непосредственное отношение к ментальной сфере и проявляет её связь с культурой. Категории культуры и есть те универсальные для каждой культуры понятия, совокупность которых образует картину мира, модель мира, конституирует видение мира, мирови-

дение. Категория – это совокупность смыслообразующих доминант, которые и конституируют типологическое отличие изучаемой ментальности от любой иной. До последнего времени специальному анализу подвергалась такая важнейшая функция языка, как номинативная и поэтому лежащая в основе такого анализа теория номинации получила своё глубокое освещение в целом ряде топонимических исследований. К ментально-топонимическим категориям мы относим событийные стереотипы, описывающие смысл существования событийных топонимов.

В топонимических названиях лингволандшафтной системы «Алтай» находят своё отражение события, мотивировки которых по отношению к конкретному топониму явно вторичны. Вследствие действующей закономерности представляется возможным выделять события реальные и нереальные. В связи с этим следует указать на случаи, когда мыслительная форма топонима укладывается в нереальное событие. Иными словами, следование стереотипному восприятию приводит к тому, что в какой-то момент существования топонимического объекта происходит актуализация того события, которое не связано с моментом наименования и которое в дальнейшем закрепляется за ним в сознании воспринимающего. В этом плане показателен пример из нашей предыдущей работы: «Петухи – посёлок: *«Займка Петухова»*; совр.: *«Стало называться село Петухами по случаю: ехал богатый купец в соседнюю губернию и проезжал как раз через эти места, услышал петушинный крик и заехал в этот разъезд, а до этого разъезд не имел названия»* [Дмитриева, 2002, с. 117]. К этому надо добавить, что очевидные версии мыслительных форм событийных топонимов в материале нашей работы определяются антропонимными названиями. Примеры такого плана весьма частотны: Хавроньин колок: *«Раньше Хавроньины покос держали»*, или *«Там девушку Хавронью за нехорошие дела привели, берёзку нагнули, девку за ногу привязали и оставили на смерть»*. Писарев лог: *«Там займку занимали Писаревы, и паишня там, и скот в стороне от села, и домишко»*, или *«Писарем раньше называли секретаря сельского совета. В этом логу какая-то банда убила писаря»*. Гордино озеро: *«Там утонул человек по фамилии Гордин»*, или *«Гордины держали паишню»*. Петров лог: *«Лог, в котором старик Петров имел свою паишню»*, или *«В этом логу когда-то Петров задавился»*. Стереотипизация в действительности представляет собой единый акт мгновенного соотнесения антропонима с познаваемым событийным континуумом.

Итак, данный параметр мыслительных форм событийных топонимов даёт вывод говорить о своеобразии информационного содержания событийного стереотипа. Хотя проблема истинности содержания стереотипов остаётся в научном плане до сих пор, по существу, нерешённой, мы признаём существование в структуре духовно-практического знания, которое лежит в определении событийного стереотипа, «момента относительной истины».

Рассуждая, культурологи отмечают богатую фантазию и острую наблюдательность русского народа. Наблюдательность народа является своеобразной формой обработки информации, а потому отрицающее (агрессивное) противопоставляется утверждающему (безобидному). При таком подходе событийные топонимы, естественно, должны классифицироваться на положительные и отрицательные. Применительно к нашему топонимическому материалу отрицательный полюс представляют топонимы типа Адамово озеро: «*Скорее всего там Адамов утонул*»; Аннушкин колок: «*Аннушка когда-то там задавилась, так назвали*»; Буян-посёлок: «*Разбойники жили, буянили. Людей много погибло там*»; Ваганов лог: «*Там был убит Ваганов*»; Матрёнин лог: «*Озеро там было, девочка там купалась, утонула*»; Страшный колок: «*Убийства там постоянно были*».

Однако в топонимической картине мира нашего региона находят свое отражение событие, не несущее, как кажется, какой-либо оценочности. Как правило, такие события связаны с историей заселения и освоения территории. Различие между событиями в ходе общественно-исторического развития определяются такими моделями, как «пашню держал», «был покос», «рядом жил», «там работал», «там пахал», «рыбу постоянно ловил», «всегда охотился». Приведём примеры: Прохоровский лог: «*Пашню там Прохоров держал*»; Гурино озеро: «*Гурин пашни там свои держал*»; Алёшино озеро: «*Там пашня была рядом Алёшкина*»; Лукунино озеро: «*Рядом была пашня Лукунина*»; Манин околок: «*Женщина одна там косила. Дали ей место от села близко, чтобы косить*»; Воробьёв лог: «*Там всё время косил сено для личного пользования Воробьёв*»; Михеев околок: «*Такой Михеев был, и у него там был покос*»; Горелов лог: «*Горелов косил*». Мироново болото: «*Там рядом жил Миронов*»; Воробьёв колодец: «*Назван в честь рядом жившего Воробьёва*»; Брытков пруд: «*Богач Брытков рядом жил*»; Беляковское озеро: «*Беляков здесь жил*»; Соболев ключ: «*Рядом дед Соболев жил*». Клявсова пасека: «*Клявов там работал*»; Шамяков лог: «*Шамяков лог был. Он там всегда работал*». Гришин колок: «*Там Гриша раньше пахал*». Тимошкино озеро: «*Он на нём рыбачил завсе-*

гда»; Волково озеро: *«Волков рыбу ловил»*; Маслинское озеро: *«По старику Маслинскому названо. Он там всегда рыбачил»*. Луницын околок: *«Луницын завсегда туда охотиться хаживал»*.

По мнению некоторых учёных, восприятие событий человеком всегда соотнесено с особенностями исторической эпохи и жизни народа. События могут быть измерены только с помощью системы исторического времени. Такое измерение распространяется на всю сферу человеческого сознания. Однако в нашем материале имеются факты, позволяющие опровергнуть указанное неадекватное мнение относительно сферы человеческого сознания. Отсюда в исследуемых нами топонимах наблюдается указание на историческое событие (например, Власов лог: *«Когда-то Власов там держал пашиню»*; Миронов лог: *«Там Миронов рядом жил»*; Трифоново озеро: *«На этом озере рыбачил часто дед Трифон»*) и «универсальное» событие (к примеру, Агапкино болото: *«Говорят, что здесь одна женщина Агапка утонула»*; Абрамов ключ: *«Абрамов один утонул в ключе, ключ так и назвали»*; Козлово озеро: *«В нём богатый барин Козлов утонул»*).

Очевидно, что для нас представляют большой интерес события второго типа (ср. версии мыслительных форм такого событийного топонима, как Катькино болото: *«Там Катька утонула»* или *«В этом болоте муж утопил свою жену Катю»*), хотя события первого типа, несомненно, являются составной частью того понятия, которое мы определяем как «событийный стереотип».

Указанные выше антропонимные названия в топонимических исследованиях системоцентрического периода входят в группу эмоциональных топонимов, где суффикс –к- наделяется чисто оценочным значением пренебрежения, презрения. Характерные примеры такой оценки: *«Дунькина роща: «Ребята Дуньку там к берёзе привязали, распутничала – вот и наказали»* или *«Там Дуньку привязали за косы, за лёгкое поведение»*; Катькин колок: *«Катька там поле держала, потом задавилась в этом колке»*; Алёшкино озеро: *«Там по-над озером жил дед Алёшка»*. Сравните с этим топонимы: *«Катин лог: «Катька в том логу замёрзла»*; *«Дунин лог: «В этом логу Дуньку убили»*; *«Алёшино озеро: «Там пашиня была рядом Алёшкина»*. Эти и подобные примеры показывают, что антропонимные названия не несут какой-либо оценочности. Иначе говоря, в самих названиях событийных топонимов никак не отражается оценочное значение.

Следовательно, само понятие оценочности априори связано с мыслительной формой событийного топонима. В известном смысле чувство греховности является следствием оценки жизни. Здесь могут

быть рассмотрены многочисленные событийные топонимы: Дунькина роща: *«Говорят, будто колдунья Дуня в этой роще жила»*; Дарьин омут: *«Женщина вышла замуж за одного, родила. Бросила ребенка в этот омут»*; Колькин лог: *«Говорят, что в том логу был убит какой-то Колька»*; Абабина гора: *«Убили богатого мужика и назвали»*; Федорина забoka: *«Федору там комары заели, она распутничала, её к дереву привязал, вот заели комары»*. Иными словами, грех осознаётся жителями нашего региона как недолжное, неправильное в поступках людей, в их отношении к другим.

Оценка событий в идеале должна идти в разных направлениях, то есть наличие названий, не только отражающих несчастные события, но и присутствие стандартных способов восприятия других событий. Но пока на данном этапе нашей работы создаётся иллюзия, что окружающая действительность представляет из себя чуть ли не одно сплошное состояние негативного переживания. Однако, по мнению народа, никаким иным путём изменить «программу» взаимодействия с внешним миром невозможно. Отсюда народные представления о том, что «сильна вода, сильнее на свете нет; воды ничем не остановить», подтверждаются мыслительной формой топонима типа Ванькино болото: *«Там Ванька убил утку, запутался и утонул»*. А также представления о том, «что воду каждую ночь ангел освящает, и только речную да родниковую, да морскую, а болотной не освящает». Приведём примеры: Алёшкино болото: *«Там купался Алёшка и утонул»*; Епишкино болото: *«Какой-то Епишка там утонул»*; Маланьино болото: *«Говорят, бабушка Маланья там утонула»*.

События в целостном их восприятии представляют некое подобие связанной системы. «Универсальные» события не выходят из круга обыденных жизненных представлений и действий, какими бы чудесными ни казались они порой на наш взгляд. В качестве примера действия «единого закона» можно привести топонимы, мыслительная форма которых укладывается в событие типа «утонул(а)»: Матрёнин лог: *«Озеро там было. Какой-то чёрт увёл Матрёну, она утонула, по ней назвали лог»*; Бражкино озеро: *«Когда-то там утонул Бражкин»*; Абрамов ключ: *«Абрамов один утонул в ключе, ключ так назвали»*. Заметим попутно, что человеческая природа вряд ли изменилась за последние тысячелетия. Указанное событие достаточно обычное. Это в порядке вещей, это норма. Однако нормой оказывается и другое: Алексеев околок: *«Говорят, что здесь убили какого-то Алексеева»*; Балашов околок: *«Говорят, что он здесь убил свою старуху»*; Власова грива: *«На этом месте когда-то убили Власова. Ехал он по своим делам, бы-*

ло у него много денег. Его подкараулили и убили». Тот же смысл выражают «универсальные» события ментального бытия топонимической системы, исчисляющиеся такими моделями, как «повесился(ась) / удавился(ась) / задавился(ась)», «утопил(а)», «замёрз(ла)», здесь же «утонул(а)», «был убит».

Но и тот и другой вид событийных топонимов становятся возможны лишь в силу того, что имеет место ментальный импульс – стереотипизация событийного континуума определённым образом. Поэтому рассмотрение всякого ментально-топонимического стереотипа осуществляется нами под разными углами зрения, в системе тех или иных представлений.

Таким путём рождается мысль, что в каждом несчастном событии уже усматривается наличность демонических существ. Народное верование приписывает всякую гибель утопающего обольщению водяных. Приведём примеры: Данилов пруд: «Там Данилов когда-то случайно утонул»; Иваново озеро: «Иван как-то оступися и утонул в этом озере»; Катыкино болото: «Там Катя утонула» или «В этом болоте муж утопил свою жену Катю». «Народу, по словам Д.К. Зеленина, присуще то воззрение, что человек не сам лишает себя жизни, а доводит его до самоубийства, иногда даже непосредственно убивает, топит чёрт, леший» [Зеленин, 1995, с. 47]. Например: Дунькино болото: «Какой-то чёрт увлёт туда Дуньку, она и утонула там»; Адамово озеро: «Скорее всего Адамова туда кто-то утянул, вот он и утонул»; Фёдорово озеро: «Фёдор в этом озере запутался и утонул».

«Совсем иное представляют собою второй разряд покойников, т.н. мертвяки или заложные. Это – люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью», – пишет Д.К. Зеленин [Зеленин, 1995, с. 39]. Кроме того, заложные всегда сохраняют самую тесную связь с местом своей смерти. Примерами могут служить такие событийные топонимы, как Польшин околок: «В нём убили девушку. Теперь это место Польшино»; Алёшкин лог: «Парень Алёшка подружил с девушкой, а её отбил другой. Алёшка с горя удавился в этом логу. По нему и назван лог». Могила заложного часто совпадает с местом его смерти, т.к. в народе стараются хоронить заложных на месте их кончины: Аннушкин околок: «Аннушка когда-то задавилась, там её и похоронили»; Софронова околок: «Там Софронова убили, там в лесочке и его могила». Мы убеждены в том, что антропонимные названия событийных топонимов являются вербализации событийного сте-

реотипа, так как стереотипами данного вида обеспечивается выход к обобщённым ментальным представлениям жителей нашего региона.

Подведём итоги. В поле нашего зрения оказывается стереотип и его внутренняя сторона духовно-практической репрезентации знания, а также его участие в особенностях структуры данного опыта человека. Отсюда стереотип, являясь единицей языковой картины мира, используется в качестве полноценной единицы для выражения мёртвого смысла. Ментально-топонимический стереотип – это актуальный план восприятия того или иного топонима человеком. Событийный стереотип в его отношении к региональному менталитету является основным элементом, на который опирается обыденное сознание воспринимающего. В контексте нашей проблемы важным представляется сам факт того, что изучение и описание стереотипа не зависит от исследования общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый умственный механизм.

Поставив целью этой работы изучение регионального компонента лингволандшафтной системы «Алтай», мы доказали, что современными научными исследованиями стереотип определяется как «многогранный» феномен и что в его основе лежит духовно-практический тип знания.

Литература

- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2002.
 Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
 Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
 Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
 Шихирев П.Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5.
 Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М., 2000.
 Портнов А.Н. Язык и сознание : основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков. Иваново, 1994.
 Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.
 Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1999.
 Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2-х тт. М., 1983. Т. II.
 Касевич В.П. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.
 Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
 Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.

Барabanщиков В.А. Восприятие и событие. СПб., 2002.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

ОБРАЗ АЛТАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

О.Г. Левашова

Ключевые слова: Алтай, региональная литература, культура, тема, поэтика.

Keywords: Altai, regional literature, culture, theme, poetics.

Алтай и с точки зрения территориального деления, и с точки зрения культурной самобытности в эту эпоху выделить сложно. Выделять русскую литературу Алтая из культурного пространства Сибири в XIX веке можно достаточно условно: произведения, в которых главным художественным топосом становится Алтай, создают, в основном, уроженцы других регионов России, волею судеб попавшие на Алтай (ссылка, перевод по службе, экспедиции и т.п.).

В XIX веке на Алтае не сформировался единый литературный процесс, нет профессиональных писателей. Изучение и отображение региональной жизни осуществляется этнографами, учеными, путешественниками. Поэтому ведущим жанром литературы, по преимуществу, становится художественно-этнографический очерк. Все же в XIX столетии по крупицам собираются отдельные приметы, черты, подмечаются особенности, закрепляющие в читательском сознании художественно-литературный образ Алтая. Именно во второй половине XIX века закладывался, прежде всего, областниками, тот культурный подъем, который Алтай переживает в начале XX века.

Выдающийся ученый, этнограф, фольклорист С.И. Гуляев (1805–1888) был прежде всего собирателем культурных сил на Алтае и в Сибири. Как и многие сибиряки, стремящиеся служить своей малой родине, С.И. Гуляев едет в Петербург, понимая, что в столице есть литература, печатные органы, критика и читатели. В петербургский период С.И. Гуляев пишет статьи «Алтайские каменщики», «Кольван и Кольвань», «Механик Ползунов» и др., пытаясь привлечь внимание читате-

лей к истории, природе и людям Алтая. С.И. Гуляев не был писателем в полном смысле этого слова, поэтому сам с иронией в письме к матери замечал: «...я хочу пуститься в литературу» (цит. по: [Троицкий, 1988, с. 8]). Однако гуляевские художественно-публицистические и публицистические зарисовки родных мест, созданные им образы людей, населяющих Алтай, важны для понимания логики зарождения и развития культурных процессов в сибирской провинции, возникающих тенденций изображения алтайского топоса.

Вернувшись в родные места, С.И. Гуляев с усиленным энтузиазмом продолжает свою общественную деятельность, работу по собиранию культурных и научных сил в сибирской провинции. Его дом в Барнауле открыт для культурных деятелей и путешественников, приезжающих на Алтай (французский археолог, этнограф, доктор Менье, немецкий ученый-зоолог А. Брем и др.). С.И. Гуляев знакомится и сближается с ведущими представителями сибирского областничества (Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным).

Интересна зарисовка духовного облика С.И. Гуляева на фоне местной жизни того времени: «В то время, как счастливая звезда заводов (алтайских) начала закатываться, слава о шумной и роскошной жизни горного мира гремела все больше и больше, распространяясь далеко за пределы не только Сибири, но и России. О шумных пирах, богатых обедах и роскошных костюмах горных дам путешественники говорили далеко за пределами России, и Алтай в этом отношении считался каким-то сказочным уголком, где всегда можно было встретить дорогие вина, роскошные костюмы, выписанные прямо из Парижа. Заставляя едва ли не всех жить не по средствам, эти блеск и роскошь, однако, не коснулись дома С.И. Гуляева, где жизнь текла совершенно иначе, чем в остальном мире. Этот дом, находясь в одной из глухих улиц Барнаула, чаще открывался для путешественников, ученых и местных исследователей, даже чаще для простых рудовозов<...> Для путешественников и ученых кабинет С.И. Гуляева с его коллекциями, библиотекой, а главным образом, с самим хозяином, который представлял из себя живую книгу всевозможных сведений об Алтае, являлся необходимым предверием для изучения этой страны» [Голубев, 1890, с. 428].

Незначительное влияние на формирование образа Алтая в культуре и художественной литературе оказал Е.П. Ковалевский (1809 (по другим источникам 1811?) – 1868). Русский путешественник, писатель, общественный и государственный деятель Е.П. Ковалевский только в юности недолгое время служил на Алтае. Будучи горным инженером, Егор Петрович Ковалевский возглавлял успешную геологическую экс-

педицию по поиску золота на Алтае, с этой целью он посещает Горный Алтай, Телецкое озеро, Барабинскую степь.

Е.П. Ковалевский занимался и литературной деятельностью: он автор многочисленных научно-популярных очерков о странах и народах, которые посетил и изучал, девяти романов и повестей, сборника стихов, драмы в стихах. Пространство Алтая Е.П. Ковалевский запечатлел в ранней своей публикации – в сборнике стихов «Сибирь. Думы», подписанном начальными буквами «Е. К.» и появившемся в 1832 году в Санкт-Петербурге, в типографии Плюшара (большие фрагменты этого сборника представлены А. Родионовым в альманахе «Тобольск и вся Сибирь»).

Сборник стихов Е.П. Ковалевского во многом подражательный и ученический. Современники и позднейшие исследователи отмечают, что сам путешественник и писатель не случайно в дальнейшем переходит к прозе, тем самым дав оценку своему поэтическому дару. Поэтому нам представляется несколько восторженной та оценка, которую дает А. Родионов стихам Е.П. Ковалевского: «Сибирь в “Думах” высвечивается душевной лампадой Егора Ковалевского в красках романтических, восторженных, что внутренне мотивировано – он разглядывал новую для себя страну столичным глазом, и отразилась она в стихах своеобразно литературной традиции тех лет» [Родионов, 2010, с. 430].

С одной стороны, стихи молодого начинающего автора свидетельствуют о поэтических предпочтениях эпохи, с другой, о том, что, будучи поклонником романтизма, Е.П. Ковалевский воплощает излишне аффектированные и гипертрофированные чувственные проявления. В эпоху реализма позднего А.С. Пушкина, психологического романтизма М.Ю. Лермонтова «неистовый» романтизм Е.П. Ковалевского ощущается как вторичный. Об этом свидетельствуют уже строки письма, предпосланные стихам, принадлежащие автору и публикуемые издателем: «...Добровольно покинув родину, покинув тебя, мой единственный Друг, я удалился в необитаемый край Сибири; седьмой месяц я не вижу человека, ничто даже не напоминает мне о нем... И недуг сердца заживает, тихая, кроткая грусть сменила убийственную тоску. Мое бытие слилось с воспоминанием о ней, и то, что мечталось в зыбком, неверном сновидении осуществилось, Ея призрак... Нет, она – мой идеал, мой Ангел-хранитель, она сама навещает уединенную обитель мою и вливает на растравленные раны бальзам сладкого утешения.

Когда невзгодные тучи заслоняли мою душу, тогда я старался пробудить восторги созерцанием величественной природы. Знаю, что

исполинские картины Сибири выше всяких описаний... Сорвите с главы этакого гордого утеса бурное облако, начертите на нем стрелой молнии... и если эти письма будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь!.. Перед тобою скрижаль моих чувствований – не боее!» (Цит. по: [Тобольск и вся Сибирь, 2010, с. 432]).

Цикл «Дум» Е.П. Ковалевского организован традиционным для романтизма противопоставлением: мимолетность человеческой жизни и Вечная Природа. А. Родионов считает, что в основе такой композиции лежит автобиографический мотив: одной из причин отъезда с Украины была смерть любимой. Первая дума – посвящение «Праху Н.», смерть близкого человека приводит к отчуждению от людей, чувству тотального одиночества и близости к природе: «Среди степей, меж гор Сибири дикой, / Далекий от людей и к небу близкий, / Я счастлив был, свободен был без них».

В следующих думах личное горе вытесняется грандиозными и экзотическими для лирического героя образами сибирских гор, степей, буранов. В «Думе VIII. Буря» Е.П. Ковалевский рисует сродни апокалипсическому пейзажу картину пожара в горах. Грандиозным предстает в начале стихотворения образ Горного Алтая: «Пред мной – Алтай, за мной – Алтай, то / взгроможденный, / Поник на облака, то в прахе раздробленный. / На глыбах рухнувших висит дремучий бор, / И тощий плещ, как змей, ползет из трещин гор. / Зияет пасть пещер, зияет бездн стремнины, / И глухо все... Природа страшной ждет / судьбина!» Предчувствие не обмануло лирического героя: «огнь ужасный» уничтожает на своем пути все: «Столетний кедр трещит, шатнулся, вот / склонился, / И, дружно с елью обхватясь, свалился, / Загромоздив собой Чумыша грозный ток...».

Интересной, но достаточно поверхностной представляется попытка в VII думе «Татарка» осмыслить жизнь аборигенов-алтайцев. Авторское прозаическое вступление, на наш взгляд, свидетельствует о весьма поверхностном восприятии инородцев: «Представьте себе людей, скрывающихся от власти закона в лесах непроходимых, с верой шаткой, с умом огрубевшим, <...> полунагих, питающихся кореньями и дикими зверями <...> – и вы будете иметь понятие о татарах-язычниках, скитающихся между Кузнецком, Бийском и около озера Телецкого». Очень традиционно нарисован лик самой «татарки» в думе Е.П. Ковалевского: «Безмолвная дева чудесна была / Сияньем луны озарена: / Под пышной, волнистой струей / Роскошных и длинных смоляных кудрей / Лик девы, как день из-за ночи / Сиял...» [Ковалевский, 1832, с. 38–39]. Однако в этот традиционно романтический об-

разный строй стиха проникнет реальная деталь – принятие язычника-ми-алтайцами православия и, часто, бессмысленность для инородца этого сакрального действия. В этом смысле финал думы «Татарка» достаточно противоречив: «Однажды, в церковной ограде, / Селяне татарку сыскали, <...> / И хладной рукою сжимала она / Спасительный крест; знать его то / Несчастливая всюду искала» [Ковалевский, 1832, с. 42].

Образная система сборника «Сибирь. Думы» изобилует романтическими клише, образ лирического героя и героини психологически не очерчены, ритм неровен, что не связано с творческим заданием поэта, а объясняется несовершенством самого стиха. Образ Алтая для Е.П. Ковалевского был связан по преимуществу с расширением экзотического, необычного пространства, противопоставленного обыденному, бытовому (в русской романтической лирике первой трети XIX века эту роль долгое время выполнял Кавказ). Традиция изображения Кавказа ощутима и в ранних стихах Е.П. Ковалевского, что во многом лишает образ Алтая и Сибири самобытности.

Не принимал никакого участия и не мог принять в силу положения ссыльнокаторжного в организации литературного процесса в Сибири Ф.М. Достоевский (1821–1881). Ф.М. Достоевский, попал на Алтай, будучи осужденным по делу «петрашевцев», уже известным писателем, автором романа «Бедные люди» и ряда петербургских повестей. Отбыв четырехлетнюю каторгу в Омском остроге, Достоевский, переведенный солдатом, а потом унтер-офицером в Семипалатинск, несколько раз посещает Алтай и Барнаул. Несомненный интерес представляет образ Алтая, нашедший отражение в эпистолярном наследии Ф.М. Достоевского¹.

Большой отзвук у читателей и у критиков получил роман Л.П. Блюммера «На Алтае». Этому, прежде всего, способствовала сама тема произведения – «золотая лихорадка». В исторических трудах, посвященных изучению зарождения горно-металлургической промышленности на Алтае, отмечается, что уже в XVIII веке наш регион становится одним из важнейших центров по производству цветных металлов. Интерес русских монархов, организация на Алтае Кольвано-Воскресенских (с 1834 года – Алтайский) заводов, принадлежащих Кабинету Его Императорского Величества, связан сначала «с выплав-

¹ См. об этом статьи: Гришаев В. Достоевский на Алтае // В.Ф. Гришаев. Тропой памяти. Барнаул, 1987; Маркин П. Достоевский в Барнауле: (Факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3; Левашова О.Г. Ф.М. Достоевский и Алтай // История Алтая. Ч. I. С древнейших времен до 1917 г. Барнаул, 1995.

кой серебра и извлечением из него рудного золота <...>. С 30-х годов XIX века на Алтае стали разрабатываться месторождения россыпного золота» [Соболева, 1995, с. 119]. В этот период регион привлек к себе не только внимание специалистов, горных инженеров, но и авантюристов всех мастей, любителей быстрой и легкой наживы.

Работали на приисках подневольные кабинетские крестьяне, согнанные с ближайших деревень и ставшие в одночасье «бергалами» (горнозаводскими рабочими). Условия труда на приисках и эксплуатация рабочих были бесчеловечными. Т.Н. Соболева на основании исторических документов так характеризует жизнь горнозаводского населения Алтая: «Розги, шпичрутены, кнут, содержание в тюрьмах, исправительных казармах, на гауптвахтах, отсылка с 30-х годов XIX века на золотые промыслы, которая воспринималась как направление на каторгу, составили основной арсенал средств администрации округа для исправления «нерадивых», «недобросовестных», «строптивых» работников и наказания преступников» [Соболева, 1995, с. 131]. Об алтайском золоте пишет свой роман Л.П. Блюммер¹.

В биографии И.А. Кушевского (1847–1876) до сих пор много «белых пятен». Считается, что родился он в Восточной Сибири, в семье обедневшего дворянина. Однако алтайские краеведы называют И.А. Кушевского первым барнаульским писателем. На этой версии настаивает Г.П. Раппопорт: «Документами точно подтверждено, что Иван Афанасьевич Кушевский родился в Барнауле в 1847 году в семье титулярного советника, служившего мелким чиновником канцелярии Алтайского горного округа» [Раппопорт, 1957, с. 557], – однако никакой ссылки на эти документы Г. Раппопорт не делает. Рано почувствовав стремление к литературному творчеству, И.А. Кушевский, как и многие сибиряки, едет в Петербург, желая получить университетское образование, стать ближе к издателям, критике, читающей публике. Казалось бы, в 1970-е годы писатель достигает своей цели, печатая свои статьи, очерки, рассказы и, наконец, опубликовав роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», обретя читателя в лице демократических слоев населения. Но жизнь «писателя-пролетария» сделала свое дело: И.А. Кушевский умер, не достигнув тридцатилетнего возраста.

¹ Анализ романа см. в статье: Левашова О.Г. Роман Л.П. Блюммера «На Алтае» // История Алтая. Ч. I. С древнейших времен до 1917 г. Барнаул, 1995.

За год до смерти И.А. Куцевский публикует в журнале «Отечественные записки» под псевдонимом «Хайдаков» очерки «Не столь отдаленные места Сибири». Они, как и роман Л.П. Блюмера, во многом связаны с темой алтайского золота. Герой-рассказчик, отбыв срок сибирской ссылки, с караваном золота возвращается в Центральную Россию. Важным образом в произведении становится топос дороги. Конкретная география намечает путь от Томска до Барнаула, а затем на Урал. Однако этот простой сюжетный ход, отсылающий к традиции жанра путевого очерка, дает писателю возможность показать жизнь и быт сибиряков: их кулинарные пристрастия, хлебосолюство, широту души, в то же время суеверия, лихоимство чиновников, беззакония, ставшие нормой.

Одним из важнейших вопросов до сих пор является проблема авторства очерков. Г.П. Раппопорт высказал сомнение в принадлежности этого произведения перу И.А. Куцевского. По мнению алтайского краеведа, автором очерков является Л.П. Блюмер: «В произведениях Л. Блюмера мы находим много страниц, схожих с этими описаниями в очерках. Куцевскому же золотая промышленность была незнакома, и он на эту тему не писал» [Раппопорт, 1957, с. 558]. Эту проблему затрагивают в своих работах и авторы биографических статей о творчестве И.А. Куцевского: «До сих пор не решен окончательно вопрос о принадлежности Куцевскому очерков «Не столь отдаленные места Сибири» (псевдоним *Хайдаков*), опубликованных в «Отечественных записках» (1875. № 7)» [Видуэцкая, 1989, с. 392], – пишет И.П. Видуэцкая.

В целом, логика исследователей в решении этого вопроса ясна: «Не столь отдаленные места Сибири», в связи с заглавием¹ и с подзаголовком «Наброски из воспоминаний ссыльного», в центр повествования выдвигают определенный тип героя, не связанный с жизненной судьбой И.А. Куцевского. Однако знакомство с содержанием очерка, в котором подробно, часто с иронией и самоиронией, описываются быт, привычки, суеверия сибиряков, для воссоздания их самобытности писатель прибегает к явной гиперболизации: «Ну, что у вас в России! есть этикие пельмени? А кто из российских

¹ По уставу 1822 года о наказаниях ссылка на поселение делилась на две степени: в отдаленнейшие места (Иркутская, Енисейская, Томская, Тобольская губернии) и места не столь отдаленные (Олонекская, Пермская, Оренбургская). В 60-70-х годах статьи устава о ссыльных были широко известны в обществе и слова «места не столь отдаленные» употреблялись как синонимы ссылки. См. об этом: Примечания // Русские очерки. Т. II. М., 1956. С. 777.

съест по сто штук? А я и четыреста съедаю!..», – убеждает в том, что пишет человек, глубоко и всесторонне знавший Сибирь. Обращаясь к теме золота, автор глубоко и всесторонне не воплощает эту тему, хотя «золотая лихорадка» определяет жизнь российской глубинки, отражается на всех сферах ее жизни. Мошенничество и авантюризм становятся образом жизни сибиряков. Комично и в то же время сатирически и одновременно трагически рисуется сцена обмана мужиков-ямщиков детьми богатых барнаульских чиновников и горных инженеров, обучающихся в томской гимназии и заставляющих бесплатно везти их до Барнаула. Чиновники, приехавшие в глубокую провинцию, большей частью для наживы, по мнению писателя, уверены в том, что «Сибирь – первобытная страна с напуганным населением, перед которым всякие церемонии столь же излишни, как с новозеландскими дикарями».

Важный для нас аргумент в пользу И.А. Кушевского высказан известным исследователем региональной литературы Алтая Т.Г. Черняевой. Она подчеркивает, что этот вопрос нуждается в «тщательном и всестороннем изучении. Укажем только, что не в пользу Л.П. Блюммера как автора очерка свидетельствует то обстоятельство, что он *никогда* не был сотрудником журнала «Отечественные записки», в котором впервые были опубликованы «Не столь отдаленные места Сибири» [Черняева, 1996, с. 90]. И это не внешний факт: журнал «Отечественные записки» в 1870-е годы, становившийся выразителем революционно-демократических идей, во многом чужд стороннику либеральных взглядов Л.П. Блюммеру.

Н.М. Ядринцев в очерке «И.А. Кушевский», написанном на смерть писателя, в его таланте и судьбе увидел отражение малой родины: «Он напоминает своим происхождением, что в отдаленной Сибири таятся в массе народа недюжинные силы, которые ждут только образования» [Ядринцев, 1980, с. 57].

Большое значение для культурного расцвета Сибири, для организации литературного процесса в сибирском регионе имели жизнь и деятельность областников, прежде всего, Г.Н. Потанина (1835–1920) и Н.М. Ядринцева (1842–1894). Они были по преимуществу учеными, географами, этнографами, археологами. Одновременно они обладали литературным даром.

Встреча с Алтаем у Г.Н. Потанина происходит в юности: после окончания кадетского корпуса Г.Н. Потанин служит в предгорьях Алтая, командует сотней в станицах Антоньевской и Чарышской. Позднее Г.Н. Потанин отметит то неизгладимое впечатление, кото-

рое произвел на него Алтай: «Алтай привел меня в восхищение» [Потанин, 1983, с. 70]. На основании увиденного, подмеченного, исследованного Г.Н. Потанин пишет этнографический очерк «Полгода в Алтае», свидетельствующий не только о наблюдательности будущего ученого, но о несомненном литературном даре. В очерке много сведений о жизни и быте алтайских жителей, как инородцев, так и русских переселенцев, наблюдений над своеобразием флоры и фауны, воссоздание алтайских легенд и поверий. М.В. Шиловский подчеркивает первенство Г.Н. Потанина в изучении многих сторон алтайской действительности: «Одним из первых отечественных этнографов Григорий Николаевич составил довольно подробное описание быта и занятий алтайцев, констатировал процесс социальной дифференциации в русских селениях, разрушивший патриархальную замкнутость крестьянского мира. Он отметил и такую характерную особенность, как бережное отношение к природе и растительному миру, и прежде всего к кедру» [Шиловский, 2004, с. 27–28].

Художественное творчество Н.М. Ядринцева достаточно разнообразно: его наследие представлено не только публицистикой, но и рассказами, повестями, стихами. Н.М. Ядринцев, безусловно, обладал сатирическим талантом, обрушиваясь во многих своих произведениях на сибирское чиновничество и нарождающуюся в Сибири буржуазию. Н.Н. Яновский, исследуя своеобразие прозы Н.М. Ядринцева, пишет о ее социально-философском звучании, о глубине и широте общественных проблем, поставленных областником: «Ядринцев отдал всю свою жизнь изучению и просвещению Сибири, описал ад не одного Сахалина, вскрыл язвы общественного устройства, порождающего каторгу, ссылку, массовое бродяжничество, осудил существующую систему наказаний, лишенную и тени гуманности, гневно возвысил голос в защиту нещадно истребляемых народов Сибири, в том числе и русских крестьян-переселенцев и русских рабочих...» [Яновский, 1980, с. 30]. Художественно-этнографические очерки, посвященные Алтаю, отличает точность и глубина наблюдений, лиричность, подчас в них появляется и обличительный пафос.

Н.И. Наумов (1838–1901) биографически почти не связан с Алтаем. По мнению исследователей, Алтай возникает в творчестве писателя как важная для писателя-демократа тема: «Изображает в своих произведениях Наумов также жизнь инородцев. В этой теме писателя увлекла не внешняя живописность быта, не этнографиче-

ские детали. Он показывает, как на фоне ослепительной красоты алтайских гор царские чиновники, купцы и кулаки жестоко эксплуатируют их, обрекая на постепенное вымирание, как формируется в их среде кулак...» [Иванова, 1990, с. 66]. Обращение писателя к алтайскому материалу обусловлено общими для Сибири социокультурными процессами. К сибирским темам Н.И. Наумов обращается как к общенациональным, исследуя на сибирском материале процессы капитализации России.

А.А. Черкасов (1834–1895) – писатель, чье творчество отразило особенности тех сибирских регионов (Восточная и Западная Сибирь), где А.А. Черкасов жил и работал. На Алтае оказался по служебной надобности: переведен на Алтай из Восточной Сибири, занимал должности заведующего Салаирским рудником, управляющего Сузунского медеплавильного завода. В 1883 году вышел в отставку и поселился в г. Барнауле. Занял должность городского головы. Продолжил занятия литературой. Впечатления от Алтая легли в основу его произведения «На Алтае (из записок сибирского охотника)». При жизни автора записки вышли в журнале «Природа и охота» за 1893 год.

Два «портретных» очерка – «Федот» и «А. Брэм» – непосредственно примыкают к прозаическому циклу «На Алтае (из записок охотника)», хотя отличаются и некоторой художественной самостоятельностью. Этот «миницикл» имеет подзаголовок «Из воспоминаний прошлого», объединен он единым местом – Барнаулом – и общим для двух текстов героем-рассказчиком, отмеченным явными чертами автобиографизма. В первом очерке дан портрет человека из народа Федота Тузовского, страстного охотника, прекрасно знающего свой край и свое ремесло, выступающего в роли проводника для господ-охотников. Образ Федота нарисован с большой симпатией автора: безграмотный человек хорошо разбирается в психологии людей, помнит всех охотников, с которыми когда-то встречался, отзывчив на добро. Часто чувствуется его моральное и духовное превосходство в сравнении с господами. Федот не в меру обидчив, не сносит насмешки, как может, защищает свое человеческое достоинство.

В очерке «А. Брэм» дан психологический портрет известного немецкого ученого-натуралиста, посетившего Барнаул. И в этом очерке центральным эпизодом станет дупелиная охота. Обращение к теме «человек и природа» позволяет А.А. Черкасову показать Альфреда Брэма в разных, подчас комических, подчас сложных,

ситуациях. Немецкий путешественник предстает наблюдательным, добродушным, простым, открытым, остроумным человеком. В этом очерке чувствуется авторское воодушевление от встречи с необычным человеком: от внешних описаний и психологических деталей А.А. Черкасов переходит к обобщениям, заключая: «Да, трудно забыть те дни, которые пришлось провести в сообществе с этим милейшим человеком. Брэм сразу приковывал к себе всякого как своими познаниями, бывалостью в мире и на житейском поприще, так и своей неподдельной любезностью и дружеской простотой в обращении. Невольно, глядя на него, составлялось понятия, что вот человек, который может быть образцом для современного человечества; поэтому незаметно вкрадывалась точно какая-то зависть и несбыточное желание быть ему подобным» [Черкасов, 1887]. Важным «фоном» в портретных очерках А.А. Черкасова выступает Барнаул конца XIX века, быт, нравы, занятия его обитателей.

В связи с географическим положением Алтая, особенностями его флоры и фауны, экономикой и спецификой устройства социально-общественной жизни переселенцев и коренного населения, этот регион уже в XIX веке привлекал к себе пристальное внимание ученых и писателей. Начальный период художественного освоения пространства Алтая часто оказывается связан с именами несибиряков (путешественников, ссыльных, тех, кто приезжал по служебной надобности): было мало собственно сибирской интеллигенции и городского населения. Однако даже единичные примеры трагической судьбы писателей-сибиряков, мечтавших о культурном расцвете своей малой родины, впечатляют.

Русская литература Алтая в XIX веке, создаваясь из «ручьев», к концу века становится полноводной «рекой», деятельность областников во многом способствовала росту духовного и культурного самосознания в Сибири. Разрозненная писательская интеллигенция обнаруживает устойчивые связи. При всех имеющихся разногласиях по вопросу дальнейшего развития Сибири, в области культуры руководствуется программными статьями Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, участвует во вновь созданных печатных органах и изданиях. В XIX веке закладывалась дальнейшая традиция художественного воплощения Алтая как самобытного российского региона.

Образ Алтая изначально многопланов и противоречив. С одной стороны, с опорой на языческие и христианские мифы, космогонические и эсхатологические, писатели рисуют величавый Алтай, ко-

лыбель цивилизации, «страну обетованную», загадочное Беловодье, которое ищут многие столетия «рассейские» странники и старообрядцы. С другой, регион, далекий и неизвестный читателям Центральной России, изучается с точки зрения реальной географии, с научной достоверностью и этнографическими подробностями. Важной тенденцией воссоздания образа Алтая становится его сатирическое изображение. Колониальная политика по отношению к Сибири приводит к разграблению ее природных богатств, к беззакониям и преступлениям. Писатели, рисуящие Алтай, свидетельствовали: хлебосольная Сибирь всегда рада гостям, но не «господам ташкентцам», приехавшим ради скорой наживы, и не авантюристам всех мастей. В русской литературе Алтай XIX века ведущими тенденциями оказались не романтика «странствий», не познание «земли неизвестной», а гуманистический пафос, боль за униженного человека, будь он алтайцем или российским переселенцем, одинаково беззащитным перед силами первозданной природы и дикого произвола властей.

Литература

- Видуэцкая И.П. Кушевский, Иван Афанасьевич // Русские писатели. Библиографический словарь. М., 1989. Т. 1.
- Голубев П.А. Краткий очерк деятельности С.И. Гуляева // Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
- Иванова М.Ф. Наумов Николай Иванович // Русские писатели. Библиографический словарь. В 2 тт. Т. 2. М., 1990.
- Ковалевский Е.П. Сибирь. Думы. СПб., 1832.
- Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.
- Раппопорт Г. И.А. Кушевский // И.А. Кушевский. Избранное. Барнаул, 1957.
- Родионов А. Егор Ковалевский. Сибирь. Думы // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Книга XIII. Барнаул. Тобольск, 2010.
- Соболева Т.Н. Горно-металлургическая промышленность Алтая во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // История Алтая. С древнейших времен до 1917 г. Барнаул, 1995. Ч. I.
- Троицкий Ю.Л. Подвижник сибирской науки // Былины и песни Алтая. Барнаул, 1988.
- Тобольск и вся Сибирь. Альманах. Книга XIII. Барнаул. Тобольск, 2010.
- Черкасов А.А. Из воспоминаний прошлого. Федот. А. Брэм. // Природа и охота. М., 1887.
- Черняева Т.Г. Примечания // Хрестоматия по литературе Алтая. В 2 ч. Барнаул, 1996.
- Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004.

Ядринцев Н.М. И.А. Кушевский // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

Яновский Н.Н. Проза Н.М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5.

РЕЧЕВАЯ СФЕРА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА

Н.А. Гузь

Ключевые слова: И.А. Гончаров, персонаж, диалог.

Keywords: I.A. Goncharov, character, dialogue.

Речевая сфера персонажей занимает более двух третей текста в «Обыкновенной истории» и приблизительно половину – в «Обломове» и в «Обрыве», и ее идейно-композиционную функцию переоценить трудно.

Преобладающей формой организации внешней речевой сферы персонажей является в романах Гончарова диалог. Немногочисленные монологи в композиционном плане являются элементами диалогов. Поэтому далее речь будет идти о диалоге с элементами монологической внешней и внутренней речи персонажей.

Насыщенность диалогическими фрагментами трилогии И.А. Гончарова очень высока, но далеко не равномерна: тенденция к «разреженности» прослеживаются от первого романа к третьему. Так как диалог может осмысливаться в нескольких аспектах, его типология многомерна. В содержательном плане в романах писателя преобладает диалог-диссонанс, что объясняется, на наш взгляд, гончаровской бинарной концепцией человека и мира и продуцированным ею рядом оппозиций, проявляющихся в романских конфликтах. «Движительная» роль этого типа диалога обусловила специфику именованного конфликта в «Обыкновенной истории» (диалогический). В двух других романах в диалогах «несогласия» (Обломов – Пенкин, Обломов – Штольц, частично Обломов – Ольга, Райский – Аянов, Райский – Татьяна Марковна и т.д.) раскрываются сущностные черты героев. Диалог-унисон не характерен для гончаровской трилогии потому, что в основе конфликта каждого из романов лежит столкновение динамического и статического начал, персонифи-

цированных в образах-характерах. Это порождает различного рода барьеры, сопровождающие диалогический процесс. По адресованности, или направленности, диалог может быть обращенным или уединенным, именно последний типичен для первого и второго романов и преобладает в третьем.

Самая высокая плотность диалогов – в первом романе Гончарова (9,7 на один усл. печ. лист (во втором и в третьем – соответственно 6,2 и 5,4), что само по себе является амбивалентным свойством этого произведения: с одной стороны, кристаллизация романного жанра еще не произошла, и процесс становления включал в себя ту или иную степень связи с жанрами, освоенными предшествующей эпохой (в данном случае с драматургией), с другой – обилие диалогов выявляло авторскую установку на демонстрационный тип речи, то есть на объективное повествование, приближающееся к формам самой жизни. Диалоги «Обыкновенной истории» неравновесны с точки зрения объема актов высказывания сторон: Александр говорит намного меньше, чем Петр Иванович (вот примеры соотношений: в первом диалоге – 17:58, во втором – 49:135, в третьем – 49:260 и т.д.). Причины тому разные, преимущественно психологические, – робость и неуверенность героя, расплывчатость устремлений, стиль мышления и т.д. Очень часто, а в первой части романа почти постоянно, Петр Иванович перебивает его, что фиксируется многоточием. Но всякий раз многоточие фиксирует новый оттенок душевного состояния Александра, то есть за отточием в диалоге стоит целый комплекс мыслей и чувств героя, свойств характера, его позиции в текущей беседе. Этот прием усложняет диалогизм фрагмента и стимулирует читательское восприятие: необходимость представить, додумать, догадаться, что же замещает собой многоточие. Таким образом, создаются диалогические отношения «автор-читатель», характеризующиеся имплицитностью, дискретностью, условностью и вероятностью разброса откликов-представлений реципиента. Пассивной стороной выступает Александр в беседах с Юлией, в последние дни их свиданий: его уже тяготит это общение (диалоги же начального и вершинного периодов их знакомства опущены). Молчалив с Костиковым (разочарованность в жизни), не хочет говорить с Лизой (сложный комплекс боязни ошибиться и желания заинтриговать). То есть коммуникативные барьеры в неравновесных диалогах выстраиваются по разным причинам, преимущественно контрсуггестивным (в случае с Костиковым прибавляются и тезаурусные). В дальнейшем Александр становится много-

словнее, раскрывает свою точку зрения полнее, даже отстаивает свои взгляды, но до полного паритета все далеко. Для диалогов племянника и дяди характерно то, что по ходу действия высказывания Александра постоянно меняют эмоциональное и психологическое содержание, лексико-фразеологический состав, они богато интонированы, экспрессивны. По сути, каждый диалог манифестирует веку или этап в жизни героя. С другой стороны, высказывания Адуева-старшего выдержаны в поучительной, сентенционной манере они безапелляционны, безэмоциональны, рассудочны. Налицо стилистический контраст: романтическая лексика, книжная риторика, обилие литературных цитат, повышенная эмоциональность, обширные, не всегда законченные синтаксические конструкции, с одной стороны, и нейтральная, с вкраплениями разговорной, лексика, четкие логически выверенные конструкции – с другой. Единственное исключение – это дядино выражение «да и того», значение которого каждый раз ситуативно. Конечно, есть исключения, например, когда Петр Иванович, испугавшись меланхолии племянника, заговорил с ним «диким» языком, но тотчас был уличен в неискренности и оставил эти опыты. Ведущее, активное начало в диалогах принадлежит дяде. И только в эпилоге исчезают его самоуверенные интонации, всезнайство, самодовольство: в беседе с женой он выпрашивает, упрасивает, признает свое бессилие, когда же в разговор включается Александр, диалогическая позиция Петра Ивановича раздваивается: по инерции многолетнего мышления он одобряет метаморфозу, происшедшую с племянником, но в контексте почти осознанного краха своей семейной «методы» не дает Александру развить его же, «дядюшкины», доводы. Александр Адуев и Петр Иванович Адуев в диалогической проекции персонифицируют собой массу противоположных начал – философских, психологических, стилевых, бытовых и других. Конечно, Гончаров не абсолютизирует их, более того более того, в романе очень мощно звучит идея возрастной приверженности тем или иным началам (юность – безрассудство, зрелость – опыт и разум). Другими словами, дядя и племянник персонифицируют, с одной стороны, ряд оппозиций (патриархальные и буржуазные отношения, жизнь естественная и регламентированная строгими условностями, романтизм и реализм на бытовом и поведенческом уровне, в широком смысле Восток и Запад), с другой стороны, каждый из них олицетворяет определенный возраст с закрепленными за ним характерными чертами. Не случайно фамилия у них одна. И проблема истины возникает уже в

связи с авторской позицией: сталкивая мнения, автор делает неизбежным вопрос: кто же прав? Ни диалоги, ни события романа не дают на него ответа. Если поначалу Александр явно пасует перед Петром Ивановичем, то во второй части дядины резоны кажутся не столь убедительными, а Александр перестает быть смешным. Финальный же диалог не только не расставляет точки, но и подготавливает почву для нового поворота событий. Следует отметить черту диалогового поведения Петра Ивановича: он любой ценой избегает обострений, конфликтов. В диалогах Александра и Петра Ивановича осмысляются с противоположных позиций важнейшие концепты и атрибуты жизни: любовь, дружба, искусство, творчество, долг, служба, польза, деньги и т.д. Это те ключевые слова, повтор и обыгрывание которых образует лейтмотив повествования и составляет специфику организации диалогической речи в романе. Есть у диалогов «Обыкновенной истории» и другая особенность: слово одного собеседника (не обязательно ключевое) подхватывается (повторяется) другим и произносится в противоположном контексте, следовательно, это слово является элементом, формально связывающим две реплики, а по содержанию их разъединяющим. Чаще всего дядя иронически повторяет те стихотворные строки или высказывания, которые Александр произносит с пафосом и воодушевлением. Диалоги, в которых участвуют другие герои, менее значимы в реализации конфликта.

Поскольку в романе больше всех говорят Александр и Петр Иванович, то в жанровом плане преобладают риторические диалоги; по одному представлены этикетный, фатический, логомахия. Зачастую чистота жанра диалога размывается различными установками говорящих, и тогда диалог трудно идентифицировать. Например, в разговор о сыне (по его возвращении в Грачи) Анна Павловна вкладывает любовь и тревогу, смысл каждого слова ею выстрадан, тогда как для Антона Иваныча беседа носит явно этикетный характер. Высказывания всех героев романа (за исключением Антона Иваныча) соответствуют внутренним мотивам. Большая часть диалогических высказываний дана в форме свободных, а не связанных реплик. Превалирование конструкций без вводящего компонента создает имитацию непосредственной живой речи, которая еще больше усиливается высокой редуцированностью диалогов. Конструкции с прямой речью, как правило, интонируют высказывание. Циклы в диалогических фрагментах могут разделяться кратким авторским описанием - констатацией в двух-трех словах движения, жеста или

мимики, сопровождающих речь героя. И интонирование, и пластические детали распределены в тексте неравномерно: наиболее высокая их плотность в диалогах Аграфены и Евсея, особенно в первом. Очевидно, это связано с лексическим запасом слов персонажа, и в указанном случае слова автора носят уточняющий и дополняющий характер. Интонации, выраженной в словах автора, практически лишена речь Антона Иваныча, потому что он внутренне глубоко равнодушен ко всему, кроме еды. Редко сопровождаются интонацией слова Петра Ивановича: так Гончаров подчеркивает его невозмутимость, умение владеть собой. Зато у Александра, особенно в первой части романа, мы находим обширный спектр интонаций, призванных подчеркнуть эмоциональность и впечатлительность его натуры, причем интонированные фрагменты расположены обычно в первой части диалога, после чего следует обмен свободными репликами. То же можно сказать и о пластических деталях: движение, неожиданная смена позы, произвольный жест характерны для Александра, и функция их та же – усилить черты импульсивности, непосредственности. Собственно, жесты, движения, мимика (как реакция на высказывание) носят диалоговый характер и укрупняют или удваивают диалогический акт. Петр Иванович сдержан и в жестах, но изредка автор подчеркивает его спокойствие, самообладание и целеустремленность именно пластическими деталями: во время разговоров с Александром он продолжает делать то, за чем застал его племянник: пишет бумаги или спокойно ужинает, когда племянник драматически излагает свою ситуацию. Мимика Петра Ивановича, как и следовало ожидать, небогата, но настойчиво подчеркивается автором: когда дядя слышит от племянника очередную, с его точки зрения, несуразность, он поднимает брови или морщится, а при неожиданном повороте в разговоре «наостряет уши», – эта реакция становится лейтмотивной. Все меняется в конце романа. Высказывания Петра Ивановича принадлежат одиннадцать из шестнадцати интонированных конструкций и пять из девяти сопровождающих фрагментов с пластическими деталями, то есть большая часть. Александр, напротив, теперь более сдержан и в интонациях, и в жестах. Так отразилась в структуре диалогов содержательная метаморфоза характеров героев.

Диалоги гармонично сопрягаются с авторской речью. В-первых, они литературно обработаны. В-вторых, они предваряют описание или развивают его, то есть выполняют функцию усиления авторской мысли. При этом взаимодействие авторской и прямой

речи в «Обыкновенной истории» характеризуется акцентуализацией диалогических, а не описательных фрагментов. Внутреннюю речь Александра (а она характерна преимущественно для него) можно условно разделить на две формы: конструкции с прямой речью с вводящим компонентом или без него, но взятую в кавычки, и авторскую передачу внутренней речи героя.

Для «Обыкновенной истории» типично чередование в одном композиционном фрагменте конструкций с прямой речью и с замещенной прямой речью и их вместе взятых – с описательными фрагментами, передающими внутреннее состояние героя. Таким образом создается своеобразная триада речевых форм в одном композиционном фрагменте: внутренняя речь героя, переданная дословно по типу прямой, внутренняя речь героя в авторской передаче (замещенная) и авторская речь, описывающая внутреннее состояние героя. Самым сложным образованием из перечисленного является вторая группа. Следует также отметить насыщенность внутреннего диалога в романе Гончарова риторическими вопросами.

Внутренняя речь героя в «Обыкновенной истории» не только диалогична, но и монологична, при этом четкой границы между ними нет. Она может быть оформлена и как прямая, и как замещенная прямая речь. Поэтому мы классифицируем высказывания небольшого объема, близкие к реплицированию, не более 10–12 строк, как диалогические, а свыше – как монологические. В содержательном плане внутренняя речь Александра – всегда мысленное продолжение разговора с дядей или попытка анализа своего положения. Если условно изъять ее из текста и представить в виде огромного речевого потока, то станет заметным постепенное уменьшение вопросительных и восклицательных конструкций. Косвенная речь в «Обыкновенной истории» встречается редко.

Сохранив ряд принципиально важных связей с «Обыкновенной историей», «Обломов» манифестирует и новые, не менее принципиально важные жанровые признаки. В рамках рассматриваемой темы отметим изменение структуры повествования: усиление эпического начала значительно расширило объем повествовательных и, соответственно, сузило объем диалогических фрагментов текста, усилилась роль статического начала. Трансформировалась, в сравнении с первым романом, и структура диалога: уменьшилась редуцированность, число свободных реплик сократилось более чем вдвое, а связанные реплики стали намного объемнее, иногда они даже перерастают в монолог (например, исповедь Обломова). Изменилось со-

держание связанных реплик. Если в «Обыкновенной истории» слова автора, вводящие в текст прямую речь героя, чаще указывали на интонацию, то в «Обломове» они преимущественно характеризуют пластику говорящего (жест, мимика, поза, движение). Чаще, чем в первом романе, диалог прерывается авторскими замечаниями, описаниями, предложениями, внутренней речью героя. Это вносит коррективы в пространственно-временные отношения диалога: изменяется его темпоральная характеристика (время уже не приближается к реальному, а замедляется). В результате как бы размывается линия диалога и повышается его дискретность. Кроме того, увеличение авторских вводящих и сопровождающих компонентов выстраивает авторскую над- или за- диалоговую линию, выполняющую фоновую, корректирующую, объективирующую, уточняющую и т.д. функции. Более медленный темп диалогов снижает напряженность. Даже самые острые моменты «разряжаются» вводящими или вставными компонентами. Правда, здесь играет свою роль и то, что в «Обыкновенной истории» противостояние сторон (Адуев-младший и Адуев-старший) было абсолютным (возраст, опыт, среда, стиль жизни, мировоззрение), а в «Обломове» оно относительно: Илью Ильича связывают почти со всеми героями те или иные узы, делающие невозможным ни крайности в отношении, ни обострения оных. В диалогах второго романа нет превосходства одного героя над другим, нет той едкой иронии собеседника, которая выставляла Александра Адуева в смешном свете и демонстрировала железную логику Петра Ивановича, – ирония в «Обломове» смягчена лиризмом. В основе отношений Ильи Ильича с другими (за исключением Тарантьева и Мухоморова) лежат положительные начала (симпатия, уважение, привязанность, дружба, любовь), что, конечно, сказывается на содержании диалогов. Диалоги в «Обломове» отличаются жанровым разнообразием (этикетные, фатические, диалоги-перебранки, исповеди). Конечно, жанровая типология условна, и о полном ей соответствии не может быть и речи, но, помимо того, многие диалоги трудно отнести к какой-нибудь группе вообще. Есть в «Обломове» и имплицитные диалоги: как в «Обыкновенной истории» опущен ночной разговор Александра с Лизаветой Александровной, так сделаны значительные купюры в разговоре Ольги и Штольца (в Швейцарии), – акцент автор ставит на результате: Александр уходит успокоенный, Ольга избавляется от мучительных переживаний.

Диалогам второго романа свойственна большая, в сравнении с первым, литературная обработанность. Если в диалогах «Обыкновенной истории» ключевые слова образуют лейтмотив повествования, постоянно обыгрываются, то в «Обломове» картина иная. По большому счету диалоги «Обыкновенной истории» продуцируются одной содержательной основой – противостоянием романтика и прагматика в их отношении к любви, браку, службе, творчестве, деньгам и т.д., и это единство темы подчеркивает постоянство речевых образов, делая их ключевыми. В «Обломове» же содержательная разнонаправленность диалогов и несравненно большее количество партнеров делают невозможным выстраивание такой лейтмотивной линии. Но ключевые слова есть, только природа их функционирования иная. Они носят комплексный, обобщающий и символический характер, связаны с сущностными характеристиками героя. Слово «обломовщина». Штольц подобрал для определения сути и стиля жизни своего друга, и прошлой, и настоящей, и той, о которой тот мечтал. Обломов интуитивно почувствовал точность и меткость определения, слово вошло в его подсознание. А далее смысл этого слова проецируется на прошлое, настоящее и будущее героя: прошлое освещает, настоящее объясняет, будущему выносит приговор (аллюзия на сюжет о Бальтазаре). То есть на протяжении романа это ключевое слово функционирует имплицитно, реализуя те или иные грани своего смысла, непосредственно появляясь только в самом финале, снова в речи Штольца, приобретая уже трагический пафос. Слово «другой», возникшее также в диалоге, провоцирует Илью Ильича на рефлексию своих возможностей, своей роли в жизни. В романтической традиции (и в литературе, и в жизни) сопоставление с «другими» было не в пользу последних: они олицетворяли толпу, отсутствие индивидуальности, безликость, заурядность. Употребленное в единственном числе, слово осмысливалось в вышеназванном контексте, если относилось к неизвестному лицу, или символизировало избранничество, если речь шла о герое. Отголосок этих представлений гипертрофирован в монологе Обломова, в его чувстве своего превосходства над другими: именно это он с пафосом втолковывает Захару. Но интуитивно, внутренне, он чувствует, что «другой» превосходит его. Такой поворот в отношении к «другому» делает честь Обломову и проясняет авторское отношение к проблеме. Ключевым является и музыкальный образ, но он актуализируется в диалогах героя на короткий период его любви к Ольге. Саз^а 01ya символизирует, и «художественность» мировидения, и

сострадание к человеку, и вполне осознаваемую печаль своей роковой обреченности на угасание (акцент герой ставит на «выплакивании» Нормой своей трагической любви). В отличие от «Обыкновенной истории», некоторые ключевые слова полностью или частично функционируют за рамками диалогов («сон», «халат», «лежание» и др.).

Внутренняя речь чаще, чем в первом романе замещает или сопровождает внешнюю. В «Обломове» внутренняя речь функционирует в трех аспектах: является продолжением (углублением, развитием основной мысли) внешней речи; эксплицирует невысказанные подлинные мысли или чувства героя, создавая тем самым второй план диалога; иллюстрирует авторскую характеристику героя. Иногда (редко) диалог может быть видимой частью того айсберга, которым является по отношению к нему внутренняя речь. Хотя конфликт «Обломова» не является диалогическим, все же часть его – в самом общем смысле, как конфликт статического и динамического начал, – отражается и реализуется в диалогах.

«Обрыв» – наименее «диалогический» (в плане внешней речи) роман Гончарова: диалоги занимают чуть-чуть больше половины текста. Почти равномерно распределены связанные и свободные реплики (последних немного больше). Редуцированность в целом очень низкая. В «Обрыве», как и в предыдущих романах, превалируют диалоги-диссонансы, но диалоги-унисоны играют более значимую роль, нежели в предшествующих произведениях. К тому же в «Обрыве» много диалогов, в которых несогласие героев, их спор являются формальными, не затрагивающими их сущностных основ и даже скрывающими подлинные чувства (перебранка матери и сына Викентьевых, объяснение Марфеньки и Викентьева, отдельные споры Райского с бабушкой). Помимо этого, разногласия сторон могут быть вызваны пустяковыми причинами (например, отлучка Райского из дома в первый день приезда), что переводит их в комический план. Таким образом, в целом (за исключением линии Вера – Волохов) конфликтное начало в диалогах «Обрыва» выражено слабее, чем в двух предыдущих романах. Это связано, на наш взгляд, с изменением авторской позиции: при сохранении бинарного мировосприятия ослабевает или исчезает противопоставление оппозиций. Если в первом и втором романах активное начало стремилось воздействовать на пассивное, то в «Обрыве» вес сложнее. Тушин особняком делает свое «дело», живет в уединении и никого не пытается подвинуть на подобное. Райский, мечтавший внести «све-

жую струю» в идиллическую, как ему казалось, жизнь Малиновки, убедился в том, что «образовывать» здесь некого: в лице бабушки и Веры он встречает более сильные и волевые, чем у него самого, характеры. Нечто подобное происходит и с Марком. То есть акцент Гончаров ставит не на конфликте или непримиримости противоположных начал, а на их сближении на неких более важных, чем манифестированная противоположность, основаниях. Диалектика мышления писателя состоит в том, что в динамике он обнаруживает некоторую слабость, в статике – определенную силу, то есть, утверждает, таким образом, относительность крайностей. В широком смысле, можно сказать, герои «Обрыва» сближены теми основами жизни, которые писатель называл «вечными». В диалогах романа меньше психологической напряженности и больше согласия потому, что вечные ценности – душевное благородство, любовь, милосердие, труд – признаны приоритетными над новыми веяниями, не проверенными временем и лишены любви к человеку. Герои, реализующие те или иные оппозиционные начала, в романе находятся не в состоянии конфронтации, а во взаимодействии. Поэтому в конце концов Райский Вера и Татьяна Марковна вполне поняли друг друга и стали еще ближе, и Бабушка, хранящая заветы старого и одновременно вдумывающаяся в новое, видится Райскому из Италии символом России.

В связанных репликах чаще встречаются пластические детали во вводящем компоненте, чем интонирование. Эта же тенденция была характерна и для «Обломова», но в «Обрыве» она усилена, очевидно, «художническим» взглядом Райского, глазами которого мы видим большинство эпизодов. Как и в предыдущих романах, в диалогах «Обрыва» может обыгрываться слово, являющееся ключевым или характерологическим понятием (например, судьба, дело, мираж). Сюжетная разветвленность «Обрыва» сказалась не только на жанровом, но и на композиционном и проблемном уровнях. В романе много диалогов с тремя и более партнерами. Несмотря на один сквозной характер, нет одной сквозной проблемы: Райский впитывает в себя вес впечатления окружающей его действительности, сфера его художнических интересов – сама жизнь. Отсюда – политематичность диалогов романа.

На диалогах «Обрыва» лежит меньшая идейная нагрузка, в сопоставлении с ролью диалогов в «Обыкновенной истории» и «Обломове». И причина не только в количественно возросшем объеме описательно-информационного повествования, но прежде всего в

том, что увеличилось число фатических, празднословных разговоров. Многие диалоги не имеют сквозной проблемы обсуждения или проблема в них вообще отсутствует как таковая. Например, в разговоре Райского с бабушкой и Марфенькой речь идет о равнодушии Бориса Павловича к нему и к бабушкиным хлопотам о нем, о том, как должны выходить замуж девушки, о судьбе Савелия и т.д. Помимо многотемья, снижена идейная роль диалогов в художественной ткани романа и незначительностью содержания многих из них. Так, бабушка многословно журит внука за опоздание к обеду, он оправдывается. За него вступается Тит Никоньч и т.п. Сказанное не относится, однако, к диалогам Райского и Веры, Райского и Марка, Веры и Марка, в которых меньше связанных и больше свободных реплик и соответственно выше темп. Их диалоги отличаются яркой психологической экспрессивностью и напряженностью. Картина также меняется в последней части романа, когда идейно – композиционным центром становится образ Веры: нет более общих неспешных бесед «ни о чем», появилась цементирующая весь диалог проблема, исчезли бытовые мелочи как предмет разговора, сократился объем, – и все они не становятся идейным центром повествования, потому что он перенесен во внутренний мир героев, настолько сложный и напряженный, что только слово повествователя оказывается способным раскрыть его глубину и противоречивость. В последней части романа исчезают и диалогические барьеры, имевшие место ранее.

В пространственно-временном отношении диалоги «Обрыва» характеризуются разнообразием. Если сравнивать с предыдущими романами, то главное, конечно, не в количественном превосходстве, оно, кстати, не так уж и велико. Разница в том, что пространственная прикрепленность диалогов в «Обрыве» постоянно акцентируется, сопровождается описанием места, где происходит разговор (в «Обломове», правда, тоже подробно описывается комната Ильи Ильича, но это скорее исключение, чем правило). Что же касается временных характеристик, то третий роман занимает срединное положение между первым и вторым: максимально время диалогов приближено к реальному в «Обыкновенной истории» (высокая редуцированность, большое количество свободных реплик, меньше «перебивов» внутренней речью), максимально удалено от реального диалогическое время в «Обломове» (преобладают реплики с вводными компонентами, низкая редуцированность, частые вставки фрагментов внутренней речи, сентенций, комментариев и т.д.).

Таким образом, диалог является важнейшим жанрообразующим и структурообразующим средством в романах И.А. Гончарова и в той или иной степени связан с основными уровнями текста. Эволюция диалога отражает эволюцию жанра, сюжета, конфликта в творчестве писателя.

Литература

Гончаров И.А. Обыкновенная история // И.А. Гончаров. Собрание сочинений : в 8 тт. М., 1977. Т. 1.

Гончаров И.А. Обломов // И.А. Гончаров. Собрание сочинений : в 8 тт. М., 1979. Т. 4.

Гончаров И.А. Обрыв // И.А. Гончаров. Собрание сочинений : в 8 тт. М., 1980. Т. 5–6.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИФА О ФЛОРЕНТИЙСКОМ ПОЭТЕ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВЕКОВ

М.П. Гребнева

Ключевые слова: литературный язык, народный язык, античные реминисценции, любовная история.

Keywords: standard language, vernacular language, reminiscences to the antique, love story.

Начиная со второй половины XIX века, первообраз Флоренции, который сложился в русской литературе к 1840 году, постепенно перерастает в мирообраз. Образ Флоренции не просто становится урбанистическим интертекстом русской словесности, подобно другим аналогичным сверхтекстовым образованиям, но и приобретает все характерные черты локальной модели космоса за счет возникновения целого ряда персональных мифов о знаменитых флорентийцах. Особое место в этом ряду принадлежит прославленному поэту Данте Алигьери.

Персональный миф о Данте включает в себя составляющие художественного и историко-биографического плана. В художественной части учитываются проблемы языка, античных реминисценций, любовной истории Паоло и Франчески в «Божественной комедии».

О. Мандельштам в «Разговоре о Данте» писал о том, что его тво-

ренье *«есть прежде всего выход на мировую арену современной ему итальянской речи – как целого, как системы»* [Мандельштам, 1994, с. 219]. И сам поэт, и его речь, как полагал Мандельштам, порождены Флоренцией: *«Он пишет под диктовку, он переписчик, он переводчик <...> Он весь изогнулся в позе писца, испуганно косящего на иллюминированный подлинник, одолженный ему из библиотеки приора»* [Мандельштам, 1994, с. 253].

Сравнивая письмо и речь, автор статьи приходит к выводу, что они несоизмеримы: *«Буквы соответствуют интервалам. Старая итальянская грамматика, так же как и наша русская, все та же волнующая птичья стая, все та же пестрая тосканская “schiera”, то есть флорентийская толпа, меняющая законы, как перчатки, и забывающая к вечеру изданные сегодня утром для общего блага указы»* [Мандельштам, 1994, с. 255].

Законы письма вызывают у Мандельштама флорентийские ассоциации: *«Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв, тоска по корабельной корме, тоска по червячному корму, тоска по неизданному закону, тоска по Флоренции»* [Мандельштам, 1994, с. 255].

Автор «Разговора» подчеркнул близость разговорного итальянского языка к разговорному русскому языку. Утверждению итальянского языка на мировой арене способствовала деятельность Данте и его предшественников, утверждение русского языка было делом далекого будущего. Однако, уже в «Хождении на Флорентийский собор» (1437–1440), в котором появляется одно из первых упоминаний о Флоренции, возникают и первые языковые сложности. Н.А. Казакова и Е.В. Мавлеев пишут о трудностях, с которыми столкнулся автор памятника, воспроизводящий легенду о Понтии Пилате: *«так как вряд ли он владел немецким или латинским языком, а его собеседники, уроженцы Баварии, – русским. Беседа велась, очевидно, при помощи переводчика»* [Казакова, Мавлеев, 1976, с. 98].

Проблема перевода на русский язык стоит очень остро уже в XV веке. Камнем преткновения является незнание или недостаточное знание латинского языка русским автором. В качестве языка-посредника или одного из языков-посредников мог бы выступить латинский язык, язык письменный. Исследователи «Хождения» отмечают, что переводчиком *«мог быть либо новгородец, знавший в какой-то мере немецкий или латинский (собеседник с немецкой стороны мог говорить по-латыни), либо немец из Ливонии или Нижней Германии, бывавший в Новгороде и Пскове и знакомый поэтому с русским, либо кто-нибудь из сопровождавших митрополита Исидора греков, знавших в той или*

иной степени не только русский, но и латинский и, может быть, даже немецкий» [Казакова, Мавлеев, 1976, с. 98–99].

То, что было проблемой в XV веке в Италии, не утратило своей актуальности и в XIX столетии в России, поскольку латинский язык так соотносится с итальянским языком, как церковнославянский с русским. Не случайно уже Ф.И. Буслаев упоминал исследование *«о народном языке или народной речи (De vulgari eloquio)»*, в котором Данте восстанавливает права разговорного языка в литературе новых европейских народов, которые в средние века пробавлялись только латинской письменностью» [Буслаев, 2003, с. 254].

Данте настаивал на сближении литературного языка с народным языком. Языковая ситуация в Италии XIV–XV веков оказалась чрезвычайно похожей на ту, что сложилась в России в начале XIX века, когда возник спор между новаторами, предлагавшими ограничить роль книжного церковнославянского языка, и архаистами, отдававшими предпочтение именно церковнославянскому книжному языку. А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский внесли значительный вклад в дело реформирования русского литературного языка, в дело создания русской классической литературы.

Ф.И. Буслаев является одним из проводников итальянского языка в русскую среду. По возвращению из путешествия по Италии в 1840–1841 годах он возобновил уроки в семье Л.К. Боде, уроки со старшими дочерьми – Екатериной Львовной и Натальей Львовной. Процесс обучения итальянскому языку шел достаточно быстро в силу того, что язык «Божественной комедии» Данте неразрывно связан с языком предшественников ее автора: Манцони, Тассо и Петрарки.

Точно так же, как латинский язык предшествовал итальянскому, а церковнославянский язык – русскому, античная мифология предвосхитила мифологию дантовской «Божественной комедии» и персональный миф о ее авторе. К.Н. Батюшков одним из первых упомянул об античных реминисценциях в связи с Данте, автором «Божественной комедии»: Омир, Стикс, Тартар, Дедал, Олимп. По его словам, прославленный флорентиец – новый «Омир», «<...> священный орган таинств религии, герой мысли», который «<...> погрузил гений свой в воды Стикса, чтобы безвредно сойти на берег Тартара. И глубина души его неизмерима, как оные бездны, им столь живо описанные» [Батюшков, 1989, с. 311].

По мнению русского Анакреона, Данте выступает творцом новой мифологии, не античной мифологии, но генетически с ней связанной: «Он поет – и все на земле в поэзию обращается. Предметы, идеи, за-

коны, феномены составили по гласу его новый Олимп, богами населенный» [Батюшков, 1989, с. 311].

Источник мифотворчества – Флоренция, любимая и утраченная.

Связь Данте и его «Божественной комедии» с античной мифологией и античной литературой осознавали также А.А. Ахматова и Вяч. Иванов. Слова из «Божественной комедии» – «*Меньше, чем на драхму, осталось во мне крови, которая бы не трепетала: узнаю знаки древнего пламени!*» [Найман, 1989, с. 33]; «*Меньше, чем на драхму, осталось у меня крови, которая бы не содрогалась*» [Ахматова, 1990, с. 442] – были вынесены в эпиграф к стихотворению Ахматовой «Через много лет» (Последнее слово) (1962) и определили содержание стихотворения «Ты стихи мои требуешь прямо...» (1963) из цикла «Шиповник цветет»:

*Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.*

[Ахматова, 1990, с. 232].

По словам А. Наймана, «*цитату выдает рифма: gramma – fiat-та и прямо – грамма – но, выдав, стягивает в головокружительную воронку цитат, ибо последний стих дантовской терцины («Следы огня былого узнаю!» [Данте, 1994, с. 303]), обращенной к Вергилию, это слова вергилиевской Дидоны, («<...> я узнаю огня ощущение былого!» [Вергилий, 2000, с. 207]) точно переведенные Данте из «Энеиды» [Найман, 1989, с. 33].*

Данте предстает продолжателем дел Аполлона, Аполлон – защитником и проводником поэта в стихотворении Вяч. Иванова «Apollini», опубликованном в одноименном журнале в 1909 году Миф о Дафне и Аполлоне под пером Иванова превращается в миф о Данте и Флоренции. О литературном претворяющем начале свидетельствует, прежде всего, то, что собственное имя Дафна превращается в нарицательное во множественном числе – Дафны, лавровое дерево – в лес лавровый. Деревья становятся посредниками между поэтом и богом. Авторские размышления в произведении явно восходят не только к греческому мифу, но и к поэме прославленного флорентийца:

*Кто вещей Дафн в эфирный взял полон,
И в лавр одел, и отразил в кринице
Прозрачности бессмертной?.. Аполлон!*

[Сонет серебряного века, 1990, с. 134].

О рае Иванова, созданном по типу дантовского, свидетельствуют упоминания об эфирном полоне и о прозрачности бессмертной. Дафны, ставшие вещими, – это терцины дантовского «Рая». В первой песне «Рая» ее создатель обращался к покровителю поэтов за поддержкой, именно ему бог искусств вручал возлюбленное дерево:

*О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя.*

[Данте, 1994, с. 321].

С помощью божества Данте надеялся воспеть небесный мир:

*О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатленной мог...*

[Данте, 1994, с. 322].

Вещие Дафны связаны у Иванова не только с Раем, но с Адом. В этом контексте они превращаются в жемчужины бездны, в перлы бездн. Ад опозитивирован в стихотворении, возможно, даже больше, чем Рай. К атрибутам ада мы относим упоминания о хмеле волн, вероятно, волн Ахерона, о горьких лонах – прибежищах умерших людей, о перлах бездн – жемчужинах подземного мира, о жемчужнице-слезнице – месте, где грешники проливают слезы, о гробнице – месте псевдоуспокоения отступников:

*Под хмелем волн, в пурпуровой темнице,
В жемчужнице-слезнице горьких лон,
Как перлы бездн, родитесь вы – в гробнице.*

[Сонет серебряного века, 1990, с. 134].

Художественная часть персонального мифа о Данте неразрывно связана не только с проблемами языка и античных реминисценций, но и с историей Паоло и Франчески в «Божественной комедии». Вариант дантовской Франчески, возможно, представлен уже в повести Н.А. Некрасова «Певица» (1840). Ее героиня первоначально напоминает ангела и зовется им: «Ты ангел!» – шептал он (граф Виктор Торский. – М.Г.), глядясь в ее очи. Она была прекрасна, чудно-прекрасна!» [Некрасов, 1983, с. 73].

Под воздействием измены мужу она подвергается превращению, с ней происходит трагическая метаморфоза: «Незадолго до настоящего дня дебютировала в первый раз новая певица Франче-

ска, и слух о необыкновенном ее пении и красоте быстро разлетелся по городу» [Некрасов, 1983, с. 78].

В «Современных заметках» (1847) Некрасов пересказывает повесть Т. Ч. (А. Я. Марченко), состоящую из трех частей: «Леля», «Mr. Alexis», «Алексей Петрович». Во второй части произведения героиня и ее прежний возлюбленный оказываются в ролях Франчески и Паоло: «На другой день я читала книгу в беседке, когда пришел Алексис» [Некрасов, 1950, с. 564]; «Мы принялись за чтение; но Алексис не читал: поминутно взглядывал на меня из-за книги и улыбался; я подшучивала над его вниманием к чтению. Мы смеялись оба; наконец, ни говоря уже ни слова, мы взглядывали друг на друга и улыбались» [Некрасов, 1950, с. 564]; «Вдруг Алексис далеко отбросил свою книгу, быстро сел на скамейку подле меня, схватил мою руку и крепко, жарко поцеловал ее» [Некрасов, 1950, с. 564].

Эту ситуацию можно сравнить с той, что представлена в пятой песне дантовского «Ада»:

*В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.
Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас.*

[Данте, 1994, с. 29].

В ситуации, комментируемой Некрасовым, влюбленные устояли перед соблазном: «Блажен, кто хоть раз, во всю бесцветную, многотрудную жизнь, испытал роскошь чувств, упоение страсти, блаженство любви, в ком кратковременность блаженства не позволили развиваться чувствам более грубым и порочным, блажен, блажен!..» [Некрасов, 1950, с. 566].

Данте, в отличие от Т. Ч., описывает грехопадение героев:

*Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа.*

[Данте, 1994, с. 29].

Уловлен вихрем в любовные сети так же, как несчастные флорентийцы, герой стихотворения Вяч. Иванова «Во сне предстал мне

наг и смугл Эрот» из цикла сонетов «Золотые завесы», опубликованного в собрании стихов «Cog Ardens» в 1911 году:

*И схвачен в вир, и бурей унесен,
Как Паоло, с тобой, моя Франческа,
Я свил свой вихрь < ... > Кто свеял с вежд
мой сон?*

[Сонет серебряного века, 1990, с. 126].

Выражение «и схвачен в вир», видимо, следует понимать как поднятый вверх, так как слова «вира», «вирять» соответствуют итальянскому «virare», что означает «выбирай, поднимай, тащи вверх» [Словарь, 1997, с. 116]. В четвертой строфе сонета, как и в первой, употреблен церковнославянизм «вежды», придающий возвышенный характер не только стихотворению, но и взаимоотношениям Паоло и Франчески. Магия стихотворения, магия русско-итальянских переключек возникает также благодаря словам «свил свой вихрь», «схвачен в вир», «бурей унесен». Иванов свил свой вихрь и создал свой сон, которые соотносятся с вихрем и сном-смертью у Данте в «Божественной комедии», сравним:

*Я там, где свет немотствует всегда
И словно воеет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.*

[Данте, 1994, с. 26].

*То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы души среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.*

[Данте, 1994, с. 26].

*Я начал так: «Я бы хотел ответа
От этих двух, (Паоло и Франческа – М.Г.) кото-
рых вместе вьет
И так легко уносит буря эта».*

[Данте, 1994, с. 27].

*И если к нам беседа есть у вас,
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен вихрь, как здесь сейчас.*

[Данте, 1994, с. 28].

Внимание В. Брюсова так же, как и Н.А. Некрасова, и Вяч. Иванова, привлекает несчастная героиня прославленного флорентийца:

«Любовь ведет нас к одному» (1911)

*Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.*

*Путь кратких, но прекрасных дней, –
Твой страшный путь, Франческа!* [Брюсов, 1987, с. 277].

«Римини» (1921)

*И все! Но ввысь взнеслись, гиганты, вы,
Чтоб в жизни вечно хмелю быть,
И держат вас терцины Дантовы –
Век луч тем, кто смел любить!*

[Брюсов, 1987, с. 409].

Роль языковых процессов в эпоху Данте, их всеобщность, не отменяющую специфичность, мы попытались продемонстрировать за счет возможных связей русского и итальянского языков. Мировое значение античных реминисценций представляется бесспорным фактом не только для творца «Божественной комедии», поскольку они в разной степени, дозировано, строго индивидуально используются в произведениях разных авторов. Вечный сюжет о Паоло и Франческе кажется более предпочтительным для русских литераторов, чем личный сюжет о Данте и Беатриче.

Литература

- Ахматова А.А. Сочинения : в 2-х тт. М., 1990. Т. 1.
Батюшков К.Н. Сочинения : в 2-х тт. М., 1989. Т. 1.
Брюсов В.Я. Сочинения : в 2-х тт. М., 1987. Т. 1.
Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003.
Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.; Харьков, 2000.
Данте А. Божественная комедия. Пермь, 1994.
Казакова Н.А., Мавлеев Е.В. Отражение западной легенды о Понтии Пилате в «Хождении во Флоренцию» 1437–1440 гг. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4-х тт. М., 1994. Т. 3.
Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989.
Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 12-ти тт. М., 1950. Т. 9.
Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 15-ти тт. Л., 1983. Т. 7.
Словарь иностранных слов и выражений. Минск, 1997.
Сонет серебряного века : Русский сонет конца XIX – начала XX века. М., 1990.

«ЧУЖОГО НЕБА ВОЛШЕБСТВО»: ФРАГМЕНТ ДИАЛОГА НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА И ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В.В. Десятов

Ключевые слова: подтекст, юг, луна, Венера, контрреволюционная прокламация

Keywords: subtext, the South, the Moon, the Venus, antirevolutionary leaflet.

В 1917 году в творчестве двух поэтов возрождаются нордические мотивы. У Гумилева это цикл в сборнике «Костер» (1918): «Швеция», «Норвежские горы», «На Северном море», «Стокгольм». Мандельштам пишет стихотворение «Когда на площадях и в тишине келейной...», в котором ссылается на более раннюю книгу Гумилева, говоря о северных скальдах: «*Им только снится воздух юга – / Чужого неба¹ волшебство <...>*» [Мандельштам, 2009, с. 100]. Юг оба уроженца северо-восточной Европы любили страстно. Гумилев и самого Мандельштама воспринимал как южанина: «*С чисто южной страстностью полюбил он северную пристойность и даже просто суровость обыкновенной жизни*» [Гумилев, 1991, т. 3, с. 132]. По наблюдению Н.А. Богомолова, первая строка стихотворения Гумилева «У ворот Иерусалима» (написанного в декабре 1920 года) – «дословная цитата из стихотворения О.Э. Мандельштама “Эта ночь непоправима” (1916)» [Богомолов, 1991, с. 577]. Не исключено, что реминисценция этого же стихотворения Мандельштама появляется в гумилевской «Дагомее» (сб. «Шатер»). Оба поэта сопоставляют два солнца: желтое / золотое и черное². Несколько неожиданным выглядит место первой публикации «Дагомеи»: «Творчество (Харьков), 1919, №5–6» [Богомолов, 1991, с. 535]. Мандельштам в 1919 году жил некоторое время в Харькове [Мец и др., 1990, с. 368] и, быть может, отдал в печать стихотворение друга.

Строки Мандельштама в стихотворении «Колочая речь Араратской долины...» (1930): «*А близорукое шахское небо – / Слепорожденная бирюза <...>*» [Мандельштам, 2009, с. 151] имеют сразу два гумилевских подтекста. Один из них («Персидская миниатюра») уже

¹ Название сборника Гумилева 1912 года. Данная параллель уже отмечалась С.Г. Шиндиным. Жирный шрифт здесь и далее мой. – В.Д.

² Параллели с произведениями иных авторов в данной статье не рассматриваются, поскольку эти более или менее вероятные параллели не могут отменить диалога друзей-соратников.

был вскрыт [Богомолов, 2004, с. 117]. Другой – двустишие из «Леса» (сб. «Огненный столп»): «<...> *На твои зеленоватые глаза, / Как персидская больная бирюза*» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 290].

Почти одинаковыми рифмами воспользовались два поэта в стихах о Юдифи («Юдифь» Гумилева, «Футбол» Мандельштама), которые были опубликованы тем и другим в 1914 году. «Футбол»: *«Неизъяснимо-лицемерно / Не так ли кончиком ноги / Над теплым трупом Олоферна / Юдифь глумилась...»* [Мандельштам, 2009, с. 289]. Гумилев рифмует слова *нелицемерный – Олоферне* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 181]. «Футбол» датирован 1913-ым годом, «Юдифь» Гумилева написана в начале 1914-го [Лукницкий, 2010, с. 355]. Относительно хронологического приоритета у нас все же остаются некоторые сомнения, поскольку сам стиль этой рифмы – скорее гумилевский, чем мандельштамовский: «в целом лексика рифм Гумилева разнообразнее, чем у Ахматовой. Это достигается за счет изобилия имен собственных, относящихся к разным периодам истории <...>» [Казанцева, 2004, с. 89–90].

Юдифь Мандельштама играет головой Олоферна как мячом, Саломея Гумилева (в том же его стихотворении) танцует с головой Иоанна Крестителя: *«Иль, может быть, в дыму кадилльниц рея / И вскрикивая в грохоте тимпана, / Из мрака будущего Саломея / Кичилась головой Иоканаана»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 182].

Оба стихотворения представляют собой экфрасис. «Футбол» Мандельштама сразу напоминает известную картину Джорджоне «Юдифь» (нога женщины попирает лежащую на земле голову). Танец Саломеи с головой Иоанна Крестителя (отсутствующий в Библии и в тексте пьесы Оскара Уайльда) изображает мозаика Базилики Сан-Марко в Венеции¹. Такой танец стал затем популярным сюжетом художников-модернистов: Обри Бердслея («Кульминация. Иллюстрация к пьесе О. Уайльда “Саломея”», 1894), с творчеством которого Гумилев был знаком², Франца фон Штука («Саломея», 1906), Рафаэля Кирхнера и др. Таким образом, существенным приемом двух стихотворений становится взаимоотражение глубокой древности и современности.

Аллюзией на гумилевскую «Юдифь» открывается цикл «Армения» [Шиндин, 2004, с. 199; Левинтон 2011, с. 249], которому предпослано четверостишие: *«Как бык шестикрылый и грозный / Здесь людям является труд, / И, кровью набухнув венозной, / Предзимние розы цветут»* [Мандельштам, 2009, с. 145]. Интерпретация М.Л. Гаспарова:

¹Об отражениях различных образов Саломеи в искусстве «серебряного века» см.: [Матич, 2004; Матич, 2008, с. 149–163, 308–320].

²См. его статью «Два салона» (1908) и стихотворение «Когда я был влюблен...» (1911).

Армения «полумертва под гнетом ассирийских шестикрылых быков» [Гаспаров, 2002, с. 619]. Гумилев «об иудеянке Юдифи, о вавилонянке Олоферне» писал: *«Но, верно, в час блаженный и проклятый, / Когда, как омут, приняло их ложе, / Поднялся ассирийский **бык крылатый**, / Так странно с ангелом любви несхожий»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 182].

Сближений в этих стихах даже больше, чем может показаться на первый взгляд. Бык Мандельштама именно *схож* с ангелом (шестикрыл, как серафим), однако это не ангел любви, а «грозный» ангел труда. Ассирийский полководец Олоферн, согласно Гумилеву, – вавилонянин. Мандельштам сближает Армению с Вавилоном: *«Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый, / Улиц твоих большеотых кривые люблю вавилоны»* [Мандельштам, 2009, с. 146]. И в другой редакции цикла: *«В очаг вавилонских наречий / Открой мне дорогу скорей»* [Мандельштам, 2009, с. 469].

В представлении автора «Четвертой прозы» Армения – «младшая сестра земли иудейской» [Мандельштам, 2010, с. 351], а «Путешествие в Армению» заканчивается переложением древнего сюжета, приобретающего злободневный социальный смысл, о тиране – «ассирийце» (согласно первоисточнику – персе), взявшем в плен армянского царя.

А.Г. Мец предполагает связь между образами грозного шестикрылого быка и «тигра шестокрылата» в видении преисподней из стихотворения «Влас» Некрасова, которое М.<андельштам> цитировал в одной из дневниковых записей 1931 г.» [Мец, 2009, с. 592]. Интерес к «Власу» Мандельштам разделял с поздним Гумилевым [Гумилев, 1991, т. 3, с. 231]. «Бык шестикрылый и грозный» может быть сопоставлен также с не менее грозным «шестикрылым» зверем из стихотворения Гумилева «Укротитель зверей» (сб. «Чужое небо»): *«Если мне смерть суждена на арене, / Смерть укротителя, знаю теперь, / Этот, незримый для публики, зверь / Первым мои перекусит колени»* [Гумилев, 1991, с. 138, 139].

Эхо образов Гумилева слышится и во второй половине эпиграфа к циклу «Армения» (*«И кровью набухнув венозной, / Предзимние розы цветут»*). Из поэмы Гумилева «Открытие Америки» (1910): *«О пути земные, сетью жил, / Розой вен вас Бог расположил! // И струится, и поет по венам / Радостно бушующая кровь <...>»*

[Гумилев, 1991, т. 1, с. 152–153]¹. Последним словосочетанием Мандельштам уже пользовался – в стихотворении, обращенном к Ахматовой, «Как черный ангел на снегу...» (1914?): «*Пускай нездешняя любовь / С любовью здешней будут слиты. / Пускай **бушующая кровь** / Не перейдет в твои ланиты*» [Мандельштам, 2009, с. 294]. То есть, создавая портрет Ахматовой, Мандельштам цитировал не только ее стихи [Мец, 2009, с. 681], но и стихи ее мужа.

Второе стихотворение цикла «Армения» можно без преувеличения назвать «насквозь гумилевским» (хотя об этом, насколько нам известно, еще никто не писал):

*Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось – лишь сурик да хриплая охра.
И почему-то мне начало утро армянское снится,
Думал – возьму-посмотрю, как живет в Эривани синица,
<...>
Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.
Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.
Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!*

[Мандельштам, 2009, с. 146].

Южная страна, «раскрашенная» существом, похожим на ребенка, – образ из стихотворения Гумилева «Судан» (сб. «Шатер»): «<...> **Садовод Всемогущего Бога** / В серебрящейся мантии крыльев / Сотворил отражение рая <...> // А потом, улыбнувшись, **как мальчик**, / Что придумал забавную шутку, / Он собрал здесь совсем небывалых, / Удивительных птиц и животных. / Краски взял у пустынных закатов, / Попугаям он перья **раскрасил**, / Дал слону он клыки, что белее / Облаков африканского неба, / Льва одел золотой одеждой / И пятнистой одел леопарда, / Сделал рог, как янтарь, носорогу, / Дал газели девичьи глаза. // И ушел на далекие звезды – / Может быть, их **раскрашивать тоже**» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 270–271]. Сравним и другую редакцию

¹ Ср. также строки стихотворения «Нигер», завершающего сборник «Шатер»: «<...> И фонтаны в садах, и **красные розы**, / Что венчают вождей поэтических школ» [Гумилев, 1991, с. 287]. После казни основателя акмеизма эти стихи приобрели особое звучание.

«Армении»: «*[Создатель.] чтоб ты не пеняла / На скудость природы своей / Из детского вынул пенала / С полдюжины карандашей*» [Мандельштам, 2009, с. 467].

Образ, похожий на мандельштамовскую рисующую птицу («*Иль птица тебя рисовала*»), тоже обнаруживается в сборнике Гумилева «Шатер» – в стихотворении «Дамара. Готтентотская космогония»: «*Человеку грешно гордиться, / Человека ничтожна сила: / Над землю когда-то птица / Человека сильней царила. // <...> А ногами чертила знаки, / Те, что знают в подземном мраке, / Все, что будет, и все, что было, / На песке ногами чертила*» [Гумилев, 1991, т. 1, с. 282].

Н.А. Богомолов о главе «Вокруг натуралистов» мандельштамовского «Путешествия в Армению» пишет: «Завершая пассаж о Линнее, идущий непосредственно перед нами разобранным, Мандельштам говорит: “*Восхитительна колумбова яркость Линнеева обезьянника. Это Адам раздаёт похвальные грамоты млекопитающим, призвав себе на помощь багдадского фокусника и китайского монаха*”. Случайно или нет, но эти две фразы пронизаны отсылками к гумилевским сюжетам: Колумб – герой поэмы “Открытие Америки”, Адам – маленькой поэмы “Сон Адама”, в Багдаде происходит действие значительной части уже упоминавшейся нами сказки “Дитя Аллаха”, а в Китай отправляются герои стихотворения “Путешествие в Китай” (не говоря уж о том, что у Гумилева есть целый сборник китайских стихов “Фарфоровый павильон”). И, может быть, не слишком натянутым будет видеть описанного Мандельштамом Линнеев неким аналогом Гумилева» [Богомолов, 2004, с. 115].

По нашему мнению – не слишком. Базируется оно не только на отсылках к Гумилеву, обнаруженных исследователем, но и на предшествующих абзацах «Путешествия в Армению», параллельных стихотворению «Ах, ничего я не вижу...»:

«Раскрашенные портреты зверей из линнеевской “Системы природы” могли висеть рядом с картинками Семилетней войны и олеографией блудного сына.

Линнеев раскрасил своих обезьян в самые нежные колониальные краски» [Мандельштам, 2010, с. 333].

В свете сказанного выше комментарий будет для многих читателей уже излишним: «Раскрашенные портреты зверей», «Линнеев раскрасил своих обезьян» – аллюзия на гумилевский «Судан». Семилетняя война – аналог первой мировой, в которой Гумилев участвовал и о которой писал. «Блудный сын» – название его поэмы.

Демонстрируя гумилевский слой аллюзий в сделанном Мандельштамом вольном переводе стихотворения Макса Бартеля «Неизвестному солдату», С.Г. Шиндин подчеркивает: «следует обратить внимание на междометие “ах”, совершенно несвойственное мандельштамовской поэзии (см. единственное, кажется, исключение, появившееся при передаче чужой речи: “Слышу легкий театральный шорох / И девическое «ах»” <[Мандельштам, 2009, с. 111]>), но зато весьма употребительное в стихах Гумилева <...>» [Шиндин, 1992].

Действительно, это любимое Гумилевым междометие¹ гораздо реже появляется в мандельштамовской поэзии. Приведенное же выше стихотворение Мандельштама не только **начинается с «ах» (так же, как гумилевский «Судан»)**, но и ставит рекорд для автора по концентрации: здесь оно звучит четырежды (если не считать варианта, спрятавшегося в сочетании «да хриплая»), причем отнюдь не в чужой речи. Гумилевский аналог подобной концентрации обнаружить не сложно, имея в виду, что изображаемые места вызывают у двух авторов позитивные эмоции и что названия этих мест, периодически возникая в тексте, всякий раз удваиваются и всякий раз сопровождаются междометием «ах»: в стихотворении «На далекой звезде Венере...» (1921) трижды повторяется строка «*На Венере, ах, на Венере*» [Гумилев 1991, т. 1, с. 424–425] – Мандельштам симметрично трижды повторяет обращение «*Ах, Эривань, Эривань...*». Дополняется симметрия тем, что эти восклицания являются параграммами (на Венере / Эривань). Н.Я. Мандельштам свидетельствует: «Как и при всяком чтении поэтов, Мандельштам искал у Гумилева удач. Такой удачей он считал “На Венере, ах, на Венере”...» [Мандельштам, 1990, с. 47].

Любовь Мандельштама к этой маленькой космической утопии Гумилева объясняется отчасти, вероятно, тем, что похожую утопию нарисовал ранее он сам – в шутовском стихотворении 1914 года «Приглашение на луну» [Мандельштам, 2009, с. 73, 443]. О.А. Лекманов намекнул на предположительную связь между двумя поэтическими утопиями, взяв к своей статье «О луне, “милой царевне” и “высокой лейке”» [Лекманов, 2000, с. 514–520] эпиграфом

¹ Ср. «Ах» в стихотворении Георгия Иванова «Бродячие актеры» (1912), посвященном Гумилеву [Иванов, 2009, с. 177]. Воспроизводили «ах» и другие стихотворцы, писавшие о Гумилеве позже: Николай Лернер, Даниил Андреев, Вадим Гарднер, Вадим Делоне, Ирина Одоевцева, Валентина Синкевич [Образ Гумилева, 2004, с. 69, 88, 92, 151, 171, 216].

строки Гумилева *«На Венере, ах, на Венере / У деревьев синие листья»*. При жизни Гумилева «Приглашение на луну» не публиковалось, но все-таки мы полагаем, что оно было Гумилеву известно. Словосочетание *«на луне»* Мандельштам повторяет восемь раз, и столько же раз в гумилевском тексте используется сочетание *«на Венере»*. (Если считать название стихотворения Мандельштама, то «луна» фигурирует в его тексте 9 раз; 9 раз и Гумилев называет Венеру). Теперь мы можем с уверенностью сказать, что симметрия троекратных повторений *«На Венере, ах, на Венере...»* – *«Ах, Эривань, Эривань...»* тоже совсем не случайна.

Гумилев откликнулся таким же «арифметическим» способом на любовно-лунное стихотворение Мандельштама и раньше – в окончательной редакции «Свидания», вошедшей в переиздание «Жемчугов» (1918). «Свидание» было задумано и начиналось в первых редакциях (опубликованных в 1909 и 1910 годах) как формальное упражнение: в первых пяти строфах Гумилев пять раз рифмует слово «луна» в пяти его падежах (луне, луна, луной, луну, луны [Гумилев, 1991, т. 1, с. 101–102]). Неудовлетворенный первоначальными вариантами последующих строф, Гумилев их отбрасывает, чтобы сделать формальный принцип неукоснительным: в итоговой редакции стихотворения каждая строфа содержит слово «луна» (то есть «лун» в стихотворении восемь – как и в тексте Мандельштама). Правильнее, пожалуй, было бы назвать это стихотворение не «Свидание», а «Лунные рифмы и арифметика». Арифметический подход Гумилева к луне, видимо, явился компромиссом между любовью поэта к ночному светилу и акмеистической точностью, трезвостью, конкретикой, которые так понравились главе нового поэтического направления в стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...». И если уж стихотворение Гумилева получило название «Свидание» – то это свидание светила с цифрой.

Еще одной (на этот раз не формально-арифметической, а содержательной) гумилевской параллелью к «Приглашению на луну» стала строфа первоначальной редакции стихотворения «Перед ночью северной, короткой...»: *«Я скажу ей: "Хочешь, мы уедем / К небесам не к белым – к голубым. / Ничего не скажем мы соседям, – / Ни твоим, царевна, ни моим?"»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 560].

Н.А. Богомолов высказал предположение, что обращение к героине «царевна» «связано с рядом стихотворений Вл. Ходасевича из книги “Счастливый домик” (М., 1914), которую Гумилев рецензировал, также обращенных к “царевне”» [Богомолов, 1991, с. 560].

Однако именно в стихотворении Мандельштама мы видим сочетание (которого нет у Ходасевича) элементов, перешедших в текст Гумилева: не только обращение к героине «царевна», но и приглашение ее в путешествие (на луну либо «к небесам»). Особо подчеркивает Гумилев, что небеса эти не белые, а голубые – сравним описание луны Мандельштамом: *«Голубые дома», «На луне голубой»* [Мандельштам, 2009, с. 73, 443].

Чтобы достичь луны, нужно, согласно шутливому приглашению Мандельштама, просто ехать: *«У меня на луне / Вафли ежедневно, / Приезжайте ко мне, / Милая царевна»* [Мандельштам, 2009, с. 443]. Гумилев с «Приглашением на луну», скорее, полемизирует, потому что его лирический герой приглашает возлюбленную не столько «к небесам», сколько на юг, к Черному морю (куда, действительно, можно просто *уехать*), но если бы все стихи Гумилева были подобны этим (имеем в виду полный текст первоначальной редакции), его могли бы назвать, как Мандельштама, «виртуозом противочувствия».

К «Приглашению на луну» отсылает и начало стихотворения «Сомалийский полуостров» в сборнике «Шатер» (первые 10 стихов, а также стихи 21–22). Ср., например: *«Убежим на часок / От землительщи!»* [Мандельштам, 2009, с. 443] – *«И до боли я думал, что там, на луне, / Враг не мог бы подкрасться ко мне»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 276].

Цитируя в «Ах, ничего я не вижу...» стихотворения Гумилева «На далекой звезде Венере...» и «Судан», Мандельштам, помимо всего прочего, фиксирует их тесную смысловую связь между собой: *«И ушел на далекие звезды – / Может быть, их раскрашивать тоже»* («Судан») – *«На далекой звезде Венере / Сердце пламенной и золотистой. / На Венере, ах, на Венере / У деревьев синие листья»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 424].

Судан и Венера для Гумилева – отражения рая. Но принципиальное значение имеют их различия. На Венере *«Всюду вольные звонкие воды, / Реки, гейзеры, водопады / Распевают в полдень песнь свободы, / Ночью пламенеют, как лампы. // На Венере, ах, на Венере / Нету слов обидных или властных»* [Гумилев 1991, т. 1, с. 424]. А в африканской стране *«<...> Восседают, как древние бреды, / Короли и владыки Судана <...> / Рядом с каждым играет секирой / Толстогубый, с лоснящейся кожей, / Черный, словно душа властелина, / В ярко-красной рубашке палач»* [Гумилев, 1991, т. 1, с. 269, 270]. Мандельштам к Армении обращается (в третьем стихо-

творении цикла): «<...> Ты видела всех жизнелюбцев, / Всех казненнолюбивых владык» [Мандельштам, 2009, с. 147].

Во втором же стихотворении цикла «Армения» Мандельштам, вспоминая друга, который имел мужество уйти «на далекие звезды», сокрушается, что «<в>ремя свое заморозил и крови горячей не пролил». Отказ от «замороженного винограда» Эривани равнозначен отказу от «орехового пирога» в стихотворении «Куда как страшно нам с тобой...» или от второго «добавочного дня» (см. финал «Путешествия в Армению», где упоминается виноград). «Ничего мне больше не надо» означает готовность умереть, которую позже Мандельштам еще раз подтвердит, цитируя поэму Гумилева «Гондла», в разговоре с Ахматовой.

Показателен тот факт, что после долгого периода «молчания» поэтическое вдохновение вернулось к Мандельштаму вместе с гумилевскими реминисценциями в «Ах, ничего я не вижу...» (1930) – вместе с внутренним освобождением. Это стихотворение родилось первым после пятилетнего перерыва: «Вновь стихи “пришли” в Армении (см. примечание “Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...”), а не в Тифлисе, как считалось раньше. Тематами и образным строем стихов 1930–1934 годов поэт, как было предreshено в “Четвертой прозе”, резко порывал с официальной литературой» [Мец, 2009, с. 589].

Свое состояние пятилетней поэтической немоты (до встречи в Ереване с Б.С. Кузиным) Мандельштам описывает так же, как Гумилев описывал его мироощущение доакмеистического периода – некое сонное полуслепое безвременье. Мандельштам: «*Время свое заморозил...*». Гумилев о раннем Мандельштаме: «*Поэт стремится к периферии сознания, к довременному хаосу <...>*» [Гумилев, 1991, т. 3, с. 158]; акмеистическим стихотворением «Нет, не луна, а светлый циферблат...» Мандельштам, согласно Гумилеву, «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих **во времени**, а не только в вечности или мгновении» [Гумилев, 1991, т. 3, с. 132]. Мандельштам: «*Ах, ничего я не вижу <...> // И почему-то мне начало утро армянское **сниться**...*»; «*Когда я спал без облика и склада, / Я дружбой был, как выстрелом, разбужен*» [Мандельштам, 2009, с. 180]. Гумилев: «*Однако он еще **не зоркий**, он живет точно в **полусне**¹ и так верно сам определяет свое состояние восклицанием:*

¹Рефлекс строки «*Полу-явь и полу-сон*» из стихотворения 1911 года «Скудный луч холодной меро...» [Мандельштам, 1990, с. 21].

*Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?»*

[Гумилев, 1991, т. 3, с. 159].

Таким образом, согласно Мандельштаму получается, что пятилетний период его жизни до встречи и дружбы с Кузиным аналогичен периоду до дружбы с Гумилевым. Вновь осознав себя «настоящим», Мандельштам готов пролить свою кровь.

В период противостояния диктатуре Сталина Мандельштам вел себя, словно подражая казненному другу. О контрреволюционной деятельности расстрелянного Гумилева в газете «Петроградская Правда» (1921, № 181) сообщалось: *«Участник П.Б.О., активно содействовал составлению прокламаций к.-револ. содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности»* [Лукницкая, 1990, вклейка между с. 256 и 257]. Сравним протокол допроса Мандельштама 1934 года:

«Вопрос. Выражает ли ваш контрреволюционный пасквиль „Мы живем...“ только ваше, Мандельштама, восприятие и отношение или он выражает восприятие и отношение определенной какой-либо социальной группы?»

Ответ. Написанный мною пасквиль «Мы живем...» — документ не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур. <...>

Вопрос. Значит ли это, что ваш пасквиль является оружием контрреволюционной борьбы только для характеризованной вами группы или он может быть использован для целей контрреволюционной борьбы иных социальных групп?»

Ответ. В моем пасквили я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: „страна и властелин“. Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группой» [Нерлер, 2009, с. 165–166].

Как видим, Мандельштам не отрицает, что старался сочинить нечто вроде контрреволюционной прокламации – по примеру, вероятно, Николая Гумилева. Общение с сыном Гумилева служило во время ареста дополнительнымотягчающим обстоятельством: «Надя сказала мне отдельно, что один из обыскивающих пошел в домоуправление, вернулся с документом о временной прописке Льва Гумилева у Мандельштамов, показал его Осипу, грозно спросив: “А это что?”» [Герштейн, 1989, с. 118].

В отличие от Николая Гумилева, Мандельштам не был участником антибольшевистского заговора, но слухи такие возникли: «Вскоре в писательском доме заговорили про Мандельштамов: “У них собирались”. Хуже обвинения быть не могло. Если “собирались”, значит “группа” или “заговорщики”» [Герштейн, 1989, с. 118]. Сам Мандельштам считал акмеистов чуть ли не «партией» – разумеется, оппозиционной сталинскому режиму. Эмме Герштейн он однажды сказал об Ахматовой: «В конце концов, мы – акмеисты, члены одной партии. Ее товарищ по партии в беде, она обязана приехать!» [Герштейн, 1989, с. 118]. Происходило это как раз в период чтения Мандельштамом направо и налево «широко применимого орудия контрреволюционной борьбы».

Литература

- Богомолов Н.А. Батюшков, Мандельштам, Гумилев. Заметки к теме // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова : Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004.
- Богомолов Н.А. Примечания // Гумилев Н. Сочинения в 3 тт. М., 1991. Т. 1.
- Гаспаров М.Л. Примечания // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М., 2002.
- Герштейн Э. Новое о Мандельштаме // Наше наследие. 1989. № 5.
- Гумилев Н. Сочинения в трех томах. М., 1991. Т. 1, 2, 3.
- Иванов Г. Стихотворения. (Серия «Новая библиотека поэта»). СПб., М., 2009.
- Казанцева А. О рифмах // Казанцева А. Анна Ахматова и Николай Гумилев. Диалог двух поэтов. СПб., 2004.
- Левинтон Г.А. Опять от Пушкина... // От Кибирова до Пушкина : Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011.
- Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.
- Лукницкая В.К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
- Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб., 2010.
- Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990.
- Мандельштам О.Э. Камень. Л., 1990.
- Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. М., 2009. Т. 1.
- Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. М., 2010. Т. 2.

- Матич О. Покровы Саломеи: Эрос, смерть и история // Эротизм без границ. М., 2004.
- Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.
- Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. М., 2009. Т. 1.
- Мец А.Г., Василенко С.В., Фрейдин Ю.Л. Комментарии // Мандельштам О. Камень. Л., 1990.
- Нерлер П. Сталинская премия за 1934 год. Следственное дело Осипа Мандельштама // Новый мир. 2009. № 10.
- Образ Гумилева в советской и эмигрантской поэзии. М., 2004.
- Шиндин С.Г. Мандельштам и Гумилев: О некоторых аспектах темы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev.ru/about/25/>
- Шиндин С.Г. Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева: К рецепции образа Айя-Софии в культуре «Серебряного века» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004.

ОДНА: СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

А.И. Куляпин

Ключевые слова: миф, архетип, ритуал, символ, мизогиния, гинеκραтия.

Keywords: myth, archetype, ritual, symbol, misogyny, ginokratiya.

Непримиримость сугубо мужских сообществ по отношению к чуждому женскому приобретает порой крайние формы. В.Я. Пропп, касаясь жизни юношей, достигших половой зрелости, в так называемых «мужских домах», замечает: «... Жизнь в мужском доме имеет своей целью отделение юношей от женщин. Весь дом, и все, что в нем происходит, запрещен женщинам. Такое враждебное отношение сохранилось, например, в немецкой сказке: “Мы клянемся: где мы найдем девушку, там потечет ее алая кровь”. <...> Этот случай – явное отражение женских запретов» [Пропп, 1986, с. 122].

Мужские объединения возникают обычно как охотничьи или военные союзы, а поскольку цель войны и охоты – убийство, вражда к женщине лишней раз подчеркивает некрофильскую составляющую их идеологии.

Эпохи социального хаоса наиболее способствуют возникновению экстремальных ситуаций вторжения (чаще всего невольного) предста-

вителя противоположного пола в чужеродную среду. В России после череды войн и революций начала XX века демографический баланс был серьезно нарушен. Убыль мужского населения оказалась почти катастрофической. Однако логика реальности и логика искусства – это разные вещи, и в произведениях 1920–30-х годов особенно популярна система персонажей с одной героиней и множеством героев. Так построены: повесть Б. Лавренева «Сорок первый» (1924), «Оптимистическая трагедия» (1933) Вс. Вишневского, фильмы «Семеро смелых» (1936) С. Герасимова, «Тринадцать» (1936) М. Ромма, «Остров сокровищ» (1937) В. Вайнштока и др. Ситуация женщина в мужском мире, безусловно, воскрешает некоторые архетипы инициационных обрядов, но в то же время позволяет поставить ряд актуальнейших для советской эпохи вопросов.

Исследование «символики женского начала в большевистской революции» (предпринятое Б. Парамоновым на материале «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского) без апелляции к ритуалам и мифам невозможно. Не зря «жертвоприношение» выдвинуто автором статьи «Мальчик в красной рубашке» в качестве центрального понятия: в первом акте пьесы в жертву принесена старуха, а в третьем – и главная героиня.

«Появление Комиссара, – считает философ, – это просто-напросто появление женщины в монопольно мужском обществе. Ее влияние сначала на Алексея, а потом и на прочих матросов – не большевицки-идейное, а половое, сексуальное. Это подтекст пьесы, ее сублимированный слой» [Парамонов, 2001, с. 232].

Вопрос в том: имеем ли мы дело с политическим оформлением мифологического сюжета, или с мифологическим оформлением сюжета политического? Ответить на него нелегко, ведь миф и политика в тоталитарном обществе практически нераздельны.

Приезд женщины-комиссара в отряд анархистов становится катализатором саморазрушительных для этого микросоциума процессов. Вожак, осознавая угрозу целостности мужского союза, распоряжается устранить комиссара:

«Алексей. (Указав на вожака.) *Вот этот нас послал, когда ты приехала: пугните ее, чтоб не встала*» [Вишневский, 1953, с. 114].

Формула приказа оставляет место фантазии, и первоначально, агрессия матросов принимает характер сексуального насилия:

«Алексей. <...> *попрелюбодействуем, товарищ представитель из центра. Скорей, а то уж торопит следующий, а тут ведь нас много*» [Вишневский, 1953, с. 107].

Очевидно, что присутствие женщины в мужском сообществе может быть катастрофичным, поскольку вся неизбежно накапливающаяся агрессивность направляется вовнутрь. Но такой вариант развития событий предполагает восприятие женщины как потенциально доступной. Только в этом случае она – приз в междоусобной борьбе.

Удваивая в пьесе мотив пагубного вторжения женщины в мужской социум, Вишневский предельно четко расставляет акценты. Матросы впервые убивают *своего* по ложному обвинению Старой женщины, у которой якобы похитили кошелек. Кража оказывается мнимой, поэтому Вожаку не удается выдать расправу над Высоким матросом за попытку очистить коллектив от морально разложившихся членов. В отличие от Комиссара, старуха представляет мир прошлого, кроме того, сексуальное в ней полностью редуцировано: матросы зовут ее *мать*, а она их – *детки, сыночки*. Убийство-жертвоприношение матери должно по замыслу Вожака привести к сплочению мужского братства: теперь матросов связывает еще и чувство вины за соучастие в преступлении. О нем Вожак не забывает вовремя напомнить, чтобы легче манипулировать подчиненными: *«Грехи бы с ней замаливал? Парня убиенного и старушку?»* [Вишневский, 1953, с. 136].

Старая женщина провоцирует «неправильную» чистку отряда, а ее смерть становится основанием для «неправильной» консолидации. Лишь Комиссар способна использовать некрофильскую тягу к самоуничтожению для подлинного самоочищения. Видимо, поэтому ее мелкое интриганство, сводящееся к стравливанию Вожака, Алексея и Командира корабля, преподносится Вишневским, чуть ли не в ореоле героизма. *«И зачем раскол в отряде?»* – сомневается Вайнонен. *«В полку, Вайнонен, а не в отряде, – отвечает комиссар, – и не раскол, а отбор. И заруби себе: в партийном порядке сделаю я, и ты сделаешь все, вплоть до уничтожения негодной части полка, чтобы сохранить здоровую»* [Вишневский, 1953, с. 125].

Отбор здоровой части полка осуществляется комиссаром, как правильно заметил Б. Парамонов, через сексуальное влияние. Застрелив, набросившегося на нее матроса, героиня довольно неожиданно оставляет-таки шанс новым претендентам на ее тело: *«Вот что. Когда мне понадобится – я нормальная, здоровая женщина, – я устроюсь. Но для этого вовсе не нужно целого жеребьячьего табуна»* [Вишневский, 1953, с. 108]. Казаться абсолютно неприступной не ее в интересах. *«Гляжу я на тебя, ты тут все насчет принципов перебрассываешься, а я... не стыдно признаться – вот думаю: отчего такая баба и не моя?»* – выдает свои «тайные мысли» Алексей [Вишневский, 1953, с. 131].

«Зато какая у нас женщина! – восторгается Сиплый. – Вот вся эта вольнка кончится, женился бы я на такой» [Вишневский, 1953, с. 136]. Ясно, что у всех этих эротических фантазий должно быть некоторое основание.

Но все-таки главный подвиг героини – ее смерть. Теперь она уже не может служить объектом вождления, и наконец-то агрессия матросов выплескивается вовне, на настоящих врагов – иноземцев. Советской Жанной д'Арк Комиссар становится посмертно.

Сублимированный слой «Оптимистической трагедии», о котором писал Б. Парамонов, на протяжении десятилетий интерпретаторами пьесы упорно игнорировался. Вишневского ставили во многих театрах, режиссеры предлагали разные трактовки образа Комиссара, но одна деталь при этом оставалась практически неизменной. Героиню, маскируя в ней женское и акцентируя идеологическое, почти всегда одевали в кожаную куртку: А. Коонен в спектакле А. Таирова (1933), М. Володину в фильме С. Самсонова (1963), И. Архипову в опере А. Холминова (1964), Р. Нифонтову в фильме-спектакле Л. Варпаховского и В. Иванова (1977) и др. Уже на закате советской эпохи инерцию сломал Марк Захаров. Для него явление Женщины важнее, чем приезд Комиссара, поэтому И. Чурикова в спектакле Ленкома играла «на каблучках, с зонтиком, в белом платье – комиссар, пришедший в это страшное общество» [Захаров, 2008, с. 16].

Во главе мужского сообщества женщина может стать, конечно, лишь подчеркивая, а не пряча свою женственность. Знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова офицерский чин получила из рук Александра I, после того, как ее тайна была раскрыта. Однако дальнейшая карьера «корнета Александрова» (так царь нарек Дурову) складывалась очень скромно, и в отставку он(а) вышла в звании всего-навсего штаб-ротмистра. «Орлеанская Девственница», выдав себя за мужчину, ни при каких обстоятельствах не смогла бы пробиться в главнокомандующие французской армии. Когда М. Захаров облачил героиню «Оптимистической трагедии» в белое платье, он, по сути, обнажил механизм происхождения гинократии из духа мизогинии.

У «Оптимистической трагедии» есть в советском искусстве любопытнейший аналог – «Остров сокровищ» В. Вайнштока. Идеологическое давление извне и индивидуальная фантазия авторов далеко увели эту экранизацию от оригинала – романа Р. Стивенсона. И, в частности, место главного героя – юного Джима Хокинса – в фильме занимает женщина. Эпизод, в котором Дженни, переодевшись мужчиной, предлагает свои услуги в качестве юнги, отчасти похож на сцену при-

бытия Комиссара в отряд анархистов. Дженни тоже должна пройти посвятельное испытание. Как и героиня «Оптимистической трагедии», она его успешно проходит (лихо пьет ром, палит из пистолета, отплясывает дикий пиратский танец и пр.), но мужское обличие обрекает ее на вторые роли. Игра на мужской территории, по мужским правилам неизбежно превращает женщину всего лишь во второсортного мужчину. Ключ к власти – секс.

Художник вправе сконструировать любую, даже самую условную, ситуацию для проверки своей концепции. В реальности лабораторная чистота эксперимента, как правило, недостижима, если только, это не советская реальность.

В 1932 году начальником зимовки на Северной Земле была назначена женщина – Н. П. Демме. В компании трех мужчин-подчиненных она прожила на необитаемом острове до поздней осени 1934 года. Американские газеты преподнесли это событие как сенсацию.

«Советская Россия изощряется в самых рискованных экспериментах. Женщину в этой стране наделяют не только правами, но и обязанностями, наравне с мужчинами. Большевики создали такую атмосферу, что сами женщины стремятся к мужским подвигам. <...>

По инициативе самой г-жи Демме советские власти решили произвестить новый эксперимент. Эту отважную путешественницу назначили начальницей станции на одном из самых северных архипелагов, совершенно необитаемых. <...>

В течение целого года на Северную Землю не сможет притти ни один корабль, и все это время г-жа Демме вынуждена прожить в избушке с глазу на глаз с тремя мужчинами.

Как нам сообщают, г-жа Демме находится в цветущем для женщины возрасте, привлекательна и весьма жизнерадостна.

Такова своеобразная ситуация, созданная принципиальным экспериментаторством Советов.

Романистам, которые, по старым традициям, выбрасывают на необитаемые острова одинокую женщину в компании нескольких мужчин, надо бы послать своих соглядатаев в запорошенную снегом избушку на крайнем Севере.

Если бы это удалось, их романы и фильмы обогатились бы многими колоритными подробностями и увлекательными ситуациями» [Канторович, 1936, с. 144–145].

Нина Демме в беседе с новомировским публицистом Владимиром Кантровичем, естественно, дает отпор «бульварным писакам». Делает

она это, правда, настолько двусмысленно, что кое в каких деталях даже усугубляет сенсационность: «Они еще не знали, что в ушаковской рации всего одна комната. То-то глаза выкатились бы на лоб, – чего только не подскажет испорченное воображение!» [Канторович, 1936, с. 146]. Советские журналисты об интимной жизни никогда не пишут, но для Севера, к возмущению полярницы, почему то делают исключение: «<...> Женщина-де слабый пол, а если какая-нибудь проскочила в Арктику через заградительные кордоны мужского покровительства, то должна забыть, что она – женщина, личная ее жизнь – под стеклянным колпаком. Бессмыслица!» [Канторович, 1936, с. 146].

Итоги экспедиции трудно признать успешными. Один из ее участников умер, двое других тяжело заболели. Поразительно, но Н. Демме даже гордится этим: «К концу зимовки из всех четырех здоровье сохранила я одна. Мирович поддался цинге, Ивлев заболел аппендицитом, Костя не выходил из простуды, а мне – все нипочем» [Канторович, 1936, с. 146]. Мужской коллектив, возглавляемый женщиной, вновь оказался подвержен автодеструктивным процессам, не столь brutальным, как в «Оптимистической трагедии», но столь же неотвратимым. Н. Демме слегка намекает на неблагоприятное психологического климата, рассказывая о случае, когда «товарищи-мужчины напились, как свиньи», или рассуждая о «неизбежных передрыгах»: «“Его величество мужчина” возмущен: он не хочет, чтобы соседство женщины его “возбудило”» [Канторович, 1936, с. 146].

В своей научно-руководящей деятельности Н. Демме особо выделяет культурно-исторические и биологические компоненты. «Взволнованно и горячо» отстаивает она философию советского феминизма.

«– Существует еще один властный мотив многих поступков в моей жизни. К нам, женщинам, относятся как-то снисходительно. “Женщина должна быть женственной” – часто говорят мужчины.

Ненавижу всех этих глашатаев вечной женственности, покровителей, хозяев» [Канторович, 1936, с. 145].

Мужчину полярница настойчиво именуется с неприкрытой иронией «его величество мужчина». Ее монолог насыщен советскими идеологиями – «барство», «феодальный», «рабский» и т. п. Только надо учитывать, что в этих терминах описывается конфликт не классовый, а гендерный. В таком контексте сострадания бывшим «хозяевам» ожидать, разумеется, не приходится. «Идеи свои я привыкла доказывать на деле, собственным примером, – поясняет Н. Демме. – С “его величеством мужчиной” я тоже давно хотела померяться силами. Ну, мыслимо было мне, такой, как я есть, отказаться от начальствования над по-

лярной зимовкой?» [Канторович, 1936, с. 146]. Понятным становится то нескрываемое удовлетворение, которое испытывает Н. Демме, перечисляя болезни и слабости своих подчиненных: так неизбежно утверждается ее абсолютное превосходство над мужчинами.

Тезис «женщины – прекрасный человеческий материал для Севера» Н. Демме, будучи биологом по профессии, доказывает с помощью смелой параллели: «Псы – мастера сильного, но короткого напряжения. В дальней экскурсии суки вначале еле поспевают за ними. Но чем длиннее путь, тем отчетливее становятся преимущества сук. Длительное напряжение они выдерживают легче, в их организмах обмен происходит более регулярно. Сука тянет упорно, самозабвенно, даже ободрав лапы. Передовая сука лучше выбирает дорогу, бережется. Псовая упряжка мчит сани слепо, не считаясь с препятствиями, и быстрее выдыхается. В пургу псы ложатся в снег, ни за что их не подыметь. Суки гибнут реже, чем псы» [Канторович, 1936, с. 146].

Удивительна смена эпохальных приоритетов: отказавшись от роли Прекрасной Дамы, советская женщина предпочла статус Передовой суки. Проблемы сексизма в экстремальной ситуации в СССР не существовало, но вряд ли это повод для гордости.

Литература

- Вишневский Вс. Драматургия. Избранное. М., 1953.
Захаров М. Чурикова – это судьба // Независимая газета. 6 октября. 2008.
Канторович В. Нина Демме // Новый мир. 1936. № 10.
Парамонов Б. Мальчик в красной рубашке // Звезда. 2001. № 2.
Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ П.Д. УСПЕНСКОГО «ЧЕТВЕРТЫЙ ПУТЬ» (P.D. OUSPENSKY «THE FOURTH WAY»)

А.П. Джура

Ключевые слова: тип текста, коммуникация, философия.

Keywords: text type, communication, philosophy.

Понятие типа текста трактуется в филологии чрезвычайно широко. Это обусловлено как спецификой текста в качестве научной проблемы, так и спецификой самого понятия типа текста. По словам Н.С. Валгиной, «не определены еще общие критерии, которые должны быть положены в основу типологизации. Объективно это объясняется многоаспектностью и потому сложностью самого феномена текста, субъективно – сравнительно небольшим периодом разработки проблем текста, когда они стали слагаться в общую теорию. Главная трудность заключается в том, что при текстовой дифференциации неправомерно исходить из какого-либо одного критерия, слишком зыбко такое основание для строгой классификации» [Валгина, URL]. Таким образом, проблема типа текста, как такового, а также проблема существования разработанной методики оперирования данным понятием, остаются актуальными по сей день.

Ю.М. Лотман, исследуя структуру художественного текста, фактически ставит проблему типологической идентификации текста в контексте коммуникативной проблематики: «Зададимся вопросом: какие тексты являются художественными, а какие нет? Трудность всеобъемлющего ответа на него общеизвестна. <...> Поставим вопрос так: в

каких случаях возможен акт художественной коммуникации? Представим себе некоторую цивилизацию, не знающую, что такое искусство (например, цивилизацию машин). Естественно, что в случае, если в такой коллектив попадет и начнет в нем циркулировать художественный текст, он может принести с собой некоторую информацию, но художественной она не будет» [Лотман, 1998, с. 272]. Необходимо отметить, что Ю.М. Лотман развивает традицию, согласно которой основа типологии текстов состоит в разграничении художественных и нехудожественных текстов и разработке связанных с данным фундаментальным различием проблем. Данное различие позволило сделать ряд важнейших открытий о том, каким образом текст репрезентирует себя в отношении своего типа, а также вплотную подойти к пониманию типа текста как показателя принадлежности его той или иной дисциплинарной и функциональной среде коммуникации.

Помимо прочего, одной из крупнейших типологий текстов считают функционально-стилевую типологию, которая рассматривает тексты в совокупности их содержательных и формально-языковых свойств. Согласно данной типологии, каждый текст воплощает в себе признаки функционального стиля в достаточно полном виде и, соответственно, функциональный стиль есть определенный тип текста.

Современное понимание категории типа текста в филологии можно резюмировать словами о том, что любые тексты характеризуются определенными, повторяющимися признаками, и это позволяет соотносить отдельные экземпляры текста с определенными их типами. Основание для классификации типов избирается в соответствии с целями исследователя, интегральной же типологии на сегодняшний день не существует. Нами не ставится задача осмысления проблемы всеобщей типологии текста, основной проблемой являются возможности и методики определения типа текста в современной философской коммуникации в соответствии с требованиями филологических методов исследования.

Философская коммуникация как профессиональная коммуникация существует по поводу большого числа текстов. Их совокупность можно представить как градацию от «собственно философских текстов» к «нефилософским текстам». Например, возможна ситуация философской интерпретации «Евгения Онегина», что, тем не менее, не лишает его статуса художественного произведения, следовательно, в такой градации данный текст мог бы иметь место, хотя и находясь «ближе» к нефилософским текстам; помимо этого, сами философы нередко говорят о философском или нефилософском характере того

или иного текста. Например, тексты Р. Барта нередко признавались нефилософскими, предлагалось считать их художественными, литературоведческими или культурологическими, хотя они, тем не менее, обсуждаются философами и активно используются при создании новых текстов философии. Исходя из высказанных соображений, представляется возможным выделить наиболее близко приближенные к «собственно философским текстам» произведения, хотя нахождение «эталонного текста», существующего в действительности, очень проблематично. Тому имеется несколько причин. Во-первых, большинство текстов имеет эвристический потенциал сразу в нескольких областях знания, даже если их направленность не слишком широка. Сложно заявлять о каком бы то ни было тексте, что его ценность – сугубо философская и никакая более. Во-вторых, не представляется возможным принять в качестве эталона один-единственный текст, поскольку любые два признанных в философском сообществе текста, существующих в действительности, несомненно, могут быть весьма отличны друг от друга, и, тем не менее, оба они могут представлять из себя то, что называется «классикой философии» (такая ситуация может иметь место как в случае с двумя текстами одного и того же автора, так и с текстами разных авторов). В-третьих, проблематично определение критериев эталонности и степени приближенности к эталонному тексту, поскольку философия, как определенный тип мышления, неустанно переосмысляет собственные границы, направление движения, траектории и ориентиры.

Данные соображения сопутствуют постановке проблемы типа текста. Под типом текста здесь понимается совокупность признаков, свидетельствующих о его принадлежности к некоторой дисциплинарной или функциональной текстовой совокупности. Так, текст художественный есть текст соответствующего типа, поскольку он принадлежит к совокупности художественных текстов, обладает соответствующими признаками и исполняет функции художественного текста в культуре и языке. Иной текст способен функционировать как эзотерический, встраиваясь в соответствующую текстовую совокупность «эзотерические тексты». Аналогичным образом текст может быть научным или философским. Возможны случаи, когда текст, не являясь философским, функционирует как философский, или, являясь таковым, функционирует иначе – к примеру, как эзотерический. В данном случае функция понимается в ее исходном смысле – в качестве отношения. Отношение предполагает принципиальную соотносимость её элементов, другими словами, функционирование текста в качестве философ-

ского может осуществляться лишь в том случае, если он может быть квалифицирован как философский, то есть обладает признаками такового. Текст представляет собой сложное образование, является фокусом пересечений множества различных плоскостей действительности, и трактовать его однозначно может оказаться достаточно сложно, поэтому такие ситуации, когда текст одного типа воспринимается как текст другого типа, являются вполне возможными. Вместе с тем, контекст проблемы типологической идентификации текста в свете коммуникативных проблем становится еще шире.

Среди текстов, которыми оперирует современное философское сообщество в процессе коммуникации, есть тексты, пришедшие из других культур, по отношению к которым данная (допустим, русская) культура является принимающей, а также тексты, изначально написанные и изданные на ином, отличном от русского, языке. Такие тексты, попадая в принимающую культуру, осваиваются ей, маркируются в отношении их типа – философский, научный, художественный, эзотерический, социологический текст и пр. – приобретая ценность для того или иного (часто – сразу для нескольких) сообщества. В процессе актуализации текста в культуре могут возникнуть известные проблемы, а именно: на этапе перевода текст может быть значительно искажен по отношению к тексту на языке культуры-донора (можно сказать, что значительному искажению здесь подвергается именно «намерение текста»). Прежде этого, на этапе формирования запроса может произойти ложное понимание направленности данного текста, и соответственно, выпущенный в издательстве, чья сфера деятельности и компетенции не соответствует специфике текста, он может быть донесен до читателя со значительными искажениями (в данной статье мы не будем производить анализ возможных искажений, скажем только, что в контексте указанной проблематики их, во-первых, может существовать множество, а во-вторых, возможным представляется создать типологию искажений по тому или иному основанию). Мы предполагаем, что могут существовать и другие обстоятельства (возможно, неязыковой или невербальной природы), которые оказывают влияние на определение типа того или иного текста.

Применив указанную по отношению к философским текстам градацию к различным сферам коммуникации, становится ясным, что один и тот же текст может быть расценен, к примеру, как «в высокой степени научный» и в то же время обладающий большой философской ценностью, допустим, благодаря далеко идущим выводам мировоззренческого характера (например, некоторые труды А. Эйнштейна).

Текстов, тип которых может трактоваться неоднозначно, множество. Это означает, что явление, с которым мы имеем дело (его можно назвать «текст сложной институциональной природы»), широко распространено и содержит массу научных проблем, причастных к областям научного знания от проблем природы текста до проблем межкультурной коммуникации.

Произведем анализ того, каким образом данная проблематика специфицируется в конкретном тексте сложной институциональной природы, в качестве такового мы заявляем текст П.Д. Успенского «Четвертый путь» на русском языке [Успенский, 2001].

Данный текст, как и любой другой, есть совокупность знаков. Важно, что «текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, будь то реальный или вымышленный мир, одно явление, событие или значительный фрагмент действительности. Процесс соотнесения и результат этого соотнесения языкового выражения в действительности называется референцией» [Теория текста, 2010, с. 110]. Иными словами, философский текст должен быть соотносим с неким внетекстовым сегментом действительности, где возникает «фокус» восприятия данного текста как философского благодаря маркерам «относимый к философскому». Референция данного текста валидна в философской коммуникации, в пространстве, «чувствительном» для восприятия чего-либо философского. Актуализация философского потенциала текста возможна с помощью выявления маркированных знаков, содержащихся в данном тексте, в философском сообществе.

Философский текст, в качестве основного элемента, который организует понимание, имеет философское понятие. Данная категория, как мы считаем, является выражением рефлексии автора в свернутом виде. Например, понятие сознания является философским, если задается соответствующим контекстом, который, как показывает специальная литература [Лахути, 1999], может значительно варьироваться. Тем не менее, понятие сознания, как знак, взятый в отношении его семантической структуры, может также задавать и тип текста, ведь, как мы считаем, данное понятие в тексте П.Д. Успенского «Четвертый путь» является свернутой философской рефлексией, вписанной в общефилософский контекст, а следовательно, выражающей характер понятия в структуре данного текста.

Подобным образом, категориальный аппарат произведения может служить определению типа текста, в котором он используется. Говоря о категории, как о наиболее общем, обладающем большой «мощно-

стью» понятии, имеющем априорный характер, нужно иметь в виду, что сама система координат (основанная на совокупности используемых категорий), в которой находится текст, может иметь глубинную связь с той системой категорий, в которой работает философия. Специфичным признаком философского текста является эксплицитность его категорий. К примеру, категория пространства (в связи с понятием масштаба и представлением о пространственной обусловленности человеческого познания) имеет в исследуемом тексте явно философский контекст, учитывая тот факт, что данная категория становится предметом обширного по объему и детального по содержанию анализа в более ранней работе П.Д. Успенского «Новая модель вселенной» [Успенский, 1993].

Наряду с отдельными знаками, в структуре значения которых может быть заложена информация о типе текста, в состав которого они входят, сам текст, взятый в целом, также является знаком. В процессе интерпретации данного текста как знака, функционирующего среди других знаков, правомерно предположить, что в качестве индикатора типа текста, являющегося компонентом семантической структуры данного знака, симметричной референциальной структурой, внешней по отношению к данному знаку, будет являться философский характер идей П.Д. Успенского.

Таким образом, при анализе типа текста могут приниматься во внимание знаки разного уровня и объема, и данная совокупность знаков находится в постоянном процессе семиозиса. Под семиозисом здесь подразумевается семиозис знаков, а не объектов природы и действительности; реконструкция и создание новых знаков на основании уже существующих. Так, новая интерпретация типа текста П.Д. Успенского на основании нового понимания значимых в данном отношении элементов текста, наделяет само произведение как знак новыми качествами, создавая, таким образом, новый знак. Наш текст, с этой позиции, является «точкой активности» данного процесса. Мы полагаем, в духе идей «Открытого произведения» У. Эко [Эко, 2004], что процесс становления исследуемого текста в культуре продолжается, и само это произведения «творится» по сей день.

Мы предприняли попытку показать методiku определения типа текста и пришли к следующим выводам: процесс типологической идентификации текста предполагает анализ множества проблем. Как правило, текст имеет ту или иную степень ценности, или востребованности, в нескольких коммуникативных сообществах, где может быть одновременно актуальным. Тип некоторых текстов может быть крайне

сложным для определения, их можно назвать текстами сложной институциональной природы. К таковым относятся тексты, определение типа которых либо принципиально невозможно, либо существенно осложнено структурой самих этих текстов. В современной философской коммуникации одним из таких является текст П.Д. Успенского «Четвертый путь», одновременно маркируемый и как эзотерический, и как философский. В процессе анализа мы выяснили, что текст Успенского несет в себе большой философский потенциал, который возможно актуализировать для функционирования в философской коммуникации, и первым шагом в данном процессе мы считаем типологическую идентификацию данного текста.

Литература

- Валгина Н.С. Теория текста [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm>
Теория текста / под ред. А.А. Чувакина. М., 2010.
Лахути Д.Г. О некоторых проблемах перевода англоязычной, философской, логической и историко-математической терминологии на русский язык // Вопросы философии. 1999. №11.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве СПб., 1998.
Пятигорский А.М. Вспомнишь странного человека. М., 1999.
Руднев В.П. Гурджиев и современная психология. М., 2010.
Успенский П.Д. Новая модель вселенной. СПб., 1993.
Успенский П.Д. Четвертый путь. М., 2001.
Эко У. Открытое произведение. М., 2004.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИИ ЧЛЕНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Д.А. Ичкинеева

Ключевые слова: текст, тема, микротема, членение, континуальность, дискретность.

Keywords: text, theme, microtheme, segmentation, continuity, discontinuity.

Дискретность и континуальность (прерывность и непрерывность) являются категориями, характеризующими бытие и мышление

ние; процесс познания действительности связан с выделением отдельных предметов, с их наименованием, с их отождествлением между собою, с превращением непрерывного в дискретное, текучего в жесткое [Горский, 1961, с. 76]. В филологии нашла свое отражение антиномия дискретного и континуального характера языка – язык можно рассматривать как дискретно-континуальное единство, проявляющееся на всех уровнях языка и речи. На наш взгляд, наиболее интересной стороной изучения дискретности / континуальности может быть рассмотрение данных явлений на уровне интегральной языкоречевой единицы – текста.

В этой связи представляется актуальным исследовать механизмы дискретизации / континуализации глубинной (семантической) структуры текста. Так, Л.Н. Мурзин отмечал, что «глубинный уровень текста (семантика) также структурирован, состоит из некоторой цепочки компонентов как результата расчленения единого глобального объекта описания» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 30], однако остается невыясненным, как происходит дискретизация семантического пространства текста в процессуальном, функциональном и структурном аспектах; какие стратегии дискретизации могут быть выделены.

Полагаем, что членение семантического пространства текста обусловлено аналитической и синтетической стратегиями мышления: аналитичность соотносится с более объемной, а синтетичность (полярное понятие) – с минимальной расчлененностью понятийной сферы [Голубева, 1989; Клаус, 1987]. Таким образом, категории дискретности / континуальности могут быть востребованы при обращении к понятиям аналитической / синтетической стратегий мышления: аналитическая стратегия соотносится с максимальной дискретизацией семантического пространства, а синтетическая – с его континуализацией. На наш взгляд, изучение стратегий дискретизации текста можно осуществлять при помощи метода *семантического картирования текста*, созданного для количественного моделирования его семантической организации [Белоусов, 2008, с. 227].

Перед информантами (52 студентами-филологами 1–5 курсов) ставились задачи: 1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. Задания выполнялись каждым испытуемым индивидуально. Время проведения экспери-

мента не ограничивалось. В качестве материала был взят текст И.А. Бунина «Русь» [Бунин, 1992, с. 198].

Русь

Старуха приехала в Москву издалека. Свой северный край называет Русью. Большая, бокастая, ходит в валенках, в теплой стеганой безрукавке. Лицо крупное, желтоглазое, в космах толстых седых волос, – лицо восемнадцатого века.

Спросил ее как-то:

– А сколько вам лет будет?

– Семьдесят семь, господин милый.

– А вы, дай Бог не сглазить, еще совсем хоть куда.

– А что ж мне? Это года не велики. Наш родитель до ста лет дожил.

Чаю она не пьет, сахару не ест. Пьет горячую воду с черным хлебом, с селедкой или солеными огурцами.

– Вы никогда, небось, и не хворали?

– Нет, трясовица была на мне, порча на мне была. Мужа страшилась: как он ко мне с любовным чувством, меня и начинало трясти, корежить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно из ее любимых. Про большевиков говорит очень строго:

– Не смеют они так про Бога говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!

Ее рассказы о родине величавы. Леса там темны, дремучи. Снега выше вековых сосен. Бабы, мужики шибко едут в лубяных санках, на кубастых лохматых коньках, все в лазоревых, крашеного холста тулупах со стоячими аршинными воротами из жестокого псиного меху и в таких же шапках. Морозы грудь насквозь прожигают. Солнце на закате играет как в сказке: то блещет лиловым, то кумачовым, а то все кругом рядит в золото или зелень. Звезды ночью – в лебяжье яйцо.

Тема текста репрезентирует целостность текста, микротемы – субцелности (термин Л.В. Сахарного), то есть интегральные компоненты (или макрокомпоненты) членения семантического пространства текста. При этом количество микротем является показателем степени членения семантического пространства. В ходе эксперимента наблюдался весьма большой разброс количества выделенных микротем (от 2 до 16). Для нас же интересны данные, кото-

рые в наиболее заостренной форме отражают проявления дискретизации / континуализации, то есть «полярные» случаи.

Для того, чтобы определить какие реакции являются «полярными» было подсчитано среднее количество микротем (8,4), и стандартное отклонение (4,4). Проявлениями определенной стратегии членения считались показатели, превышающие следующее значение: среднее количество микротем \pm стандартное отклонение. Таким образом, «полярными» случаями для текста «Русь» являются микротемы, численные показатели которых больше 12,8 и меньше 4, то есть дискретизация цельности на 2 или 3 субцельности является признаком синтетического способа членения, на 13–16 – аналитического. Мы рассмотрим реакции, относящиеся к проявлениям «чистого» аналитизма и синтетизма.

Синтетизм (минимальная дискретность):

2 микротемы (1 информант, Ии. П.М.):

Природа (леса там темны, дремучи; вековые сосны; морозы грудь насквозь прожигают; звезды ночью – в лебяжье яйцо).

Образ жизни (чаю не пьет; сахару не ест; пьет горячую воду с чёрным хлебом; едут в лубяных санках; крашеного холста тулупах со стоячими аршинными воротами из жёсткого псиного меху и таких же шапках).

В приведённой реакции информанта курсивом выделены названия микротем, в скобках – слова, репрезентирующие микротему в тексте.

В данной реакции информант выделяет микротемы *Природы* и *Образ жизни*. Семантическое пространство микротемы *Природа* представлено образами мира растений (леса, сосны), животных (лебяжье, яйцо), космического пространства (звёзды), явлений природы (морозы), которые реализуют своё семантическое значение через образ человека (грудь насквозь прожигают). Таким образом, информант, применяющий синтетическую стратегию членения семантики текста, связывая в одной микротеме несколько образов, объединяет их, в процессе осмысления синтезирует понятия, обозначающие растения, животных, человека и космос, при этом каждый из этих образов является частью другого. Показательным является и то, что информант в данной микротеме выделил слова, образующие целые предложения в тексте (*Леса там темны, дремучи; морозы грудь насквозь прожигают; звезды ночью – в лебяжье яйцо.*), то есть нерасчлененность семантического пространства в данной реакции представлена нерасчлененной синтаксической структурой.

Микротема *Образ жизни* включает слова, относящиеся к описанию, как образа жизни старухи, так и образа жизни народа – информант объединяет в общем семантическом пространстве образы старухи и народа (представителем которого она и является). В этом случае автором используется метонимическая замена (образ старухи как образ народа). При выделении данной микротемы наблюдается та же тенденция континуализации семантического пространства при помощи воспроизведения структуры предложения. Подтверждением этому служит и то, что информант выписывал целые отрывки предложений с предлогами и союзами, а также то, что *слова выписаны в той грамматической форме, в какой они представлены в тексте*. То есть информант, выделяя микротему образа жизни, связывает её с другими семантическими полями текста.

Во всех реакциях информантов, выделивших 3 микротемы (7 человек) присутствовали *Образ старухи* и *Рассказы о родине*. Доминирование данных микротем свидетельствует о том, что эти образы являются центральными в рассказе. Кроме вышеупомянутых, информанты выделяли микротемы близкие по значению к *Образу старухи*: *Здоровье старухи*, *Любимое слово*, *Отношение к большевикам*, и т.д., а также близкие к микротеме *Рассказы о родине*: *Народ северного края*, *Природа Руси и т. д.* Появление данных микротем указывает на попытку установить некую иерархию семантического пространства при общей тенденции синтетического способа членения.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что *при использовании синтетической стратегии дискретизации* в процессе осмысления текста информант находится под влиянием контекста: использует фиксированные синтаксические конструкции, сохраняя при этом даже авторскую расстановку знаков препинания.

Аналитизм (максимальная дискретность) проявляется у 3 информантов в членении семантического пространства на 13, 14 и 16 микротем. Данные информанты выделили следующие микротемы:

16 микротем (Ии. М.Е.):

Внешние характеристики старухи (*большая, бокастая; лицо крупное, желтоглазое, в космах толстых седых волос*).

Возраст (*семьдесят семь, до ста лет; года не велики*).

Телесные процессы (*трясти, корёжить, хворать*).

Еда (*чай, сахар, чёрный хлеб, солёные огурцы, сельдька*).

Религия (*Бог*).

Болезни (*трясовица, порча*).

Проклятие (*сжечь*).

Цвета (тёмны, в лазоревых, лиловым, кумачовым, золото, зелень, седой, чёрный).

Природа (снега, леса, солнце, звезды).

Одежда (тулупы, шапки, вороты, валенки, безрукавки).

«Действия» природы (играет, блещет, рядит, прожигает).

Люди (старуха, бабы, мужики).

Формы (кубастые, стоячие).

Характеристики (лубяные, крашенный, стёганный).

Время суток (на закате, ночью).

Материя (псиний мех, холст).

При аналитическом способе членения (13–16 микротем) подобное количество микротем обусловлено более детальным рассмотрением центральных образов рассказа: *Образ старухи* и *Рассказы о родине*. Появление таких микротем как *Действие природы*, *Одежда*, *Возраст*, *Еда* и др. позволяет сделать предположение об иерархической организации семантического пространства текста информантов-аналитиков. Слов, выделенных в микротемах, гораздо меньше (среднее количество слов, репрезентирующих одну микротему при аналитическом способе членения равно 4,25), чем при использовании синтетической стратегии членения (23 слова), и все они раскрывают только одно явление в рамках данной микротемы. На рисунке 1 представлена модель организации семантического пространства текста (аналитический способ членения).

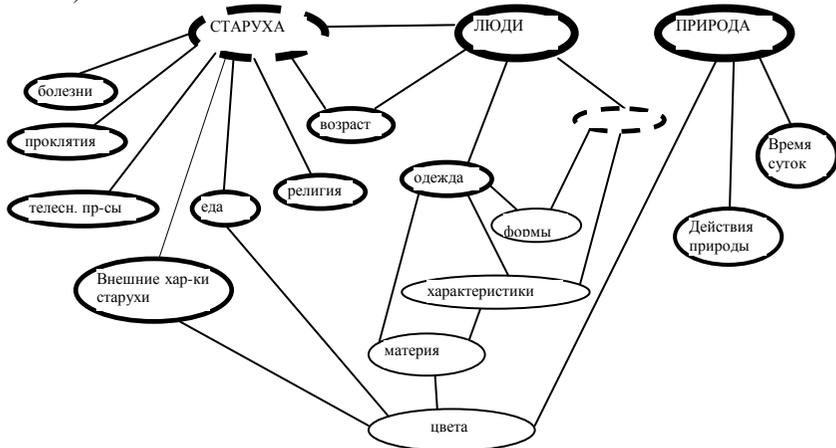

Рис. 1. Модель аналитического способа членения семантического пространства текста И.А. Бунина «Русь» (реакция Ии. М.Е.)

Примечание. На рисунке 1 используются следующие обозначения: двойными линиями отмечены микротемы, репрезентирующий первый уровень иерархии, жирными – второй, обычными – третий. Пунктирными линиями обозначены микротемы, воссозданные в процессе моделирования.

Данная модель была построена на основе слов, репрезентирующих микротемы в реакции Ии. М.Е. Связи семантических компонентов модели были обнаружены на основании контекста. Например, в микротеме *Одежда* информант М.Е. выделял слова, относящиеся к описанию людей (тулупы, шапки, вороты, валенки), и описанию старухи (безрукавки), поэтому компонент модели *Одежда* имеет связь с компонентами *Старуха* и *Люди*. В данной реакции информант не выделил микротему *Образ старухи* (что нечастотно), но этот образ складывается из других микротем т.к. слова, которые их представляют, относятся к описанию старухи (еда, которую предпочитает *старуха*, возраст *старухи*, болезни *старухи*, внешние характеристики *старухи* и т.д.). Некоторые слова, которые информанты выделяли в микротемах *Характеристики* и *Формы*, относятся к описанию явлений, не выделенных в отдельную микротему (например, кубастые, лубяные). Данные слова являются описанием предметов (средств передвижения), которые в тексте описывают люди, то есть они связаны с микротемой *Люди* опосредованно. Поэтому был введён незаполненный сектор модели (на рисунке 1 такие компоненты обозначены пунктиром). При помощи данной модели можно судить об иерархическом членении семантического пространства информантами – аналитиками. Основными «сегментами» членения семантического пространства являются *Старуха*, *Люди*, *Природа* – это элементы первого уровня иерархии. Другие микротемы (*Болезни*, *Проклятия*, *Еда*, *Одежда*, *Время суток* и т.д.) относятся ко второму уровню, потому что, так или иначе, являются описанием элементов первого уровня, микротемы *Формы*, *Характеристики*, *Материя*, *Цвета* – к третьему по тому же принципу, при этом в некоторых случаях *Материя* является элементом четвёртого уровня, а *Цвета* – четвёртого и пятого. Компонент *Цвета* вообще обнаруживает универсальность, проявляясь на всех уровнях иерархии кроме первого, что свидетельствует о том, что он является интегрирующим, связывающим все уровни иерархии.

В отличие от синтетического способа членения семантического пространства, слова, репрезентирующие некоторые микротемы при аналитическом способе членения, выписаны в начальной форме

(*Еда, Люди, Характеристики*), что указывает на отрыв от контекста. Заметим, что и у информантов, выделивших 13 и 14 микротем, встречались микротемы, слова к которым были выписаны в начальной форме, что также говорит об относительной независимости от контекста аналитического способа членения семантического пространства текста. Кроме того, в реакциях данных информантов-аналитиков наблюдалась отмеченная нами ранее тенденция иерархизации семантического пространства с выделением «сквозных» микротем (в рассмотренном примере это микротемы *Цвета, Материя*). Таким образом, можно сделать вывод, что информанты-аналитики сначала максимально членят семантическое пространство текста, делают фрагменты членения относительно автономными, а потом при помощи «сквозных» микротем стараются обнаружить связи между различными образами одного текста.

Результаты изучения аналитической и синтетической стратегий членения семантического пространства дают основания полагать, что использование данных стратегий имеет свои особенности: для информантов-синтетиков характерна минимальная расчленённость понятийной сферы, в отличие от аналитиков, которые, обращая особое внимание на признаки явлений, выделяя их, пытаются установить иерархические связи между компонентами семантического пространства; при осмыслении отдельных компонентов аналитики в большинстве случаев членят семантическое пространство исходя из собственного (не обусловленного контекстом) опыта, в то время как дискретизация синтетиков основана на контексте.

Литература

- Белоусов К.И. Синергетика текста : от структуры к форме. М., 2008.
Бунин И.А. Окаянные дни : Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула, 1992.
Голубева Э.А. Способности и склонности. Комплексные исследования. М., 1989.
Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.
Клаус Г. Введение в дифференциальную психологию. М., 1987.
Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику : Курс лекций. Л., 1989.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «НАРОД» (ОПЫТ АССОЦИАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

И.В. Коноваленко

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, лингвистическая модель, народ.

Keywords: associative experiment, concept, linguistic model, people.

Цель данной статьи – выявить с помощью ассоциативного эксперимента компоненты структуры концепта «народ» и, определив соотношение полученных ассоциатов в структуре данного концепта, представить его лингвистическую модель.

Термин концепт, как справедливо отмечают исследователи, является «зонтиковым» и «покрывает области разных направлений» [Воркачев, 2003, с. 5], является «неуловимым, диффузным, неоднородным» [Маслова, 2007, с. 15]. В связи с этим проблема дифференциации концепта – одна из дискуссионных в современном языкознании. Термин востребован современной лингвистикой, но не имеет единого определения в силу своей многогранности. В задачу данной статьи не входит рассмотрение данного понятия в рамках разных научных парадигм. Мы исходим из установки, что концепт представляет собой один из видов когнитивных структур сознания. Для анализа концепта в работе использовалась лингвистическая модель концепта (психолингвистическая схема), предложенная В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 2001, с. 79]: тело знака (имя знака, звуковая оболочка слова); понятие как «единица, отражающая объективно существенное в предметах и явлениях, формирующееся в индивидуальном сознании»; «представление как «чувственный образ предметов, ранее воздействовавших на органы чувств» [Пищальникова, 2001, с. 15], ассоциации, эмоции, оценка.

Концепт «народ» является, на наш взгляд, ценностно нагруженным. Мы ставим его в один ряд с концептами «родина», «отечество». Исследуя данный концепт (его структуру, компоненты через полученные ассоциаты), мы можем проследить «ценностный срез современности», а именно: каким «видят» (чувствуют, осознают) испытуемые народ. Феномен народа исследуется в первую очередь в политологии, социологии. Лингвистика начинает обращаться к данному концепту, насколько нам известно, в последние десятилетия. Большую роль в этом, на наш взгляд, играет развитие нового направления – политической лингвистики. В рамках данной

статьи хотелось бы указать следующие исследовательские работы, авторы которых обращаются к анализу феномена «народ» в разных научных парадигмах. Работы М.В. Гавриловой [Гаврилова, 2006, 2009] представляют концепты «народ», «власть», «Россия» как ключевые в русском политическом дискурсе. Автор анализирует их с точки зрения исследования инаугурационных выступлений президентов. В работах показаны представления о народе российских президентов Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, Д.А. Медведева. На взгляд М.В. Гавриловой, народ в устах президента – это «активные граждане, свободные и трудолюбивые, объединенные общей целью, которые добьются личного успеха и процветания страны» [Гаврилова, 2009, с. 148]. С точки зрения лингвокультурологии хотелось бы отметить работу А. Филатовой, где автор рассматривает концепт «интеллигенция» в сопоставлении с концептом «народ» и приходит к выводу, что интеллигенция выступает как антитеза народу или «как «малый народ», для которого “большой народ” становится материалом для своих грандиозных замыслов» [Филатова, 2005, с. 214]. На взгляд автора, «интеллигенция наделяет формой и направляет по своему характеру стихийные и хаотичные массы». Психолингвистический аспект описания представлен в работе Р.М. Фрумкиной [Фрумкина, 2001, с. 198], где автор проводит ассоциативный эксперимент со школьниками России и Польши и выбирает стимулы: народ, армия, парламент, перестройка, коммунизм, Ленин, Горбачев, Ельцин, демократия, президент – с целью описания сферы политики («я и общество») и сравнения ее со сферой морали («я и ближние»).

В качестве методики нашего исследования с целью определения структуры концепта «народ» и соотношения ассоциатов в структуре данного концепта выбран свободный ассоциативный эксперимент. Как отмечает Е.И. Горошко, этот метод представляет весьма эффективный, высокоинформативный исследовательский инструмент, зарекомендовавший себя для решения когнитивных, психолингвистических, культурологических задач [Горошко, 2005].

Охарактеризуем проведение эксперимента. Испытуемому предлагалась в относительно гомогенной по возрасту (17–25 лет) и гомогенной по профессиональному статусу (студенты) группе анкета, первая часть которой представляла собой ассоциативный эксперимент (был дан письменный набор слов-стимулов: «власть», «народ», «толерантность», «интолерантность»). В качестве инструкции предлагалось написать первые слова, которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул). Вторая часть анкеты (представить словесный портрет реального/идеального представителя власти) направлена на изучение семантики данных слов. Третья

часть представляет собой психологический опросник Басса-Дарки (13 вопросов, выявляющих индивидуальную вербальную агрессию испытуемого). На ответы всех вопросов анкеты давалось 10 минут. Были опрошены 132 человека (студенты Омского государственного университета, Омской Медицинской академии, Омского педагогического колледжа), получено 449 реакций, из которых были проанализированы первые реакции (132), чтобы исключить зависимость между последовательно наступающими реакциями. Язык анкеты был родным для испытуемых. Индивидуальные различия студентов (пол, возраст, направление учебной деятельности) не исследовались. Отказов не было. Эксперимент проводил автор исследования и его коллеги-преподаватели, которые прошли предварительный инструктаж относительно проведения условий эксперимента, а именно: формулировки заданий и времени работы испытуемых.

Представим результаты эксперимента.

Люди	27	голосование	1
Толпа	25	Община	1
Демократия	13	Грязь	1
общество	10	тупость	1
масса	8	Публика	1
сила	3	правительство	1
множество	2	Folks Wagen	1
стадо	2	беднота	1
много	1	праздник	1
Страна	1	объединение	1
Масса людей	1	Слава	1
единство	1	земля	1
мнение	1	нищий	1
сплоченность	1	Дружный	1
массы	1	дедушка	1
Группа людей	1	группа	1
управление	1	воля	1
население	1	демос	1
скупой	1	граждане	1
простота	1	нация	1
Простые люди	1	национальность	1
Свобода	1	демонстрация	1
Не имеющий власти	1	Этническая группа	1
город	1	бедность	1
нищета	1	Инициатива	1

Как мы видим, чаще представлены парадигматические реакции (то есть ассоциации именного типа, как и слово-стимул). Синтагматические представлены адъективным («дружный», «нищий»), адвербиальным («много») типами, реакциями-словосочетаниями («простые люди», «не имеющий власти»).

Чтобы определить реакции-понятия в структуре концепта, рассмотрим определение народа по словарю русского языка [Толковый словарь русского языка, 2006]: «народ» – 1. Население государства, жители страны 2. О нации, национальности, народности. 3. Основная трудовая масса населения страны 4. То же, что и люди. В качестве репрезентантов понятийного компонента концепта испытуемыми были актуализированы следующие ассоциаты: *люди* (27), *страна*, *масса людей*, *группа людей*, *население*, *граждане*, *нация*, *национальность*, *этническая группа*, *группа*, *демос* (37 ассоциатов, 28%). В данной группе можно наблюдать синонимические отношения между ассоциатами: жители, население, граждане (к первому значению), этническая группа, нация, национальность (ко второму значению), люди, масса людей, группа людей (к четвертому значению).

Ассоциации-представления в структуре концепта «народ»: *демократия* (13), *общество* (10), *город*, *мнение*, *управление*, *демонстрация*, *голосование*, *община*, *публика*, *правительство*, *объединение*, *земля*, *инициатива* (34 ассоциата, 26%).

Большая часть ассоциатов представляет собой оценку и эмоции: *толпа* (25), *масса* (8), *сила* (3), *множество* (2), *стадо* (2), *массы*, *много*, *скупой*, *простота*, *простые люди*, *нищета*, *нищий*, *беднота*, *бедность*, *не имеющий власти*, *грязь*, *тупость*, *единство*, *сплоченность*, *свобода*, *слава*, *праздник*, *дружный*, *воля* (59 ассоциатов, 44%). Высокий показатель проявления оценки и эмоции, доказывает, на наш взгляд, ценностную «нагруженность» концепта «народ». Испытуемые показывают двойственную оценочность «народа». С одной стороны, это «единство», «сплоченность», т.е. своего рода цельность, общность, это «сила» как проявление могущества, влияния, это также «дружный» как связанный взаимным согласим, единомышленный, с другой стороны, «стадо» (пренбр.), «тупость» (пренбр.), «беднота» (разг.).

+	-
Сила	Стадо
Единство	Грязь
Сплоченность	Тупость
Слава	Беднота, бедность
Дружный	Нищий, нищета
праздник	Не имеющий власти

Реакции-ассоциации на нашем материале были немногочисленны: *дедушка, Folks Wagen* (2 ассоциации, 2%).

Сравнивая ассоциации, полученные в ходе нашего эксперимента, с данными русского ассоциативного словаря [Русский ассоциативный словарь, 2002], мы можем проследить определенные изменения ассоциативных реакций. В словаре на слово-стимул «народ» частотной является реакция «толпа» (в нашем эксперименте эта реакция также одна из частотных), но, по данным этого словаря, ни в ядре, ни на периферии нет даже единичной реакции «люди» на данный стимул (на нашем материале это оказалась самая частотная реакция). Словарь представляет следующие наиболее частотные реакции на слово-стимул «народ»: «толпа» (16 реакций при общем количестве испытуемых 109), «безмолвствует» (6 реакций), «и партия», «русский» (5 ассоциатов). Как мы представили выше, по данным проведенного нами эксперимента в ядро входят такие реакции, как «люди» (27 ассоциатов на 132 испытуемых), «толпа» (25 ассоциатов), «демократия» (13 ассоциатов), «общество» (10 ассоциатов). В словаре реакции «демократия», «общество» отмечены не были. Возможно, эти изменения могут быть связаны с социальными преобразованиями, когда народ уже связывается не с партией как ключевой силой и не с безмолвием, а с демократическим типом общества.

Продемонстрируем полученные данные в виде лингвистической модели концепта «народ».

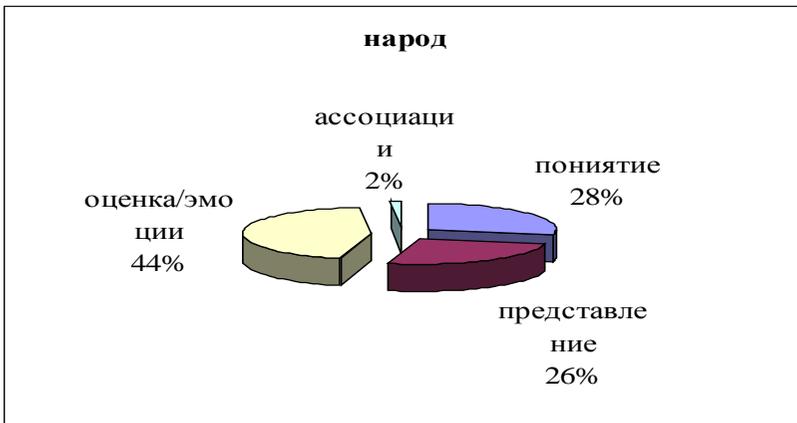

Рис. 1. Лингвистическая модель концепта «народ».

Представим полученные выводы.

По результатам проведенного эксперимента представлена лингвистическая модель концепта «народ», для чего определена структура данного концепта, выявлены ассоциаты на слово-стимул «народ» и определено их соотношение в структуре концепта. Охарактеризуем полученные ассоциативные реакции:

1. Реакции-понятия: люди, страна, масса людей, группа людей, население, граждане, нация, национальность, этническая группа, группа, демос (37 ассоциатов, 28%);
2. Реакции-представления: демократия, общество, город, мнение, управление, демонстрация, голосование, община, публика, правительство, объединение, земля, инициатива (34 ассоциата, 26%);
3. Реакции-оценка/эмоции: толпа, масса, сила, множество, стадо, массы, много, скупой, простота, простые люди, нищета, нищий, беднота, бедность, не имеющий власти, грязь, тупость, единство, сплоченность, свобода, слава, праздник, дружный, воля (59 ассоциатов, 44%);
4. Реакции-ассоциации: дедушка, Folks Wagen (2 ассоциации, 2%).

На нашем материале чаще представлены парадигматические ассоциации при единичных синтагматических. В парадигматических наблюдаются синонимические отношения, двойственность оценок народа. При сравнении полученных данных с данными русского ассоциативного словаря можно проследить определенную ассоциативную динамику. Ассоциации, которые десять лет назад были частотными на слово-стимул «народ» («безмолвствует», «и партия») не встречаются сегодня даже в качестве единичных реакций, в свою очередь в ядро выходят «демократия», «общество».

Проведенное исследование представляет лингвистическую модель концепта «народ», его структуру, компоненты, соотношение ассоциативных реакций в структуре данного концепта. Такие исследования на современном этапе помогают проследить ценностный срез современности: каким «видят» (чувствуют, осознают) испытываемые народ.

Литература

Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24.

Гаврилова М.В. Лингвистические механизмы формирования имиджа России в инаугурационных речах российских президентов // Имидж государства / региона в современном информационном пространстве : материалы симпозиума 23–24 марта 2009 года. СПб., 2009.

Гаврилова М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Политекс. СПб., 2006. № 1.

Горошко Е.И. Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2005. № 3.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.

Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.

Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М., 2002.

Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 2006.

Филатова А. Концепт интеллигенция в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. 2005. № 6 (51).

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.

ЯВЛЕНИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК СТИЛЕВАЯ ПРИМЕТА ТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РАССКАЗА

А.С. Ерушова

Ключевые слова: включение, интертекстуальность, рассказ.

Keywords: inclusion, intertextuality, short story.

Интерес к явлению «текста в тексте» наметился в отечественной и зарубежной филологии несколько десятилетий назад: ставшие общеизвестными работы русских и зарубежных, преимущественно французских, теоретиков и историков литературы (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Ж. Женетт) повлекли за собой ряд исследований, касающихся теории диалогизма, «чужого слова» (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц), взаимодействия вербальных и невербальных текстов (Б.М. Гаспаров, И.П. Ильин, Р. Лахманн, М. Риффатер, Ю.Н. Тынянов, М.Б. Ямпольский и др.). В 1980-е и 1990-е годы отдельные аспекты теории межтекстового взаимодействия, в первую очередь, явление интертекстуальности, разрабатывались особенно интенсивно, однако и в начале XXI века, внимание исследователей-филологов к интертекстуальности, прецедентным текстам, «чужому тексту», «тексту в тексте», «включённому тексту» по-прежнему не угасает (И.В. Арнольд, Г.В. Денисова, Т.Е. Литвиненко, Г.И. Лушникова, Н.В. Петрова, Н.В. Семенова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева,

В.Е. Чернявская и др.).

Большая часть монографий, диссертационных исследований, посвящённых интертекстуальности, «чужому слову», базируется на литературоведческом подходе к предмету исследования, что объясняется, в первую очередь, постановкой заявленной проблемы и возникновением данного термина в работах теоретиков литературы М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта и др. Собственно лингвистических работ, рассматривающих интертекстуальные включения, насчитывается немного: исследования И.В. Арнольд, Н.А. Фатеевой, Г.В. Денисовой, И.П. Смирнова, Н.А. Кузьминой, Н.С. Валгиной, В.Е. Чернявской и других филологов. В работах названных авторов суммируются определения понятия *интертекстуальность*, особое внимание уделяется природе межтекстового включения (И.В. Арнольд, Г.В. Денисова), определяются функции межтекстовых отношений в художественном тексте и выделяются их основные типы (Н.А. Фатеева), при этом межтекстовое взаимодействие исследуется не только на основе художественных произведений, но и на материале научных (Н.С. Валгина, В.Е. Чернявская), публицистических, рекламных и прочих видов текстов (монографические и диссертационные исследования последнего десятилетия).

Множество подходов к изучению включённого текста обусловило разнообразие, а порой и смешение терминов для обозначения репрезентантов межтекстового взаимодействия. Так, И.В. Арнольд определяет репрезентанты интертекстуальности как «текстовые включения» или «интексты» [Арнольд, 2010], Н.С. Валгина – как «текст в тексте», «иновключения», «интертекстуальные включения» [Валгина, 2003], Н.А. Фатеева – как «интертекстуальные элементы» [Фатеева, 2000], в работах В.Е. Чернявской фигурируют термины-словосочетания «формы интертекстуального взаимодействия» [Чернявская, 2006], «интертекстуальные отсылки» [Чернявская, 2009], в исследовании Е.В. Михайловой рассматриваются «типы межтекстовых связей»¹, в диссертации Т.Е. Литвиненко анализируются «интертекстуальные единицы»², М.Е. Обнорская, Е.Г. Воскресенская используют как тождественный понятиям интекст и интертекст термин «интертекстуальные

¹ Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Волгоград, 1999.

² Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.05, 10.02.19. Иркутск, 2008.

включения»¹. Исходя из предпосылок конкретного направления, целей исследования, вида текста, на материале которого осуществляется изучение включений, учёные-филологи выбирают наиболее логичную и, с их точки зрения, удачную терминологическую лексику для обозначения понятий межтекстового взаимодействия.

На наш взгляд, наиболее нейтральным и приемлемым, вписанным в терминологический ряд, представляется термин «включение». Следует оговориться, что включение в традиционном понимании, например, в исследованиях Е.И. Гавриловой, М.Н. Кулаковского, О.В. Марьиной², ассоциируется с вводными или вставными конструкциями. Мы же рассматриваем явление включения как синонимичное понятиям «вставной текст», «текст в тексте», поскольку подобное понимание термина выводит на уровень обобщения; в нашем понимании термин *включение* выступает своего рода гиперонимом по отношению к различным видам текстовых вкраплений – цитате, референции, аллюзии, реминисценции, автоцитате, эпиграфу, прецедентному имени и т.д. Употребление дефиниции *включение* мотивировано также тем, что основным признаком репрезентантов межтекстового взаимодействия является их *включённость* в текст.

В рамках нашей работы включения рассматриваются как одна из стиливых примет рассказов современных прозаиков (А. Боссарт, М. Вишневецкая, З. Прилепин, Н. Ключарёва, М. Палей, Н. Рубанова, К. Рубина, Н. Толстая, С. Шаргунов, М. Шишкин и др.), предпочтение при анализе было отдано рассказам, созданным в последнее десятилетие. С целью изучения особенностей реализации включений было рассмотрено около 80 текстов рассказов названных прозаиков. Общее количество собранного и обработанного материала составило свыше 400 примеров.

Важными компонентами, образующими анализируемую стиливую примету, являются, по нашему мнению, характер использования

¹ Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Барнаул, 2004.

² Гаврилова Е.И. Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Новосибирск, 2002; Кулаковский М.Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20-30ых годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1996; Марьяна О.В. Вставные конструкции как проявление (показатель) авторской позиции в художественном тексте (на материале русских прозаических текстов, созданных в 1980-е – 2000-е гг.) // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации». Барнаул, 2009.

включений в тексте рассказа, способы их введения в текст, выполняемая ими функция, а также типы и источники включений.

В текстах русского рассказа начала XXI века прослеживается тенденция к превалярованию некоторых видов включений.

Основной пласт включений образуют точные и трансформированные цитаты: 1. *Пришёл натиричик полов, полез щёткой под диван и выкатил оттуда засохший рождественский мандарин, звонкий как орех. Женечка, а какое сегодня число? – **Надцатое мартабря*** (М. Шишкин «Слепой музыкант»), 2. *От Питера до Турку автобус идёт десять часов. Ноги затекли, спину не разогнуть. **«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной»***, – думала я по дороге в отель (Н. Толстая «Семинар в Финляндии»), 3. *Потом выбирался на дорогу, ведущую в Рай, совершенно пьяный – от воздуха, запахов леса, берёзовых качелей. Шёл и горланил, распугивая сорок: **«Наш Костя, кажется, влюбился!» – кричали грузчики в порту...***» (Н. Ключарёва «Один год в Раю»), аллюзии: 1. *Аннушка перекинула джинсовый рюкзак с одного плеча на другой и побрела к засыпанным белым трамвайным путям. Трамвай не приезжал долго, **и масло на рельсы Аннушка не лила*** (Н. Рубанова «Люди сверху, люди снизу»); 2. *Мне уже надоели прежние названия месяцев. Июль надо переименовать в месяц Белых лебедей. А ноябрь – в месяц Черных журавлей. – Тогда можно было бы говорить: **«Не стреляйте в Белых лебедей»***, – завершил мою мысль белый и смахнул каплю хреновухи с щеки (З. Прилепин «Ботинки, полные горячей водкой»); 3. ***Что делать? ЧТО ДЕЛАТЬ? Эх, Николай Гаврилыч... Неужто плодить нищих и говорить об исполнении биологического долга? Обхохочешься!*** (Н. Рубанова «Люди сверху, люди снизу»). Преобладание цитат и аллюзий объясняется, прежде всего, тем стилистическим, семантическим и текстообразующим потенциалом, какой присущ этим видам включения.

Большую долю включений занимают прецедентные онимы – имена авторов произведений, литературных персонажей, заглавия произведений. Так, например, в рассказе М. Шишкина «Урок каллиграфии» собеседницы главного персонажа незаметно сменяют друг друга: *Софья Павловна – Татьяна Дмитриевна – Настасья Филипповна – Анна Аркадьевна – Ларочка* – вполне узнаваемые «литературные» имена отсылают к известным классическим произведениям. Такого рода точечные ономастические отсылки трактуются некоторыми исследователями (Е.А. Козицкая, В.В. Мароши, А.В. Снигирёв, Н.А. Фатеева) как особый вид интертекстуальных включений, как «очень мощное средство аккумуляции реминисцентного содержания и его реализации

в тексте» [Козицкая, 1999, URL].

В рассматриваемых рассказах включения представлены в неизменённом и трансформированном виде, причём количество последних преобладает, что связано, предположим, отчасти с индивидуально-авторской установкой, отчасти с произвольным характером использования включения. «Варьирование цитаты может осуществляться усечением, разными вставками, изменением порядка слов, грамматическими изменениями компонентов. Если цитата подана фрагментарно, то это обуславливает большую активность читателя, акцентирует импликацию и стимулирует экспрессивный эффект» [Арнольд, 2010, с. 434]. Нами отмечено формальное преобразование включений, которое создаётся за счёт грамматического изменения отдельных компонентов включения (*Подобные образы – не редкость в мозгу, «осыпанном алкоголем», как замечательно выразился поэт Есенин, высоко ценимый, кстати, запойною Зиной за его излюбленную проблематику (А. Боссарт «Проводник»)), посредством усечения цитатного включения (Прямо передо мной выросли две фигуры. Надя Ковальская и её дочка Даша. Обе румяные, как в песенке «гимназистки румяные, ля, ля, ля с каблучков» (К. Рубина «Lacrimosa»)), а также с помощью варьирования порядка слов (синтаксическая инверсия) или предложений (И это всё? После четырёх месяцев монашества – я пишу, я не могу, я устал – всё? Но зачем мне всё это?...» – однако **привычка была дана свыше** (Н. Рубанова «Бабья проза»); *Аннушка играла в свою игру ДЛЯ СЕБЯ; она знала, что придёт Её Время, и вот тогда... из слёз, из темноты... не внемля увереньям бесполезным...* (Н. Рубанова «Люди сверху, люди снизу»)). При семантическом приспособлении к ситуации включение также может формально видоизменяться. В рассказе М. Шишкина «Слепой музыкант» описывается образ, возникший в сознании героини – *<...> окно, в котором можно <...> разглядеть опрокинутую крышу соседнего дома и рыжую верхушку сентябрьской берёзы, опущенную в синее небо, как лисий хвост – ловись, Женя, большая и маленькая,* и реализованный в замене обращения как одного из компонентов цитатного включения. Наряду со структурными преобразованиями встречаются семантические трансформации, выраженные, например, переходом отрицательной формы компонента в утвердительную и наоборот: *Всякая счастливая семья несчастна по своему. Конечно, Ваня и Наташа знавали иные времена. Вот какими я их себе представляю* (М. Палей «Под небом Африки моей»). Подчёркнём, что включения, функционируя в виде модифицированных фрагментов, выражаясь в различных типах преобразований, не теряют ин-*

формативности, поскольку «способны вскрыть нужный смысл благодаря переориентации восприятия в чётко заданном автором направлении» [Валгина, 2003, с. 152].

Включение как стилевая черта текста современного рассказа обладает полифункциональностью: оно делает акцент на ключевых моментах содержания, за его счёт повышается экспрессивность, эмоциональность и оценочность текста, создаётся образность, характер героев. Характерологическая функция включений является одной из базовых: *Теперь же, через несколько месяцев, он, поумневший, глядел на Раю – и, сверяя свои впечатления с книгой (коей являлся сборник переводов на нидерландский русской классической поэзии), самодовольно отмечал: ну да – Глаза, как небо, голубые, // Улыбка, локоны льняные – но! но при этом! – ах, дамы и господа! но при этом! – И голод, и холод выносит, // Всегда терпелива, ровна... <...> В ней ясно и крепко сознание, // Что всё их спасенье – в труде, // И труд ей несёт воздаянье: // Семейство не бьётся в нужде... Wooooo!* – мысленно восхищался Аад, – как это классик так ловко сформулировал то, о чём Аад, глядя на эту женщину, мог только смутно догадываться?.. На то он, впрочем, и классик... (М. Палей «Рая и Аад»). Здесь включения помогают дать лаконичное и запоминающееся описание персонажа, в частности особенностей его характера, психики, внешности.

Включения позволяют наглядно передать информацию о профессии персонажей рассказа, например: *Мне спикер излагает, а я сразу тебя вспомнил. И так ему, полушутя: а у меня помощничек есть, молодой, грамотный, надёжа Родины. Выпускник Авиационного. Орлята учатся летать, ё-моё...* (С. Шаргунов «Чародей»). В данном примере профессиональная характеристика героя подчёркнута близкой тематически песенной строкой; в некоторых рассказах, например, в неоднократно упоминавшемся «Люди сверху, люди снизу» Н. Рубановой, она представлена различными по типу включениями, разрозненными в тексте, но в целом образующими законченный образ: *«Они (выпускницы филфака – А.Е.) напоминали очень отдаленно Джесси Гердхардт; впрочем, притевочки не сильно запаривались на Драйзера...», «Проснулась она под утро от холода и страха: Есенин, всю ночь просидевший напротив неё, Аннушки, читал ей своего «Чёрного человека». «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль», – повторяла она ещё долго как безумная <...>», «Обучая недорослей грамматике великого мозгучего, преодолевая вместе с ними казусы орфографии и пунктуации, неведомые Кукоцкому по причине полного ими владения, Аня совершенно сбилась с ног», «Сонце нызень-*

ко, вечер близенько, – поёт в другом измерении козак Левко красавице Ганне. – Выйды до мене, мое серденько». Анна, ничего не понимая, смотрит в небо. Плачет. Так бывает». Способ изображения героини предопределён, таким образом, её филологическим образованием, прагматической установкой автора подчеркнуть этот факт.

Комплекс включений может подсказать читателю важные смысловые переключки, касающиеся социальной принадлежности персонажа. М. Вишневецкая, например, создавая образ двадцатилетней девчонки, вписывает его в определённый временной промежуток при помощи цитатных включений из современных и культовых фильмов, мультфильмов, песенных и рекламных текстов, насыщает текст именами-отсылками: *«Если Милка им даст сегодня баксов двести хотя бы, то тогда можно будет наконец-то купить игуану, – yes! yes! yes! ведь я этого достойна! – во-первых, Ига слопаёт всех тараканов, она же Репя, она же Рептиша, выпавшая из времени, как Мик Джэггер, непостижимая, как Фредди Меркьюри, как Курт Кобейн...»*, *«...она застыла под козырьком, в кубике жидкого света, как в остывшем бульоне, – knorr вкусен и скор...»*, *«...Стишка и та наверняка бы не появилась на свет, не сули этот кредит злачных и по-озимому неожиданных всходов. Кто подставил кролика Роджера, или Как нам обустроить Россию?»* («Вот такой гобелен»). Именно включения в данном случае формируют образ девушки девяностых XX века.

Тексту современного рассказа свойственно также отражение посредством включений социального статуса его автора. Так, в «рассказиках» Кати Рубиной на уровне включений присутствует ассоциирование автором себя с социальной ролью художника, живописца и графика: *«Я горько заплакала. <...> ощущала себя Иосифом со старинной фрески. Вот он сидит один-одинёшенек, весь как-то скукожился, в глазах печаль великая, ну не верит, понятно. По-человечески очень даже понятно. Фреска называется «Иосиф закручинился». Хорошее слово, оно сразу раскрывает и духовное, и физическое состояние. Я закручинилась капитально, свернулась в клубок»* («Lacrimosa»), *«Поняли про маленького человека? Куда я клоню? Догадались? Про Гоголя можно поговорить, про Акакия, как его Норштейн удачно в мультике нарисовал, а денег доделать не хватило, как он по Невскому бежал, не Норштейн, а Башмачкин, как он пёрышком скрипел»* («Давай спокойно посидим, поговорим об Ювенале»). В приведённых выше примерах цитатные включения выступают не только как характерологический приём, как средство создания образа персонажа, их функционирование обуславливает реалистичность, достижение максимальной

художественной достоверности текста современного рассказа.

Итак, цитатные включения при помощи количественно эмпирического материала исследования рассмотрены нами как стилевая особенность русского рассказа начала XXI века. В работе отражено авторское понимание явления *включение*; отмечено, что характер репрезентации включений в тексте выражается в виде полных и трансформированных цитат и аллюзий; выявлено, что основные функции включённого текста заключаются в характеристике героев, в оценке описываемых в рассказе событий, в усилении достоверности и иллюстративности изображения. Дальнейшее исследование включений в тексте современных русских рассказов позволит изучить большее количество языкового материала и, следовательно, сделать более основательные выводы по вопросам бытования репрезентантов межтекстовых взаимодействий.

Литература

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010.
Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
Козицкая Е.А. Цитата, «чужое слово», интертекст [Электрон. ресурс]. URL: http://dll.botik.ru/az/lit/coll/litext5/23_koz_b.htm (дата обращения: 08.10.2010).
Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов : Контрапункт интертекстуальности. М., 2000.
Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М., 2006.
Чернявская В.Е. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

М.А. Кожевникова

Ключевые слова: художественный текст, иноязычные вкрапления, стилистическое средство.

Keywords: *béllés-léttres*, foreign inclusions, stylistic means.

Использование иноязычных вкраплений в художественных текстах имеет длительную традицию. В языке художественной ли-

тературы иноязычные элементы – это, как правило, стилистически окрашенная лексика, знаки инациональной культуры. И, как считает Л.В. Чернец, «именно в этом качестве их призван заметить и оценить читатель, профессиональный критик, литературовед» [Чернец, 2004, с. 6].

Функции иноязычных компонентов могут варьироваться от текста к тексту в зависимости от того, какие цели преследует автор в каждом конкретном случае. Иногда иноязычие применяют для характеристики героя как чужака, деревенского или городского жителя. Немецкие исследователи полагают, что если герой романа говорит на латинском – это определяет его как учёного. Использование действующим лицом французского языка позиционирует его как представителя буржуазного общества. Никакое другое стилистическое средство не является таким эффективным при характеристике иностранца, как употребление им иноязычных элементов. Помимо этого, иноязычные компоненты служат для создания экзотической атмосферы, особенно если они остаются непоняты.

По мнению учёных, уже в Раннее Средневековье в Германии каждый конкретный язык выполнял в художественном тексте определённые функции. Так, герои произведений пели на итальянском, на латинском вели научные беседы. Французский существовал для светских разговоров. Влюблённые «ворковали» на испанском. Языком «грубиянов» был признан английский [Schmeling, Schmitz-Emans, 2002, s. 16].

На сегодняшний момент нельзя с уверенностью назвать тексты художественной литературы, которые содержали первые иноязычные вкрапления. Однако известно, что ещё римский поэт Авсоний (ок. 310–395) применял принцип смешения греческого и латинского языков для создания стихотворных текстов. В XV веке, как полагает М. Шмелинг, опыт Авсония переняли итальянские поэты. Грамматика и синтаксис в их стихотворных текстах заимствовались из латинского; лексика же, напротив, была представлена простонародными диалектными элементами. Этот приём помогал авторам высмеивать педантичную скучную латынь. Сегодня подобные произведения принято называть «макароническими» [Schmeling, Schmitz-Emans, 2002, s. 16].

Термин «макаронический» восходит к эпосу «Makaronea» Тифи Одази из Падулы. Однако наиболее значимое макароническое произведение под названием «Baldus» было создано Теофило Фолленго. Позднее традиции макаронистов продолжили Франко Роббе-

лаис и Мольер. Именно они, как считает М. Шмелинг, внесли элементы драматизма в комическое содержание [Schmeling, Schmitz-Emans, 2002, с. 16].

В русской традиции стилистический приём введения в художественный текст иноязычных вкраплений имеет длительную и богатую историю. По мнению М.И. Чернышевой, первые иноязычные элементы в графике исходного языка появились одновременно с зарождением русской литературы в памятниках ранней славянской письменности X–XI веков [Чернышева, 1983, с. 223]. Как отмечают исследователи, литература этого периода была преимущественно переводной. Часто «переводы предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра» [Лихачёв, 1980, с. 36]. Так, М.И. Чернышёва в статье «К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы» пишет, что «Хроники» Иоанна Малалы – один из первых немногочисленных письменных памятников с иноязычными вкраплениями. Переводчик использовал иноязычие, преимущественно латинского и македонского происхождения. Иноязычные элементы вводились в текст, главным образом, для акцентирования внимания на отдельных словах – названиях, прозвищах, обращениях и т. д. [Чернышева, 1983, с. 223].

Стоит отметить, что как в этот период времени, так и в последующие, авторы отдают предпочтение не иноязычным вкраплениям, а их транслитерированным вариантам. Так, В. Сайнбаяр в своей работе «Иноязычная лексика и особенности её использования в путевых записках Петровского времени» отмечает, что одним из доминирующих жанров XI–XVII веков были «Хождения», которые содержали обилие лексических заимствований [Сайнбаяр, 2007, с. 12].

Эта тенденция доминирует и в «Петровскую эпоху». Несмотря на то, что литература того времени изобилует иноязычными элементами, сохраняется традиция их кириллического написания. Подтверждением этому служат работы отечественных исследователей, в частности Г.О. Винокура «Доклад о Ломоносове», где автор писал, что «литераторы <...> чаще всего прибегали к крайне беспорядочной, неорганической и искусственной смеси из двух основных типов прежнего письменного языка, густо сдабривая ее к тому же обильными и некритическими заимствованиями из западноевропейских языков» [Винокур, 1997, с. 322].

Следующий этап использования вкраплений в русской культуре начинается на рубеже XVIII–XIX веков, когда на развитие русской литературы большое влияние оказывает французский язык.

Говоря о его главенствующей роли в среде великосветского общества, Ю.М. Лотман в статье «Текст в тексте» писал, что в тот период времени французский приобретает статус социального знака, который свидетельствует о «причастности к некоторой закрытой для профанов корпорации» [Лотман, 1981, с. 202].

Так, учёные отмечают, что А.С. Пушкин, воспитанный на языке Мольера, активно вводит французские вкрапления в тот или иной контекст как стилистический приём, разработав принципы их отбора и использования [Листрова-Правда, 2001, с. 119]. По мнению других исследователей, «стремясь выработать в своих произведениях нормы простой и выразительной разговорной речи», он ориентируется «на отточенные формы французского языка, не подражая им, но сплавляя лучшие черты французской традиции с богатым русским народным фондом» [Колосова, 2009, с. 71]. Н.Л. Васильев и Е.В. Савина в свою очередь акцентируют внимание на том, что в целом ряде произведений Пушкина отражены не только многочисленные французские, но также латинские, итальянские, английские и немецкие вкрапления [Васильев, Савина, 2002, с. 99].

Непосредственно английские вкрапления, как указывает О.Г. Сидорова, А. Пушкин приводит в большинстве случаев в публицистике и письмах. В художественных текстах они встречаются довольно редко, тем не менее, англицизмы чрезвычайно выразительны и их подбор не случаен. Выполняя художественную задачу, английские лексемы определяют устойчивые представления и стереотипы об Англии. Набор таких вкраплений ограничен и включает следующие слова: *gentleman* (англ. господин), *comfort* (англ. утешение, успокоение), *speech* (англ. речь), *spleen* (англ. хандра, уныние), *vulgar* (англ. грубый, пошлый), *blue stocking* (англ. синий чулок), *beef-steak* (англ. бифштекс), *roast-beef* (англ. ростбиф – жареный кусок говядины), *dandy* (англ. франт, щёголь) [Сидорова, 1999, с. 73]. Среди латинских и итальянских вкраплений наиболее употребительны такие, как: *bis, dixi, ergo, errata, ibid, in folio; addido, a parte, casino, con amore* и др. [Васильев, Савина, 2002, с. 99].

Однако смешение французского с русским на рубеже XVIII–XIX веков (по определению А.С. Грибоедова – «смешение... французского с нижегородским») образует новое явление – «дамский» язык. Б.А. Успенский характеризует речь светских дам второй половины XVIII – начала XIX века как «по преимуществу макароническую» [Успенский, 1985, с. 57]. Этот социальный феномен находит отражение в литературных текстах. Писатели и поэты широко

применяют вкрапления, пародируя неправильное употребление французских слов.

Ярким примером макаронического использования вкраплений является стихотворение М.Ю. Лермонтова, обращенное к А.А. Углицкой:

*Ma chere Alexandrine,
Pardonnez-moi,
Pour mon militaire
Tout, ce que je vous écris;
Mais tant, que vous m'aimez,
Je vous prie de m'aimer,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez Madame.*

(Франц. и нем.: Моя милая Александрина, простите, я вас прошу, за мой армейский чин все, что я вам пишу. Меж тем, я вас уверяю, я желаю счастья вам, а главное много любви, когда вы будете Мадам.) [Чернец, 2004, с. 6].

Однако, как считает Ю.М. Лотман, очевидно, что французский язык выполняет для русского образованного общества роль языка научной и философской мысли. Так, роман Л.Н. Толстого «Война и мир» изобилует французскими вкраплениями, которые подчеркивают особенности речи русских дворян. Характерно, что речь французов в большинстве случаев дается на русском языке. Иноязычие вводится лишь в начальных репликах для определения национальной принадлежности героя [Лотман, 2000, с. 65].

Одним из примеров полифункционального применения французских вкраплений в художественном тексте служит творчество И.С. Тургенева. Так, в некоторых случаях писатель высмеивает смесь русского с французским, например: «...военные танцевали усердно, особенно один из них, который прожил шесть недель в Париже, где он выучился разным захватским восклицаниям вроде «Zut» (фр. чёрт возьми!, вот ещё!), «Ah fichtre» (фр. чёрт возьми!; ай! ай!; ну и ну!), «Pst, pst, mon bibi» (фр. «Пст, пст, моя крошка») etc. Он произносил их в совершенстве, с настоящим парижским шиком, в то же время говорил: si j'aurais (фр. я бы) вместо si j'avais (фр. если бы я), «absolument» в смысле «непрерывно»... – словом, выразился на том великорусском-французском наречии, над которым так смеются французы, когда они не имеют нужды уверять нашу братию, что мы говорим на их языке, как ангелы, *comme des anges*» ([пер. мой. – М.К.] [Тургенев, 2006, с. 68].

Помимо этого, как свидетельствует Д.Л. Спивак, И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети» при помощи французских и латинских вкраплений акцентирует внимание на противостоянии двух поколений: «*Вам все желательно шутить, – ответил Павел Петрович. – Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгом предупредить вас, что я намерен драться серьезно. А **bon entendeur, salut!** (имеющий уши да слышит!) – О, я не сомневаюсь в том, что мы решили истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить **utile dulci** (приятное с полезным)? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни*» [Спивак, 2005, с. 265].

Кроме того, Ю.О. Квартовкина в работе «Речь английской и русской аристократии в произведениях художественной литературы XIX века», приводит пример из произведения И.С. Тургенева, где галлицизмы выполняют в тексте эвфемистическую функцию. Так, Варвара Лаврецкая в романе «Дворянское гнездо» выражает свое мнение о Марье Дмитриевне Калитиной, используя эвфемистическую зашифровку: «*Elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame*» (Пороха она не изобрела, эта милая дама) [Квартовкина, 2004, с. 14].

Во второй половине XIX века, по словам Н.А. Колосовой, французский язык уже больше не является признаком принадлежности к определённому сословию, получая культурно-бытовое пространство, т. е. знание французского становится обязательной характеристикой образованного человека. Подтверждение этому можно найти в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Автор «вплетает» в ткань текста французские вкрапления в виде вывесок на французском языке названий книг и т. д., подразумевая, что реципиент знаком с данной лексикой и она не требует авторского перевода, например: «*На Невском явилась новая вывеска: «**Au bon travail. Magasin des Nouveautés**»* (фр. магазин, хорошо исполняющий заказы, магазин модных товаров) [Колосова, 2003, с. 75].

В начале XX века вкрапления становятся особенно актуальными в творчестве авангардистов, заполняя затем тексты дадаистов и футуристов, которые находят скучным использовать описательные средства только одного языка. Литература того периода представляет собой некий комплекс, составленный по модульному принципу из нескольких языков. Особенно это характерно для стихотворных произведений, где иноязычные компоненты заставляют текст звучать на разные мотивы и интонации, образуя красочное явление с буйством красок и многоголосием.

Наиболее масштабно, как отмечают О.В. Тищенко и Н.А. Фатеева, иностранные вкрапления представлены в стихотворных текстах русских поэтов Серебряного века. Например, И. Северянин вводит в название одного из своих произведений французский компонент «*Berseuse осенний*» (фр. колыбельная песнь) (1912). Иноязычное заглавие ещё несколько раз появляется в тексте в рифмообразующей позиции:

*День аლოსиз. Лимонолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени **berseuse**,
Беру грибы и горькую бруснику.
Поёт душа, под осени **berseuse**,
Надёжно ждёт и сладко-больно верит,
Что он придёт, галантный мой Экссесс,
Меня возьмёт и девственно озверит.
Иду, иду под осени **berseuse**...*

Помимо отдельных вкраплений поэты включают в свои тексты иноязычные цитаты. Так, эпиграф к «Итальянским стихам» А. Блока восходит к надписи под часами в церкви *Santa Maria Novella* во Флоренции:

*Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.*

(Итал.: Так незаметно многих уничтожают годы, / Так приходит к концу все сущее в мире; / Увы, увы, невозвратимо минувшее время, / Увы, торопится смерть неслышным шагом) [Тищенко, Фатеева, 2005, с. 220].

В послереволюционное время, которое известно как период борьбы с низкопоклонством перед западом, количество иноязычных вкраплений в художественных произведениях резко сокращается. Кроме того, прослеживается тенденция использования иноязычия в русской графике. Ситуация незначительно меняется после Великой Отечественной войны, когда, как отмечает Г.Н. Скребов, возрастает интерес к немецким вкраплениям, реализующих в тексте широкий диапазон задач [Скребов, 1997, с. 19].

Очередной всплеск иноязычных вкраплений в художественной литературе приходится на период «оттепели», когда американская культура оказывает большое влияние «на умы и настроения» шес-

тидесятников». Так, В. Аксёнов, у которого прослеживается интерес к английской культуре и языку, проникается западничеством настроением, создавая такие произведения, как «Ожог» и «Остров Крым», насыщенные явлениями английского языка, например: «... *и перешел на английский: – It's going to be what the Americans call a swell party.* (Предположим, это будет то, что американцы называют роскошной вечеринкой) [Колесова, 2005, с. 131].

Последний этап применения вкраплений ознаменовался началом перестройки, когда в Россию хлынул поток английских заимствований, что нашло отражение в произведениях современных писателей. В своей статье «Познание гламура дискурсом» И.В. Кабанова приводит анализ многочисленных вкраплений английского происхождения в романе В. Пелевина «Empire V». Произведение русского писателя представляет собой частный случай общей тенденции применения иноязычных элементов, которые, по словам лингвиста, передают «дух времени»: «*Мы с матерью занимали небольшую двухкомнатную квартирку вроде тех, что в закатных странах называют **one bedroom**.* В этой самой **bedroom** я и вырос»; «*современное рабочее место в офисе – **cubicle** – даже внешне не похоже на стойло...*» [Кабанова, 2007, с. 47].

Обилие иноязычных вкраплений характерно и для поэтических текстов. Подтверждением этому может служить творчество Т. Щербиной, которая вводит в произведения иноязычные элементы, заимствованные преимущественно из английского и французского языков. Она включает в стихотворение «Кончается мой картридж» (май 1996) окказионализм, содержащий элементы из английского и французского языков:

*Кончается мой картридж,
bcbj-02,
кому теперь расскажешь,
что в сердце у меня, –
мне говорит Тошиба...*

(bc-02 – картридж для принтера Canon-bj, bcbg – аббревиатура *bon chic bon genre* для обозначения людей буржуазного стандарта.левой интеллигенцией употребляется только иронически) [Щербина, 1997, с. 51].

Таким образом, можно заключить, что иноязычные вкрапления существуют в художественном тексте с давних времён, в том числе в русском с момента возникновения книжной традиции. Они применяются как выразительное художественное средство для дости-

жения различных целей. Как правило, их использование непосредственным образом зависит от культурных, религиозных контактов России с другими странами и народами, от ситуации, политической и экономической.

Литература

- Васильев Н.Л., Савина Е.В. Варваризмы в языке Пушкина // Филологические науки. 2000. № 2.
- Винокур Г.О. Доклад о Ломоносове // Вопросы литературы 1997. № 3.
- Кабанова И.В. Познание гламура дискурсом: язык в романе В. Пелевина «Empire V» // Известия Саратовского университета. 2007. Вып. 1.
- Колесова Н.В. Заимствования в идиостиле В. Аксенова : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2005.
- Колосова Н.А. Французская традиция в российском культурном пространстве // Спецкурсы по романской филологии. Саратов, 2003.
- Кwartовкина Ю.О. Речь английской и русской аристократии в произведениях художественной литературы XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
- Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки, 2001.
- Лихачёв Д.С. История русской литературы X–XVII веков. М., 1980.
- Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин : Биография писателя. Л., 1981.
- Лотман Ю.М. Текст в тексте (Вставная глава) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Сайнбаяр В. Иноязычная лексика и особенности её использования в путевых записках Петровского времени : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Сидорова О.Г. Англоязычные вкрапления в текстах А.С. Пушкина // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 11.
- Скребов Г.Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе (1945–1969) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. Воронеж, 1997.
- Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга : Французская цивилизация. СПб., 2005.
- Тищенко О.В., Фатеева Н.А. Иноязычные элементы в составе заголовочного комплекса и способы их взаимодействия с текстом (на материале русской поэзии XX века) // □ Поэтика заглавия. М., 2005.
- Тургенев И.С. Отцы и дети: роман. М., 2006.
- Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII–начала XIX века. М., 1985.
- Чернец Л.В. Иноязычная речь в художественном произведении // Русская словесность. 2004. № 7.
- Чернышева М.И. К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы (Роль иноязычных вкраплений) // Византийский Временник Российской Академии Наук. 1983. № 44.
- Щербина Т. Жизнь без : стихи. СПб., 1997.
- Schmelting M., Schmitz-Emans M. Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert. Würzburg, 2002.

**К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ
ЭВФЕМИЗМОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале бурятского, английского и немецкого языков)**

О.С. Цыдендамбаева

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, субституты, картина мира, эвфемистическая лексика, семантика, смягчение.

Keywords: taboo, euphemisms, substitute, world linguistic picture, euphemistical lexics, palatalisation.

Изучение национального своеобразия языковой картины мира и речевого поведения носителей различных языков является актуальной задачей современного языкознания. Эта проблема оказалась в центре внимания таких лингвистических дисциплин, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, лингвострановедение, этнография речи. Национальное своеобразие языка и речевого поведения усматривается в особенностях речевого этикета, правилах построения дискурса, существовании специфической для каждой языковой культуры системы жанров, наличии языковых лакун и лексических единиц для обозначения национально-специфических реалий, в семантике языковых единиц и их коннотациях и ряде других языковых явлений.

На наш взгляд, изучение эвфемии весьма перспективно в плане раскрытия национально-культурной специфики языков. Эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, выявляя явления, стигматизированные в данной культуре. Сравнение лексико-семантических полей различных языков, в которых образование эвфемизмов происходит особенно активно, позволяет выявить различия в системе табу, представлениях о приличном и неприличном, характерных для различных языковых культур. Частота употребления эвфемизмов в том или ином типе дискурса и степень эвфемизации речевого общения в целом тесно связаны с особенностями речевого этикета данного языкового коллектива. В основе речевого поведения различных народов лежат разные системы ценностей. В то время как в одних языковых культурах ценится прямота и откровенность, в других на первый план выходят соображения вежливости, которые заставляют говорящих прибегать к иносказаниям, уклончивым оборотам, разного рода смягчениям. Это неизбежно сказывается на частоте употребления эвфемизмов. Однако не следует преувеличивать степень национального своеобразия языковых культур. Наряду с национально-

специфическими моментами в языковых картинах мира имеют место и явления универсального характера, в том числе, семантические универсалии и лингвопрагматические максимы.

Существует немало работ, посвященных эвфемизмам непосредственно или каким-то образом затрагивающих эту проблему. Начало исследованию эвфемии положили такие ученые, как Г. Пауль, Ж. Вандриес, Ш. Брюно, Ч. Кэни, Ш. Балли, Н. Гали де Паратези, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, Х. Нироп. Развитию этой проблематики посвятили свои работы такие ученые, как В.И. Жельвис, Б. Купер, Дж. Ниман и К. Сильвер, лексикографы Р.В. Холдер и Х. Росон, отечественные исследователи А.М. Кацев, Л.П. Крысин, С. Видлак, И.Р. Гальперин, Б.А. Ларин, Е.И. Шейгал, Г.Г. Кужим, В.И. Заботкина, В.П. Москвин и др. Эвфемизмы широко исследуются западными учеными – лингвистами, о чем свидетельствует наличие большого количества словарей-эвфемизмов.

В бурятском языкознании, да и в целом в монголистике эвфемистическая лексика специально не изучалась. Проблема формирования эвфемизмов в бурятском языке, исследование их социальной и лингвистической обусловленности очень важно, так как данная лексика тесно сопряжена с системой морально-нравственных ценностей народа, является в определенной степени характеризующим признаком его менталитета.

Первобытные люди, находясь на нижней ступени развития, верили в магическую функцию языка, в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир через язык. Они считали, что между явлением и его названием имеется какая-то связь, и акт называния может вызвать само явление. Так появился запрет, табу на употребление названий определенных предметов и явлений. Обычно эвфемизации подвергаются слова, обозначающие смерть, имена умерших людей, в некоторых культурах также собственные имена людей, названия болезней, номинирование опасных животных, названия гор, рек и др.

Так, часто заменяют эвфемизмами названия зоонимов, например, прямое наименование «волка» по-бурятски *шоно* подвергалось табуированию из-за опасения за свои стада, и именуется как: *хүдөөгэй таабай* «лесной дедушка», *хүдөөгэй үбгэн* «лесной старик», *хээрын нохой* «степная собака», *годон гуталтай* «в камусовой обуви», *һүлтэй юумэн* «хвостатое существо», *нооһон толгой* «шерстяная голова», *сагаан таабай* «дедушка по матери», *нагаса* «дядя», *гуригха* «голодный», *хүхэ шоно* «серый волк» – данные эвфемизмы *таабай*, *үбгэн*, *нагаса* отражают почтительное, уважительное отношение к зверю. А атрибу-

тивы: *хүдөөгэй* от *хүдөө* «деревенский, сельский; провинциальный», *хээрын* от *хээрэ* «1. необжитое, девственное место; 2. степь, поле; 3. тайга, лес» указывает место, где обитает зверь. Табуированность данной лексемы связано с почитанием и различными ритуалами, обрядами, характеризующее отношение бурят к животным, в основе которого лежит идея общности мира людей и мира животных. Волк является общим тотемом для монгольских, тюркских и ряда других народов. Считалось, что волки задирали домашних животных у провинившихся. Поэтому волкам, выполнявшим высшую волю, нельзя было мешать и тем более истреблять их, поэтому волка называли *тэнгэрийн нохой* – «небесная собака». Позднее, когда развитие скотоводства потребовало охраны стад от хищников и даже их истребление, сакральность волка препятствовала их необдуманному уничтожению и способствовала определенной регламентации на его охоту. Например, запрещалось охотиться на волчицу с волчатами, считалось, что нарушившего настигнет кара вплоть до его гибели. Нельзя было убивать волка, зарезавшего скотину во дворе, иначе следовало ожидать еще большей утраты.

Буряты очень уважительно относились к медведю. Они называли его *баабгай*. Можно полагать, что наименование медведя *баабгай* возникло из слияния двух слов – *баабай* и *абгай*. Первое переводится как «отец, предок, праотец, старший брат, старшая сестра». Под *абгай* понимается старшая сестра, жена старшего брата, старший брат. Известно, что буряты, упоминая в разговоре медведя, нередко давали ему эпитеты, относимые к близким родственникам: «могучий дядя», «одетый в доху» *дахата*; «дедушка» *таабай*; мать-отец" и т.д. Поэтому, можно предположить, что термин *баабгай* – это не что иное, как общее определение всех живущих и умерших старших родственников. Следует отметить, что *баабгай* в бурятском языке употребляется только в одном значении. Второе название медведя – *гүрөөхэн* «косуля». В зависимости от зоологического вида выделяют *хара гүрөөхэн* «бурый, черный медведь» или *сагаан гүрөөхэн* «белый медведь». Судя по всему, такое наименование возникло как производное от обобщающего термина *ан гуроол* «дикие звери». Заметим, что словом *гүрөөхэн* у бурят называются не только хищники (медведи, тигры, рыси), но и их потенциальная добыча – дикие козы, косули, горные козлы. Также медведя называли *шара маахай* «большой бесхвостый медведь-самец». Внешний вид, образ крупного, грузного животного с тяжелой походкой повлиял на возникновение следующего эвфемизма *босхи хүжүүн* «неуклюжий», *хилгаанан гутал* «обутый в папалай», *һүлмтэ*

бургал «хвостатый медведь», *ойн эзэн* – «лесной хозяин». Медведя представляли себе охотником и шаманом. По легенде это был прежде очень могучий человек. Бог, видя, что люди не могут с ним справиться, отрубил ему большой палец, чтобы силы у него стало меньше, и обратил в зверя. Поэтому считалось большим грехом убивать детенышей медведя или беременную самку, так как медведь это человек, сородич. Никогда не убивали спящего медведя, как бы давая ему шанс уйти. Перед убитым медведем очень извинялись и с весьма виноватым видом говорили: «Алдуу гаргаабди, хайралыт, хэшээгйт!». «Мы совершили ошибку, пожалейте нас, простите нас!» или «Айлшалжа тандаа ерэхэн аад, айһандаа алдуу гаргаабди ...». «Мы пришли к вам в гости и нечаянно, испугавшись, (убили)...».

Основу хозяйства монголоязычных народов составляло, как известно, кочевое скотоводство. Наиболее характерным для бурят является осмысление человека через животный мир, основанное на представлении о единстве человека с живой природой. Издревле буряты разводят пять видов скота – *табан хушуу мал*: *морин* «лошадь», *үхэр* «корова», *тэмээн* «верблюды», *хонин* «овца», *ямаан* «коза», поэтому неудивительно, что они нашли свое отражение в эвфемизмах. Так, наибольшее количество эвфемизмов связано с лошадью, поскольку лошадь занимала самое важное положение в хозяйстве, ее почитали и называли *морин эрдэни «конь – драгоценность»*, связывая счастье, благополучие своего рода, семьи с конем. Например, об удачливом человеке говорят *морин хайтай* «удачливый», соответственно о неудачливом, невезучем – *морин муутай*. Также о бедном, неимущем человеке отзываются: *Ган гэхэ нохой үгы, газар гэшхэхэ мал үгы* «Ни собаки, которая бы лаяла и скота, который бы топтал землю»; *газар гэшхэхэ малгүй, гал түлхэхэ сусалгүй* «ни скотины пасущейся по земле, ни головешки разводить огонь», *ганса бэе, гахай ябаган* «один-одинешенек, пеший как свинья».

Заметим также, что тематическое поле «бедность» в бурятском языке представлено следующей эвфемистической лексикой: *газаадаха* «без крыши над головой» (досл. «быть на улице»), *ядуу нууха, хара сайтай нууха* «бедно сидеть, с черным чаем сидеть». Следует сказать, что в палитре монгольской культуры **черный** – **хара** цвет выступает как антипод белого. Если с белым связано позитивное начало в окружающем мире (все доброе, светлое, сакральное), то с черным цветом – все негативное (злое, темное, жестокое). *Хара сай* «черный не забеленный молоком чай» – пить черный чай расценивалось как предзнаменование обнищания, лишение основного богатства – домашнего скота.

Древние люди наложили табу на слова, обозначающие смерть, убийство, болезни и другие ужасные явления. Они считали, что, произнеся данные слова, накличут на себя беду. Так, в бурятском языке слово *үхэхэ* «умереть» имеет более 30 эвфемистических субститутов. Например, *зүрхээ зогсохо* «остановилось сердце», *наһа бараха* «исчерпать возраст», *наһанһаа нүгшэхэ* «завершить жизнь», *наһаяа дууһаха* «закончить жизнь», *наһаяа эсэслэхэ* «закончить годы», *нирваанай жүһэ бариха* «отправиться в сторону нирваны», *тагаалал болохо* «кончина», *уһан татаха* «вода тянет», *үгы болохо* «не стать», *хара шоройдо оруулха* – «завести в черную почву», *диваажанда хүрэхэ* «дойти до рая», *хэмтэ газартаа хүрэхэ* «дойти до места погребения», *бурханда хариха* «вернуться к богу», *хони харахаяа ошохо* «уйти в горы пасти овец» и др. Здесь можно провести аналогию с немецким и английским языками, например, в немецком языке: «умереть» эвфемизируется следующими выражениями *heimgehen* «уйти домой», *seine Stunde war gekommen* «его час пришел»; в английском языке: *to go* «уйти», *to depart* «уходить», *to pass away* «проходить», и в бурятском и в немецком, английском языках «смерть» ассоциируется с глаголами движения бур. *ошохо* «идти», *хариха* «вернуться», *хүрэхэ* «дойти»; нем. *gehen* «ходить», *heimgehen* «уйти домой», *kommen* «приходить»; англ. *to go* «уйти», *to depart* «уходить», *to pass away* «проходить», то есть обозначает движение куда-либо.

Интересно отметить, что смерть в бурятском и немецком языках ассоциируется одинаково как уход к Богу: бур. *бурхан болохо* «стать богом», *бурханай болохо* «стать божьим», *бурханай орондо ошохо* «отправиться в божью страну»; нем. *zum Gott gehen* «уйти к богу».

Следует подчеркнуть, что эвфемизмы образуются и используются в речи как осознанно, так и неосознанно, без всякого желания что-то скрыть или недосказать. Последнее происходит, видимо, потому что некоторые эвфемизмы возникли в языке давно и мотивы их проявления либо нивелировались, либо просто не могут быть объяснены.

Смерть довольно часто сравнивается со сном. Вероятно, такое сравнение связано с обозначением по тем симптомам, которыми смерть сопровождается: бур. *мүнхэ нойроор нойрсохо* «уснуть вечным сном», *бүхэ нойроор унтаха* «спать крепким сном», *унтан унтаха* «крепко заснуть», *аниха* «дремать, засыпать», рус. *почить вечным сном, уснуть, почить*, нем. *entschlafen* «засыпать», *die Augen zumachen* «закрывать глаза», *die Augen für immer schliessen* «закрывать глаза навечно».

Необходимо отметить, что концепт «Смерть» в понимании разных культур рассматривается как конец, завершение жизненной линии, уход из жизни, уход в другой, лучший мир, уход к праотцам. Также «Смерть» рассматривается как сон. Надо отметить, что в разных языках: бурятском, русском и английском наблюдаются похожие, универсальные выражения, относящиеся к концепту «Смерть». Вместе с тем, в данной рубрике выявлены и специфические выражения, реалии, отражающие национальный колорит бурятской культуры: *мордохо* «садиться на лошадь», *моринхоо хуу халиха* «падать с коня», *бооридо хони харахаяа ошохо* «пойти пасти овец», *хададаа хариха* «вернуться в горы».

Другая группа эвфемизмов создается и употребляется совершенно сознательно. Благодаря сознательно употребленному эвфемизму в данном случае удастся не только избежать неприятного ощущения, но и вообще облегчить коммуникацию в сложной или трудной ситуации. К данному типу относятся эвфемизмы, изображающие: умственные недостатки, так, например, в бурятском языке вместо *эрьюу* «дурак» называют *дутуу* «с изъяном, дефектом», *соохор ухаатай* «с пестрым умом»; в немецком языке заменены следующими эвфемизмами *nicht richtig* «неправильный»; в английском языке *soft* «мягкий», *barmy* «спятивший», *dense* «глупый», *queer* «чудаковатый», *leather – head* «болван».

Значительный пласт эвфемизмов составляют слова и выражения, целью которых является «выразить что-либо неприятное более деликатным способом». Это могут быть такие слова, как *ута гартай* «вор» (досл. «длиннорукий»), *гарта оруулха*, *гарта абаха* «прибирать к рукам», *гар хүүрэхэ* «наказывать» (досл. «касаться рукой»), *анюулха* «велеть закрыть глаза», вместо *алаха* «убить» данный эвфемизм смягчает негативное отношение к такому явлению как убийство, *улан нюдэтэ* «наглый» (досл. «с красными глазами»), подчеркнем, что символические значения красного цвета очень противоречивы в бурятском языке. С одной стороны, они символизируют радость, красоту, полноту жизни, с другой – ассоциируются с враждой, местью, агрессивностью.

Наблюдения показывают, что эвфемизмы – явление исторически изменчивое, напрямую связанное с мировоззрением людей разных исторических периодов. Это одна из разновидностей стилистических средств языка, в определенной мере обогащающая его словарный состав. Кроме того, эвфемизмы представляют собой огромное духовное богатство, хранимое в языке, позволяющее приоб-

щаться к национальной культуре и истории, к современной жизни народа. Проведенный анализ позволяет сделать предварительные выводы о том, что эвфемистические выражения в бурятском языке обусловлены главным образом менталитетом, традициями, обычаями народа, этнопсихологическим аспектом, в то время как в английском и немецком языках они обусловлены в большей степени политкорректностью, культурологическим аспектом.

Литература

- Англо-русский словарь / Сост. Н.В. Адамчик. Мн., 2003.
Большой немецко-русский словарь / Сост. Д.Г. Мальцева, А.Н. Зувев. М., 1993.
Бурятско-русский словарь : в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
Бурятско-русский словарь : в 2 тт. М., 2008. Т. 2.
Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991.
Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1929. Ч. 1.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Со Кен Ран

Ключевые слова: ассоциативно-тематическое поле, деривация, субъективная оценка, диминутив, словообразовательная модификация, метафорический перенос наименования.

Keywords: Association-thematic field, derivation, subjective estimation, diminutive, word-building modification, metaphorical transfer of the name.

Если названия жилища и его частей рассматривать с точки зрения их парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений, а также по отношению к смежным полям «Домашнее хозяйство, утварь», «Семья», то это пространство можно считать ассоциативно-тематическим полем, в ядре которого находятся прежде всего непроизводные слова (*дом, квартира*) и производные, а именно: *жилище* ('жилое помещение') и актуальное сейчас *жилье* – 'дом, квартира, комната, находящиеся в частном владении гражданина или предоставлен-

ные ему государством, ведомством, фирмой... для постоянного или временного проживания'. *Дефицит жилья, Рынок жилья* [Скляревская, 2007, с. 347]. В формировании единиц этого поля принимают участие лексико-семантическая и словообразовательная деривация, что является предметом нашего диссертационного исследования.

Результаты лексико-семантической деривации, особенно это касается метафорического переноса, в основном соотносятся с периферийными участками поля (например, *муравейник* – о густонаселенном жилище человека) или связаны с ним только ассоциативно (*коридоры власти; стена равнодушия*), в то время как словообразовательные дериваты (прежде всего это производные от слова *дом*) соотносятся с прицентром поля, что можно объяснить присутствием в них корневой морфемы, которая актуализирует основную идею данного семантического пространства.

В этой статье мы останавливаемся на одном из частных вопросов – эмоционально-оценочной словообразовательной модификации названий жилища и его частей. Можно сказать, что эмоционально-оценочная словообразовательная модификация характерна для субстантивных единиц любого тематического объединения, но при этом не все составляющие ТГ подвержены данному процессу. Например: *дубок, березонька, тополек, но ясень, рябина, клен; розочка, ромашечка, незабудочка, но ноготок, герань, лютик*. Примерно то же самое наблюдаем и в названиях жилища и его частей: *домик, домок, домище; хижинка, хатка, барачок; окошечко, стенка, ставеньки, но: шатер, чум, коттедж, обитель; плитус, потолок, пол*. Однако заметим, что в ассоциативно-тематической сфере «Жилые строения и их части» примеров эмоционально-оценочной деривации гораздо больше, чем в таких ТГ, как «деревья», «цветы» и др.

«Формы субъективной оценки» имеют место и среди названий частей *дома*, которые включаются в изучаемое нами ассоциативно-семантическое поле: *кладовочка, кухонька, печка, порожек, коридорчик, коридорище, комнатка / комнатушка / комнатенка, балкончик* и др.

Суть процесса словообразовательной модификации «согласуется» с представлениями о «формах субъективной оценки» имен существительных, в частности, о суффиксах эмоциональной оценки [Виноградов, 1972, с. 97–99]. В начале XX века академик А.А. Шахматов писал что «уменьшительные, ласкательные, увеличительные или уничижительные образования от какого-нибудь слова должны быть признаны не разными словами, не отдельными словами, а формами того же сло-

ва». А.А. Шахматов ссылался на К.С. Аксакова, который еще в XIX веке говорил: «...при уменьшительных суффиксах предмет является как он есть, с наружным своим определением, вполне сохраняя себя, весь свой образ» (Цит. по: [Виноградов, 1972, с. 97]). А.А. Шахматов писал: «Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *домик*, *домище*, *домишко* обозначают то же представление, что и *дом*; следовательно эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные по отношению к нему [Шахматов, 1941, с. 36, 452–453].

Преобладающим значением среди «форм субъективной оценки» является диминутивность. Остановимся на этом подробнее.

Диминутивность (Ср.: *diminuendo* – ит. ‘уменьшая, убавляя’ [Крысин 2010]) – особое языковое явление, связанное прежде всего с указанием на уменьшение размера объекта. Как правило, оно выражается словообразовательно – путем прибавления определенного аффикса к именной основе. Обычно используется специальный уменьшительный суффикс: *дом* – *домик*; *стол* – *столик*. Ярко выраженное в русском языке значение диминутивности предполагает не только эмоциональную оценку уменьшительности (*избушка*, *избенка*), но и увеличительности (*комнашище*, *избища*, *домина*).

Название данных явлений «формы субъективной оценки» не является для нас фактом формообразования (в его обычном понимании), так как прибавление суффикса эмоциональной оценки не изменяет грамматической формы исходного слова. Мы, вслед за известными дериватологами, относим эти явления к словообразовательной модификации (См., например: [Земская 1997, с. 362–363]).

В диминутивах очень часто уменьшительное значение, как известно, сочетается с ласкательным (маленький предмет, маленькое животное / ребенок обычно вызывают умиленную реакцию: *домик* – хороший маленький, симпатичный; *комнатка* – небольшая, уютная, любимая...). Контекст как бы «заражается» (В.В. Виноградов) семантикой используемого в нем значения диминутивности. Суффикс *-ик-* в слове *домик* может эксплицитно свое уменьшительное значение контекстуально – при помощи параметрического определения (*маленький домик*, *домик-крошечка*). «Милому свойственно быть малым, – писал К.С. Аксаков, – самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляет-

ся уменьшительное... При этом даже вовсе не берется иногда в расчет самый наружный вид предмета (например: *сестрица, братец*)» [Цит. по: Виноградов 1972, с. 97].

Можно наблюдать примеры выражения ласкательности вне соединения с уменьшительностью и по отношению к неодушевленным предметам: «*Свой уголок* (то есть *свою комнату / свое жилище* – С.К.Р.) *я убрала цветами...*». Ср. также: *Купи хлеба, лапшички, молочка* (Р.Р.).

В сознании русскоязычного человека маленькое, тесное, неудобное жилище нередко соотносится с признаком «неновое», «ветхое». Например: *Внизу, на берегу реки, примостился маленький домик, уют нашнего пребывания на Кавказе. Кроме этого ветхого пристанища, у нас долгое время ничего не было.* Оттенки смыслов и эмоций при использовании диминутивов очень разнообразны, но часто контекст только приблизительно намекает на это. Так, в данной фразе словоформы *примостился* и *пристаннице* при помощи присоединительного значения приставки (*при-*) передают семантический параллелизм – объединение в стремлении живого (*мы*) и неживого (*домик*) где-то *приютиться*, найти утешение в том, что есть место некоторого успокоения.

Наличие оценочного компонента (чаще положительного) в содержании диминутивных названий жилища связано с антропоцентрическим фактором: говорящий выражая отношение к называемому, как бы приближает его к себе, делает его своим, близким. Не случайно диминутивы, в том числе и диминутивные названия жилища, легко соединяются с притяжательными местоимениями: *свой домик / домишко, моя комнатка*; «... *Наша ветхая лачужка и печальна, и темна, Что же ты, моя старушка, приуныла у окна?...*» (Пушкин). «Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, – писал Аксаков, – на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми...» [Цит. по: Виноградов 1972, с. 97].

В каждой тематической группе названий жилого строения, выделенных Н.Ю. Шведовой [Шведова 1998], мы найдем слова, которые могут образовывать «формы эмоциональной оценки», соответствующие, по В.В. Виноградову [Виноградов, 1972, с. 99], первой степени эмоциональной оценки; причем у наиболее употребительных слов (*дом, изба*) их несколько вариантов: *домик/домок, домишко/домище; избенка/избушка/избище; хатка, лачужка, хижинка, хибарка; вагончик*. Вторая степень эмоциональной оценки, по В.В. Виноградову, – это

случаи, когда основа предшествующей уменьшительной «формы» соединяется с ласкательным суффиксом. В нашем материале эти единицы встречаются нечасто. Приведем некоторые примеры: *избушка* – *избушечка*; *лачужка* – *лачужечка*; *окошко* – *окошечко*; с двойным ласкательным суффиксом – *печурочка*. Выражение ласкательности (часто без семантики «уменьшительность») особенно характерно для единиц смежных тем: «семья», «домашние животные», «домашняя утварь»: *доченька, браток, братец, матушка, маменька, папенька, батюшка, свекровушка; коровушка, курочка, петушок, котик, песик; ложечка, вилочка, половничек, ситечко, одеяльце, подушечка* и др. На всем домашнем как бы лежит печать всего родного, близкого, милого.

Один и том же корень, отражающий идею «жилище», может соединяться с разными диминутивными суффиксами, которые могут эксплицировать разнообразные коннотативные значения. Например: *избушка* – уменьшительный, *избенка* – уменьшительно-уничижительный; *избушечка* – уменьшительно-ласкательный; *домик / домок* – уменьшительно-ласкательный, *домишко* – уменьшительно-пренебрежительный. «Оттенки отношения к предмету уменьшенному, – писал К.С. Аксаков, – многочисленны. Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого...» [Цит. по: Виноградов 1972, с. 97].

Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что наиболее часто в сфере «Названия жилых помещений и их частей» используются следующие диминутивные суффиксы: *-к(а), -ик-, -ушк(а)* (1-ая степень субъективной оценок) и *-очк- / чек(а / о)* – 2-ая степень субъективной оценки. Но если учитывать объединяемые общей идеей «дом» другие смежные поля, в частности, соответствующие вторичным ЛСВ слова *дом*, – «Семья», «Домашнее хозяйство», то арсенал диминутивных суффиксов значительно расширяется. Например: *бабуленька, маменька, дочурочка, теленочек; лошаденка, коровенка; дворышко, заборышко, зеркальце*.

В русской лингвистической традиции диминутивные производные обобщенно называют уменьшительно-ласкательными, хотя во многих случаях отсутствует не только компонент ласкательности, но и компонент уменьшительности. Ср.: *тетрадка, иголка, книжка* и др. В.В. Виноградов писал: «... уменьшительно-ласкательное значение формы нередко стирается, изнашивается» [Виноградов 1972, с. 98]. То же самое можно сказать и о разговорно-бытовых употреблениях: *окошко, печка, стенка*, которые стали вариантами по отношению к производящим *окно, стена* (Ср. метонимическое значение: *стенка* – 'встроенная в стену мебель'), в речи они могут взаимозаменяться. На-

пример: *На окне / окошке – цветущая герань. Ковер повесим на эту стенку / стену* (Р.Р.). При этом морфемная членимость основы сохраняется: суффикс *-к-* маркирует стилистическую принадлежность слова (разг.).

Диминутивность русской речи как национальное речевое свойство отмечали и отечественные (В.В. Виноградов, Н.А. Янко-Триницкая, Е.А. Земская, В.А. Червова, Н.Ф. Спиродонова и др.), и зарубежные (например, А. Вежицкая) лингвисты.

Как известно, не все языки обладают таким «диминутивным богатством», как русский язык. Так, в корейском языке есть диминутивные значения, но по сравнению с русским языком, они выражаются часто при помощи прилагательных: *маленький, милый, любимый*. Особенно это касается неодушевленных предметов. Например: 내 방에는 양증맞은 커튼이 걸려 있다 (*В моей комнате висят миленькие ишторки*).

Интерес представляют случаи, когда маленькие вещи в доме (*лестница, коробочка* и др.) называют при помощи слова 꼬마 [кома] (=маленький ребенок), то есть маленькие предметы уподобляются детям. Например: 꼬마계단 [кома гедан] (=маленькая лестница).

Также для этой цели в корейском языке используются специальные слова 아기 [аги] (=ребенок), 아가 [ага] (ласкательная форма ребенка). В корейском языке диминутивное слово АГА используется по отношению к ребенку и соответствует русским номинациям *миленький, голубчик*. Интересно, что молодую жену родители ее мужа зовут ласкательно 아가 [ага] (буквально: ‘молоденькая, детка, еще малое дитя’). Что касается названий детей, например, *дочка, сынок*, то в корейском языке, чтобы выразить ласкательность, используются уже не членимые основы. Например: 딸내미 [талнеми] (=дочка), 아들내미 [адылнеми] (=сынок).

Также в корейском языке имеет место выражение диминутивной модификации через метафоризацию словосочетания: *Дом на ветке* → 일지소 – [ильчисо] – ‘маленький домик’ (часто на каком-либо возвышении); *Дом улитки* → 와러 – [варё] – ‘маленький, неказистый, неудобный дом’; *Дом пчелы* – 벌집 – [больччип] – ‘ряд маленьких, прилепившихся друг к другу комнат-клетушек’; *Панцирь краба* – 게막지 – [гэтакччи] – ‘маленький, ветхий дом, развалюшка’ (намек на то, что, когда едят краба, то ломают его панцирь на кусочки, извлекая из них мясо).

Итак, словообразовательная деривация в ассоциативно-семантическом поле «Жилище и его части» богато представлена «формами субъективной оценки». Это проявление не формообразования, а

словообразовательной модификации, то есть «семантическое расстояние» в словообразовательной паре, включающей слово с суффиксом эмоциональной оценки, очень небольшое: называется тот же предмет, но в уменьшительно-ласкательном или увеличительном виде.

Среди данных дериватов ведущее место занимают диминутивы, в которых уменьшительность соединяется с ласкательностью или проявляется только ласкательность. Последнее особенно касается названий смежных сфер: «Семья», «Домашнее хозяйство», что объясняется психологией восприятия маленького. Кроме значения «ласкательность», значение уменьшительности может соединяться с компонентами «уничтожительность», «пренебрежительность». Диминутивные смыслы подерживаются контекстуально.

В анализируемом семантическом пространстве немало единиц, в содержании которых уменьшительно-ласкательность «стирается» и бывший суффикс эмоциональной оценки становится только показателем разговорности (*окошко, стенка*). Это общая тенденция в употреблении диминутивных «форм».

Обилие диминутивных образований в сфере «Жилище» и в смежных полях, по сравнению с другими тематическими объединениями, можно объяснить особой значимостью сферы «дом» для человека, нередко соотносящейся с самым близким, родным, милым сердцу.

Диминутивность – яркая черта русскоязычного поведения; в других языках, в частности, в корейском, она представлена словообразовательно гораздо беднее и выражается в основном средствами контекста. В корейском языке интересны случаи метафоризации композитивных словосочетаний, а также использование метафоры «дитя» по отношению и к одушевленным, и к неодушевленным предметам – для выражения ласкательности.

Литература

- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
 Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.
 Крысин Л.П. Словарь иностранных слов. М., 2010.
 Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревой. М., 2007.
 Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
 Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь : в 2 т. М., 1998. Т. 2.

ЭКЗОГЛОСНЫЕ СТРАТЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКЗОГЛОСНОГО ТИПА ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Ю.В. Кобенко

Ключевые слова: экзогlossные явления, иноязычная лексика, немецкий язык, языковая эволюция.

Keywords: exoglossia phenomena, foreign lexics, the German language, language evolution.

Всякое влияние извне, будь то культурное, политическое или экономическое, незамедлительно отражается на языке того этноса, который подвержен данному влиянию. Языковая система достаточно тонко реагирует на изменения в социальном пространстве его носителей, как правило, в форме заимствования иноязычного материала. В лингвистической литературе такие влияния принято обозначать *экзогlossными* (греч. *exo* = внешний и *glōssa* = язык).

Симптомом последних можно считать так называемые *экзогlossные страты* в составе языка-реципиента, являющиеся своего рода отпечатками данных влияний. Это лексические единицы, сгруппированные в семантические группы и заимствованные из определённого языка-донора, который некогда выступал образцом для подражания. К примеру, такой язык, как немецкий, обнаруживает в своём корпусе целые пласты иноязычной лексики, или же, если влияние языков-доноров было менее существенным, отдельные слова, диффузно представленные, как правило, в периферийных (функционально-стилистически дифференцированных) сферах языка.

Экзогlossные влияния являются неотъемлемой составляющей эволюционных преобразований в историческом развитии немецкого языка. Вольтер, будучи в Потсдаме в 1750 году, написал следующее: «Я во Франции. Здесь говорят исключительно по-французски. Немецкий существует лишь для солдат и лошадей» („*Ich bin in Frankreich. Man spricht nur unsere Sprache. Das Deutsche ist nur für die Soldaten und die Pferde*“; (цит. по Р. Шродту: [Schrodtt, 2000])). Действительно, французский язык того времени был в Германии больше, чем просто языком науки, образования и почты. Только в XVIII веке в стране было издано более 400 трудов по французской грамматике и лишь один на немецком – словарь иностранных слов С. Рота «*Der Deutsche Dictionarius*». Эпоха абсолютизма наложила не меньший отпечаток на систему немецкого языка, чем оба перио-

да (золотого и серебряного) латинизма, которым с беспрецедентным упорством противились пуристы Й.Х. Кампе, Ф. фон Цезен и Й.Г. Шоттель, и уверенно сохраняет паритет с эрой американизации, продолжающейся с начала индустриальной революции.

Результатом таких экзогlossных влияний можно считать страты иноязычной лексики в составе современного немецкого языка, обширность которых связана с интенсивностью процесса заимствования в тот или иной период его развития. Наиболее крупные экзогlossные страты свидетельствуют о продолжительных этапах заимствования, обозначаемых «волнами» (нем. *Entlehnungswelle*). *Волной заимствования называется длительный период в историческом развитии определенного языка-реципиента, когда в его состав было выгодно, престижно, модно, предпочтительно заимствовать единицы неизменно одного языка-донора.* Чем больше волн заимствования удалось пережить определённому языку, тем более устойчивым он становится к экзогlossным влияниям. К примеру, английский язык, один из наиболее ярких представителей западногерманской ветви, вобрал в себя материал нескольких языков-доноров [Faiß, 1989, с. 121–129]. Именно эта «многоязыковость» идиома, слагающаяся неизменно в условиях экзогlossных влияний, помогает открывать носителям разных языков в нём что-то своё [Ohnheiser, 1999, с. 300]. Только благодаря ей английский язык (собственно, язык англов, саксов и ютов – германских племён, завоевавших Британию в V веке) стал широко распространённым международным языком и является одним из крупнейших языков-доноров современности.

В истории немецкого языка необходимо различать два основных типа волн, обусловивших специфику его идиома: умеренные волны, оставившие в нём организованные экзогlossные страты (греческого, итальянского, нидерландского происхождения), и интенсивные «волны», или *инвазии* (позднелат. *invasio* = вторжение), оказавшие существенное влияние на его языковой идиом (латинского, галльского, англо-американского происхождения). Помимо «отпечатков» волн в словарном составе современного немецкого языка присутствуют разрозненные заимствования из других языков, не образующие отдельных страт и описывающие в большинстве своём импортированные реалии соответствующих культур: ср. «*Reich*», «*Eisen*» (из кельтского), «*Turban*», «*Pilau*» (из турецкого), «*Praht*», «*Doline*» (из словенского) и пр.

Волна – не то же самое, что экзоглоссия. Последняя, будучи параметром эволюционной динамики языков, выступает скорее направленно для стихийных процессов, могущих называться «волной заимствования», и выражается в *ди-* либо *полиглоссии*. Первая стратифицирует языковой материал определённого языка-реципиента и, как правило, не более одной экзоглоссной страты в его составе, образовавшейся в результате заимствования единиц какого-либо языка-донора. *Полиглоссия* является неким «остаточным» явлением, наблюдаемым при диахронном анализе состава рецепирующего языка и предполагающим охват языкового материала всех экзоглоссных форм, когда-либо на него воздействовавших. Таким образом, посредством диглоссии происходит функционально-стилистическое размежевание контактных глосс (вертикаль), в то время как полиглоссия – качественная характеристика языкового идиома после ряда эволюционных трансформаций языка-реципиента в условиях экзоглоссии. Необходимо подчеркнуть, что к экзоглоссному сценарию эволюции склонны, как правило, те языки, которые сами формировались под воздействием экзоглоссных импульсов. Периодически повторяющийся сценарий эволюции в условиях экзоглоссии позволяет констатировать *экзоглоссный эволюционный тип языка*.

Способность к экзоглоссии напрямую связана с пермиссивностью (лат. *permittere* = позволять, пропускать) определённого языка, т.е. с пропускной способностью его системы. Считается, что все языки западногерманской группы (фризский, английский, нидерландский и (нижне)немецкий) обладают способностью вбирать изрядное количество экзоглоссного материала¹. Данные языки сохраняются – пусть и в виде вариантов литературного языка (американский английский) или диалектов (фризский) – достаточно продолжительное время, успешно справляясь с агрессией мощных языков-суперстратов, поглощающих или вытесняющих малые языковые формы. Сегодня значение термина «суперстрат» фактически можно приравнять к содержанию понятия «мировой язык». Это оправдано, на наш взгляд, схожестью эволюционного сценария распространения суперстратов древности и современных международных языков, предполагающего смену приоритета функций посредничества и

¹ Здесь сознательно не употреблён термин «адаптировать», так как далеко не все экзоглоссные элементы в составе, к примеру, немецкого языка, адаптированы к его языковой системе.

обеспечения внутриэтнического общения [Мечковская, 2000, с. 165].

По теории Р. Шродта, языки, обладающие иммунитетом к суперстратам, развились в результате активности самих суперстратов, в данном случае – индоевропейского, генетически передавшему своим потомкам мощную пермиссивность [Schrodtt, 1976]. Тем самым экзогlossный тип эволюции отдельных германских языков можно квалифицировать как залог их самосохранения. Последнее происходит через заимствование той части словарного состава суперстрата, которая и формирует развитость последнего, то есть того, что можно обозначить «языковым приростом».

Языковой прирост эквивалентен разнице в развитии между рецепирующим и дающим языками (суперстратом или международным языком) и материально выражается в заимствовании, во-первых, единиц словарного фонда языка-донора, представляющих собой более эффективные средства, и, во-вторых, механизмов для создания таких средств в эволюционировавшем языке-реципиенте. Как известно, совершенствование определённого языка достигается двумя способами: повышением эффективности собственных средств и созданием новых эффективных средств [Беликов, Крысин, 2001, с. 16]. В соответствии с этим любой экзогlossный материал следует подразделять на априорные (заимствованные эффективные средства) и апостериорные образования (при помощи заимствованных механизмов) в языке-реципиенте.

Можно резюмировать, что не язык-донор воздействует на языки с экзогlossным типом языковой эволюции, а последние притягивают языковой материал дающего языка, дабы адаптироваться к условиям престижного культурного стереотипа. Так, в результате подражания культурному стереотипу США в немецком языке ФРГ послевоенного периода образовалась целая экзогlossная страта англоязычного образца. Экзогlossные страты представляют собой либо готовые социолекты, заимствованные из языка-донора (лексика мореходства из нидерландского, язык моды из французского, а ныне из английского), либо отдельные лексические группы, позднее развившиеся в социолекты или социальные жаргоны уже на языковой территории языка-реципиента. Таким образом, устойчивым признаком экзогlossных страт является диглоссия (функционально-стилистическая дифференциация) с автохтонными единицами или стратами принимающего языка.

Но диглоссия как таковая редко бывает чисто языковой природой. Диглоссной парцелляции предшествует социальная, что доказывает превалирование социальных факторов в развитии экзоглоссии. К примеру, диглоссию «(американский) английский vs. современный немецкий» австрийский лингвист Х. Ленгауер характеризует следующим образом: «*Заимствование англоязычных слов в немецкий язык служит не пониманию явлений чуждой культуры, как это было ранее, а скорее социальному размежеванию*»¹. Однако диглоссия имеет и положительные стороны. Парцелляция Собственно-го и Чужого, автохтонного и заимствованного, создаёт возможность для выбора адекватного средства. К примеру, если автохтонное слово «обросло» тяжёлыми негативными коннотациями, заимствование помогает «отбелить» денотат, приобретший тяжеловесные политические коннотации: ср. *der Chef der Regierung* (Bundeskanzler) вместо: *der Führer der Regierung**.

У языков с экзоглоссным типом эволюции диглоссия со временем приводит к развитию полиглоссии (многоязычности). Симптомом полиглоссии, в свою очередь, является гетерогенность состава литературного идиома, могущая существенно затруднять его кодификацию. В истории немецкого языка строгость кодификационных предписаний была прямо пропорциональна степени освоенности экзоглоссного материала, что приводило даже к всплескам радикального пуризма, при котором заимствования назывались «евреями языка» (нем. *Juden der Sprache*).

Таким образом, по стилистико-функциональным параметрам экзоглоссные страты образуют пласты паралексики, вступающей со средствами автохтонного языка в отношения диглоссии. Диглоссия и экзоглоссия как способ языковой эволюции неразрывно связаны друг с другом в течение всей истории немецкого языка. Это проливает свет не только на природу экзоглоссных норм, но и на полиглоссный состав (наличие нескольких страт иноязычной лексики) таких германских языков, как немецкий и английский. Полиглоссия как внутриязыковое явление закладывалась на ранних истоках формирования языков германской ветви и является тем необходимым условием эволюции данных языков, который и определяет их эволюционный тип.

¹ Из материалов переписки автора статьи с Х. Ленгауэром (Клагенбургский университет) 2002–2003 годов.

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.
Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2000.
Faiß K. Englische Sprachgeschichte. Tübingen, 1989.
Ohnheiser I., Kienpointer M., Kalb H. (Hrsg.) Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europäischen Ländern : Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd. 30). Innsbruck, 1999. Nr. XI.
Schrodt R. Die germanische Lautverschiebung und ihre Stellung im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1976.
Schrodt R. Wörter aus der Fremde [Электронный ресурс]. URL: www.unet.univie.ac.at/~a9902976/index.html.

ИМЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИЛЛИЧЕСКОГО ТОПОСА В СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ М.Н. МУРАВЬЕВА (повесть «Обитатель предместья»)

И.Н. Островских

Ключевые слова: поэтика имени, идиллия, сентиментальная проза, автор, персонаж.

Keywords: name poetics, idyll, sentimental prose, author, character.

Повесть М.Н. Муравьева «Обитатель предместья» является центральной частью так называемой «маленькой трилогии»¹ и рассматривается исследователями как идиллическое произведение, которое «создает свою <...> утопию, воплотившую нравственный, этический идеал и идеал государственного устройства» [Абрамовская, 2003]. Мир предместья является своего рода социальным микрокосмом, отражающим макрокосм государства, что объясняет «густозаселенность» художественного пространства повести: несмотря на небольшой объем (19 страниц) в ней насчитывается более двадцати безымянных и поименованных героев. Большинство персонажей составляют круг общения героя-рассказчика, это его соседи, друзья и знакомые. То, что состав-

¹ В нее входят «Эмилиевы письма», «Берновские письма» и «Обитатель предместья» (см. об этом: Л. Росси «Маленькая трилогия М. Муравьева / Л. Росси // Russika Romana I. Roma, 1994. С. 51–78).

ляет в самом широком смысле семью Обитателя, где представлены все сословия, общество в целом.

Повествование в тексте ведется от первого лица. В центре персонажной структуры – безымянный автор-рассказчик («лирический герой», по верному определению Абрамовской) [Абрамовская 2003]. Безымянность Обитателя вполне понятна: он ближе к авторскому плану, нежели к персонажному.

По способу именованя персонажи можно условно разделить на тех, что названы только по имени, только по фамилии и безымянных. Среди поименованных персонажей есть фамилии с прозрачной семантикой – Благовторов, Кормилов, Перков, Дремов и Тучин¹; и требующие определенной дешифровки – Неслетов, Алетов, Иринеев, Иланов. Молодые герои повести названы только по имени: Эмилий, Васенька, Алексей (Олешенька), Евфемон.

Безымянные герои повести архетипичны : это старый и почтенный священник, старик-крестьянин («патриарх», как называет его Обитатель), благочестивая жена священника и единственный отрицательный персонаж повести – богатый, но непросвещенный и грубый сосед-помещик (минус-прием).

Первое собственное имя, упоминаемое на страницах повести, – имя близкого и любимого друга Обитателя, сына графа Благовторова, «любезного Эмилия», отдавшего свою жизнь за Отечество. Упоминание о нем появляется уже во второй записи от 9 августа. Образ Эмилия – сквозной для всей «маленькой трилогии», он – центральный персонаж «Эмилиевых писем», первой ее части². Эмилий наиболее близок лирическому герою по духу, их связывали при жизни самые нежные отношения. Значимо, что это имя начертано на подножии памятника, который Обитатель соорудил в своем саду в память о любимом друге. Образ Эмилия в повести репрезентирован через эпитафию и воспоминания Обитателя, что было вполне в духе сентиментальной эстетики. Сооружение такого памятного знака в саду, надпись на нем – все это говорит о чувствительной и нежной душе самого лирического героя.

В той же записи появляются еще два персонажа, названных только по имени. Это Васенька, воспитанник графа, своего рода «заместитель» Эмилия, молодой человек, подобно ему избравший для себя во-

¹ Семантика последних двух фамилий в тексте никак не реализуется.

² Языковая семантика и «культурный код» этого имени были весьма основательно проанализированы академиком В.Н. Топоровым [Топоров, 2001, с. 404–408].

енное поприще¹. Примечательно, что лирический герой называет его уменьшительно-ласкательно – Васенька, словно бы это не молодой человек, а маленький мальчик, ребенок, с душою чистой и прекрасной. Такое «домашнее» имя делает этот образ ближе читателю, реалистичнее. Также обычным русским именем Алексей, или, как его называет дед, Олешенька, назван младший внук почтенного старца-крестьянина. В этих именах важна не собственно языковая семантика, а их распространенность, обычность. Называние молодых людей традиционными именами было не совсем обычно для литературы эпохи сентиментализма, где господствовали Эрнесты, Эрасты, Леоны, Довмонты и т.д.

В Листе № 2 упоминается единственное в повести женское имя София. Это имя не только типично для русской литературы XVIII века², но и символично. Символика и семантика этого имени богата и многозначна. В контексте повести оно связано с историей капитана-командора Неслетова, София – имя его покойной жены, оно переводится с греческого как «мудрость», а в религиозно-философском аспекте – «премудрость Божия»³. Старинный друг Обитателя Неслетов тяжело переживает утрату супруги: *«С тех пор и капитан более мучится, нежели живет. Не доверяя горячности своей, он лишил себя последней отрады видеть своих детей. Он дает им воспитание в отсуствии, под присмотром благоразумного друга»* [Муравьев, 1979, с. 73]. Утрату Софии можно рассматривать как утрату софийности в масонском и теософском понимании, т.е. утрату живой связи человеческой души с Богом. Эта утрата сказалась на душевном состоянии Неслетова: *«И теперь сама склонность лет его и горестные опыты не могут совершенно преодолеть крутости его нрава... Самая безделица выводит его из себя. Но ничто не может быть горестнее и искреннее его раскаянья»* [Муравьев, 1979, с. 73]. В масонской концепции, а взгляды масонов во многом были мировоззренчески близки М. Муравьеву [Пашкуров, Мясников, 2003, с. 48–60], душа, отлученная от горнего света, переживает ряд тягостных эмоциональных состояний, в том числе печаль, тоску, смятение либо ожесточение, ярость [Вай-

¹ Из «Эмилиевых писем» нам известно, что Васенька – адъютант генерал-майора Славина.

² Именем София (Софья) часто называли положительных героинь в русской литературе XVIII в., как классицистической, так и сентиментальной. Стоит вспомнить Софью из «Недоросля» Д. Фонвизина, героинь сентиментальных повестей с этим именем (Г. Каменев «Сефья», А. Клушин «Несчастный М-в»), а также повесть неизвестного автора «Модест и София»). Возлюбленную Эмилия из знаменитого романа Ж.Ж. Руссо о воспитании также звали София.

³ Об этом: П.А. Флоренский. Имена. М., 2006.

скопф, 1993, с. 383]. Все эти признаки внутреннего смятения героя на лицо, но он как истинный христианин борется со своими пороками, занимается благотворительностью, строит церковь. Примечательно, что Неслетов – единственный персонаж повести, обладающий противоречивым характером, именно это выделяет его среди положительно-прекрасных друзей Обитателя, и фамилия его не имеет положительной семантики: «неслетье», по словарю В.И. Даля, – это «неурожайный год», «невзгода», «неудача» [Даль, 1956, с. 535]. Имя определяет судьбу героя, так как Неслетов – не только противоречивый человек, но и несчастный вдовец, разлучивший себя с детьми.

Образ не вполне идеального Неслетова только усиливает идиллическую доминанту повести, остальные персонажи которой (кроме безымянного соседа-помещика) абсолютно добродетельны и прекраснодушны. Граф Благотворов, заседатель Карманов, ученый Перков, майор Дремов, купец Кормилов, наставник Иланов, воин Алетов, добрый приятель Иринеев составляют «ближний круг» лирического героя. Друзья Обитателя названы только по фамилиям, что было более характерно для эстетики классицизма, нежели сентиментализма. Имя в данном случае выявляет либо нравственную доминанту персонажа, либо обозначает его сферу общественной деятельности. Наиболее понятны говорящие фамилии с русскими корнями: самый идеальный из всех положительных персонажей граф Благотворов, просвещенный купец Кормилов, ученый Перков (от «перко» – писчее перо). Исключение составляет лишь судебный заседатель Карманов, исходя из значения фамилии которого можно предположить его нечестность и сребролюбие, как например, у персонажей комедии В. Капниста «Ябеда» прокурора Хватайко или судьи Кривосудова, но он благородный государственный муж, всегда готовый вступить за слабого. Карманов – своего рода говорящая фамилия «наоборот».

Не все герои наделены именами с прозрачной семантикой, ряд персонажей назван именами с греческими и латинскими корнями: Иланов, Алетов, Иринеев, и, конечно же, Евфемон.

Имена Алет и Илионей упоминаются в «Энеиде» римского поэта Публия Вергилия Марона:

*Илионей корабль и Ахата прочное судно,
То, на котором Абант, и то, где Алет престарелый,-
Все одолела уже непогода...* [Вергилий, 2006, с. 11]

М. Муравьев был хорошо знаком с творчеством Вергилия, обращался к нему в таких стихотворениях, как «Сила гения» (1785,

<1797>), «Сожаление младости» (1780) и др., потому подобная аналогия вполне закономерна.

Алетов и Иланов, подобно Алету и Илионею, являются спутниками повествователя, который, следовательно, в какой-то мере ассоциируется с Энеем.

«Кроткий Иланов» – наставник повествователя, спутник его «младенчества»: *«Власы главы его белели от хлада старости; весна моей жизни не расцвела еще совершенно. Мы касались оба противоположных крайностей века. Но дружба его и опытность сокращали то расстояние, которое разделяло нас»* [Муравьев, 1979, с. 74]. Это персонажная пара воплощает те отношения между людьми, которые так ценили сентименталисты: и дружеские, и семейные (Иланов обращается к повествователю «Сын мой!»). Иланов – образцовый наставник, мудрый старец, который учит воспитанника самому главному: *«Одно счастье – добродетель; одно несчастье – порок... Спокойная совесть творит природу прекрасную...»* [Муравьев, 1979, с. 74]. Фамилия Иланов имеет латинский корень, в латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого слово *Пион* переводится как Илион, то есть Троя [Дворецкий, 1976, с. 488]. Следует отметить тот факт, что Эней начинает свой путь из Илиона после поражения в Троянской войне. В.Н. Топоров пишет: «Все, что есть у изгнанников в их странствиях, связано с Троей и из нее вывезено» [Топоров, 1994, с. 94–95]. Эти слова Топорова, немного перефразируя, можно применить и к Обитателю. Повествователь начинает свой жизненный путь, свое путешествие с поры того самого «младенчества», неся знания и уроки, которые дал ему Иланов.

С другим спутником Энея, Алетом, связано именование доброго приятеля Обитателя предместия – Алетова¹: *«Я расспрашиваю об Алетове и имею несравненное удовольствие слышать, что он жив, что к достоинству храбрости присоединил он другое, любезнейшее – человеколюбие. Он имел счастье, был употреблен к спасению погибающих. Множество равных ему людей, сограждан, обязаны ему жизнию»* [Муравьев, 1979, с. 76]. Если Иланов является для повествователя наставником, духовным учителем, то Алетов – храбрый защитник, образец человека, находящегося на военной службе. Кроме того, возможно предположить происхождение этой фамилии от греч. «алетейя» - «истина», Алетов – один из носителей истины, т.к. он – весьма просве-

¹ Алетов является в том числе и одним из персонажей т.н. «Феонина цикла».

щенный молодой человек, с восхищением цитирующий трагедии Вольтера.

Греческое происхождение имеет также фамилия Иринеев, который появляется в Листе № 8 – повествователь получает от него письмо, содержащее приглашением в Берново и «басенку» под названием «Изгнание Аполлона». Имя Иринеи, от которого образованна фамилия, означает «мирный», «мир», и, что характерно, это имя «по преимуществу монашеское» [Акентьева, 1994, с. 18]. Такое именование становится знаком покойной уединенной жизни, показывает связь героя со всем идиллическим миром предместия, с космической гармонией.

Особняком стоит приемный сын майора Дремова, Евфемон. Имя «Евфемон» придумано самим автором и означает в переводе с греческого «воздерживающийся от неподобающих слов» [Топоров, 2001, с. 554]. Поучительная история его жизни разворачивается на Листах № 9, 10 и завершает повествование. История жизни Евфемона репрезентирует сюжет евангельской притчи о блудном сыне. Подобно библейскому герою, разгневанный Евфемон покидает дом своего названного отца, горько обидев последнего. Далее, в Листе № 10, описывается путь Евфемона от безрассудного юноши до человека, «несчастием искушенного»: *«Два года послушный добродетельному оратаю... терпеливый, прилежный, благонравный, он казался ангелом небесным... Он приобрел еще более превосходства со стороны сердца в школе несчастья и сельской жизни»* [Муравьев, 1979, с. 88]. Особо важна встреча этого героя с повествователем: *«Первое слово, им произнесенное, открыло мне состояние его... С видом виновного, который ждет осуждения, он сказал: «Позвольте спросить, не доходило ли нечаянно до слуха вашего почтенного имени Дремова? Небо сохраняет ли еще добродетельную жизнь его?»* [Муравьев, 1979, с. 88]. Именно в этот момент у Евфемона появляются нужные случаю слова «не мальчика, но мужа», слова, «подобающие» человеку умудренному. Повествование заканчивается: ошибки юности исправляются, блудный сын возвращается к отцу, мировая гармония восстановлена.

Итак, идилличность картины мира не нарушена: записки Обитателя начинаются с истории Неслетова, с утраты софийности, а заканчиваются интерпретированной притчей о блудном сыне. В основе этих историй лежит общий архетипический сюжет о воссоединении человеческой души с Богом через испытания. К этому сюжету восходит Притча о блудном сыне, миф об Амуре и Психее, некоторые сюжеты масонской литературы, о чем писала Н.Д. Кочеткова [Кочеткова, 1964, с. 181–194]. На него «работают» разные художественные уровни тек-

ста, в том числе и поэтика имени. Сюжет об утрате софийности – первая часть сюжета о блудном сыне, сюжет о Евфемоне – его благополучное завершение. Мир по-прежнему гармоничен, время размеренно движется от недели к неделе.

Литература

- Абрамовская И.С. Художественная проза М.Н. Муравьева [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.novgorod.ru>
- Акентьева Л.М. Имена и именины. Новосибирск, 1994.
- Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
- Вергилий Публий Марон Энеида: Поэма. М., 2006.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1956.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Кочеткова Н.Д. Идеино-литературные позиции масонов 80-90х годов XVIII века и Н.М.Карамзин // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964.
- Муравьев М.Н. Обитатель предместия // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
- Пашкуров А.Н., Мясников О.В. М.Н. Муравьев: вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань, 2003.
- Топоров В.Н. Из истории русской литературы Т.П. Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М., 2001. Книга I.
- Флоренский П.А. Имена. М., 2006.

СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАССКАЗА И. ЕФРЕМОВА «ВСТРЕЧА НАД ТУСКАРОРОЙ»

Е.А. Мызникова

Ключевые слова: Ефремов, триада, структура текста.

Keywords: Efremov, triad, text structure.

Рассказ «Встреча над Тускаророй» – один из первых рассказов И.А. Ефремова, написанный в 1943 году. Входит в сборник «Пять румбов» вместе с еще четырьмя рассказами: «Озеро Горных Духов», «Путями Старых Горняков», «Олгой-Хорхой», «Голец Подлунный».

«Встреча над Тускаророй» – история столкновения советского парохода «Коминтерн» с затонувшим кораблем «Святая Анна», перевозившим на борту пробковые пластины и от этого продержавшемся на плаву 133 года (с 1793 до 1926 год).

При внешне довольно простом сюжете содержательно «Встреча над Тускаророй» наполнена немислимым количеством топонимов, имен и фактов. К примеру, описание Кейптауна представляет собой почти гипнотическое перечисление названий вершин, склонов и улиц. С одной стороны, подбор такого лексического и фактического материала отражает специфику приключенческого жанра. С другой, мы предполагаем, что этот материал подчинен неким закономерностям, выявление которых способно наделить рассказ объемом и глубиной.

По мере вчитывания в текст трудно не обратить внимание на многократное, почти навязчивое повторение числа «3», как прямо, так и косвенно.

1. В тексте **три** корабля: «Коминтерн», «Святая Анна», «Енисей».
2. С затонувшего судна (с **трех**мачтового корабля) поднято **три** ящика.
3. «Святая Анна» затонула в **третьем** месяце (март) 1793 года и пробыла на плаву **133** года.
4. Старпом *«смог около **трех** дней полностью провести на берегу»* [Ефремов 1993, с. 35].
5. Рассказчик видит с корабля *«очертания **трех** гор Кейптауна»* [Ефремов 1993, с. 40].

Всё перечисленное – тройки, упомянутые прямо. Однако их составляющие неравнозначны. Так, например, в первом поднятом со дна ящике оказалась *«каша с лоскутами кожи – всё, что осталось от судового журнала»* [Ефремов, 1993, с. 27], во втором – старинный бронзовый секстант, а *«третий ящик принёс <...> радость, хорошо знакомую всякому, добившемуся желанной цели»*¹ [Ефремов, 1993, с. 28], в нём оказалось письмо Джессельтона – капитана погибшего судна.

Параллельно с этим в тексте менее явно обозначены еще несколько «троек».

1. События разворачиваются в **трех** местах: на «Коминтерне», в Кейптауне и в Ленинграде (действие, связанное со «Святой Анной», как бы сшивает их в единое целое).
2. Энн **трижды** выходит на сцену: 1. спела несколько песен любовно-грустного содержания; 2. исполнила танец с прищел-

¹ Ср. с эпизодом, в котором старпом пьет ром, дающий *«желаемое направление»* мыслям [Ефремов 1993, с. 36].

киванием каблучков и повторением каких-то задорных куплетов; 3. спела песенку о «Святой Анне» и капитане Джессельтоне.

3. В рассказе упоминаются **три** бодрящих напитка: «живая» вода, ром, вино.

Вернемся к содержимому ящиков, найденных на «Святой Анне». Во втором оказался секстант с надписью *«сделал механик Даниэль... (фамилию забыл) в Глазго, 1784 год»: «Эти данные, по существу, ничего не значили, так как английские инструменты могли находиться на любом судне, а пользоваться ими могли много лет при необыкновенной прочности старинных английских приборов»* [Ефремов, 1993, с. 28]. У нас есть основания не доверять «забывчивому» рассказчику, который якобы забыл фамилию механика, поскольку сразу после этого он демонстрирует феноменальные возможности своей памяти, пересказывая письмо Джессельтона: *«Я до сих пор довольно точно помню его содержание»* [Ефремов, 1993, с. 32]. Мы предполагаем, что секстант упомянут неслучайно, а принцип его действия, описанный ниже, является средством для прочтения рассказа.

Секстант – это навигационный инструмент, используемый для измерения высоты светила над горизонтом с целью определения географических координат той местности, в которой производится измерение. В секстанте используется принцип совмещения изображений двух объектов при помощи двойного отражения одного из них (один предмет виден непосредственно, а другой путем отражения в двух зеркалах). То есть, один предмет (горизонт) неподвижен, второй (Солнце, отраженное в двух зеркалах) с помощью прибора опускается до линии горизонта. Непременным условием является установление точного времени соединения. Затем угол возвышения считывается со шкалы и установочного винта. Полученные данные преобразуются с помощью определённых математических процедур, и далее становится возможным вычисление координат местонахождения.

Таким образом, понимание принципа действия секстанта подтверждает нашу догадку о том, что число «3» может составлять основу рассказа, так как, по сути, названный прибор действует в три этапа.

	Действие секстанта	Отражение действия секстанта в тексте
1.	Объект № 1	То, что названо в тексте
2.	Объект № 2	То, что названо в тексте или выявлено через подтекст ¹
3.	Совмещение объектов при помощи секстанта	Синтез фактов

В таблице действие секстанта мы соотнесли с текстом, поскольку, по нашим наблюдениям, весомая часть значимых явлений в тексте явно или скрыто существует на трех уровнях. Но если явная троичность является для исследования чем-то вроде подсказки, то выявление скрытых элементов позволяет выйти на концептуальный уровень. Для того чтобы воспользоваться описанным принципом, необходимо выявить пару для ряда объектов и фактов.

То, что названо в тексте	То, что названо или найдено
Заглавие «Встреча над Тускаророй»	Тускарора – это океанский жёлоб (впадина), то есть место <i>схождения</i> плит ²
«Святая Анна» - прошлое	«Коминтерн» - настоящее (в контексте рассказа)
12 марта 1793 – дата крушения «Святой Анны»	12 марта 1793 – дата полного солнечного затмения ³
Капитан Бегунов	Капитан Джессельтон

Изначально в тексте парно представлены только корабли и их капитаны. Заглавие⁴ становится объемным после понимания того, что, с геологической точки зрения, **встреча** кораблей произошла над **встречей** плит. А дата крушения особенно привлекает внимание после установления того факта, что 12 марта 1793 года в средних и субтропических широтах южного полушария практически на широте, близкой к широте крушения корабля, произошло полное солнечное затмение.

¹ Часть фактов, перечисленных выше, образует тройки. Часть существует в паре (например, два капитана) и требует дополнения в виде одного звена, а для некоторых фактов мы восстанавливаем и второе, и третье составляющие (например, названа только одна встреча – над Тускаророй).

² Океанический жёлоб образуется путём продавливания океанической коры под другую океаническую или континентальную кору (схождение плит).

³ http://www.secl.ru/eclipse_catalog/1793_3_12.html (сайт о солнечных затмениях)

⁴ Ср.: в первом издании рассказ назывался «Встреча с Тускаророй».

Встреча

В заглавии заявлена встреча над Тускаророй. В буквальном смысле речь идёт о встрече кораблей, произошедшей над океаническим жёлобом (впадиной), что обнаруживает вторую встречу – схождение плит. Остаётся понять суть третьей встречи.

Итак, в июле 1926 года пароход «Коминтерн» столкнулся с затонувшим парусным судном «Святая Анна»: *«навстречу нам под водой шел какой-то затонувший корабль»* [Ефремов, 1993, с. 20]. Он вошел *«в корпус погибшего судна, как топор в бревно»* [Ефремов, 1993, с. 20]. «Коминтерн» (коммунистический интернационал), перевозивший в трюме разные хрупкие машины, становится знаком современности, «железного века»¹. В противоположность ему «Святая Анна», с грузом пробки, символизирует прошлое, фантастически долго сопротивлявшееся «времени и океану» [Ефремов, 1993, с. 27]. Таким образом, атеистический «Коминтерн» при встрече со «Святой Анной» решает проблему революционно. Он движется к цели, уничтожая «святое»² на своём пути. И после взрыва, пустив прошлое в пучину, в небытие, *«"Коминтерн" ожил и двинулся»* [Ефремов, 1993, с. 26]. Значит, третья встреча прочитывается как встреча прошлого и настоящего, условно, железного и деревянного, холодного и теплого, атеистического и святого.

Учитывая, что при наличии двух составляющих, восстанавливается третья, заметим, что прошлое и настоящее не только логически подразумевают будущее, но это вытекает и из контекста, поскольку «коммунистический» есть устремленный в будущее.

Кораблекрушение – Солнечное затмение

Немаловажным для понимания рассказа является факт полного солнечного затмения, совпавшего с днем крушения «Святой Анны». Солнечное затмение, с точки зрения обывателя, тоже встреча. Но встреча без непосредственного контакта: Солнце и Луна проходят друг мимо друга, окуная землю на момент встречи в темноту³. Кроме того, солнечное затмение сопровождается эффектом камеры-обскуры, когда любое отверстие (например, промежутки в листве на дереве) создаёт пе-

¹ Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1950-х гг. Барнаул, 2006.

² «Святость» парусника подкрепляется религиозностью капитана Джессельтона, о которой мы можем судить на основе его письма: *«Воля Всевышнего Творца да будет надо мной<...>посланная нам судьбой чаша страданий<...>луч надежды озаряет меня<...>да свершится воля господа. Аминь».*

³ Соединение светила и горизонта при работе с секстантом также лишь иллюзия – результат оптического совмещения.

ревёрнутое изображение серпа Солнца («серповидные тени»). Этот эффект срабатывает в рассказе, например, в момент столкновения кораблей, когда «Святая Анна» выглядит как перевёрнутый «Коминтерн» не только в пространственном отношении, но и в смысле противопоставленности времени, материала, содержимого трюма¹ (см. выше).

По тому же принципу взаимодействуют две части текста: события на борту «Коминтерна» и действие в Кейптауне. Вторая из названных частей описана посредством уменьшительной лексики (кабачок, бульварчик, столбики, садик, песенки, певичка), действие происходит в замкнутом пространстве кабачка, затем в **тени** аллей и в **ограде небольшого** садика под кронами **низких** деревьев [Ефремов, 1993, с. 38–39] и сопровождается электрическим светом (маяк, фонарь). Всё это, в отличие от событий, произошедших в открытом море с довольно большим пароходом, на котором работают «*широкие, как комоды <...> огромной силы люди*», похоже на уменьшенный мир, свёрнутый в светонепроницаемую коробочку – камеру-обскуру².

Капитаны

Что касается капитанов, то фактически их двое: Бегунов и Джессельтон. Но в тексте есть оговорка, ошибка Анны, которая обращается к рассказчику «капитан»³: «*сказала насмешливо девушка, повышая меня в чине*» [Ефремов, 1993, с. 37]. Заметим, что до этого рассказчик ведёт себя как зритель, посторонний, чужой: «*...я погрузился в неторопливые размышления о чужой жизни и о том восхитительном праве неучастия в ней, которое всегда ставит зоркого странника на какую-то высшую в сравнении с окружающими людьми ступень*» [Ефремов, 1993, с. 36]. И чужим он остаётся лишь до тех пор, пока не превращается в участника событий. Далее сам рассказчик как бы принимает отведённую ему роль: «*Выходная вахта была капитана, но мне не хотелось спать. Я сунул голову под кран, потом выпил горячего кофе и вышел на верхний мостик*» [Ефремов, 1993, с. 39]. И, наконец, капитан Бегунов передаёт рассказчику телеграмму от Анны, догадываясь, что она адресована именно ему: «*Капитану русского корабля*» [Ефремов, 1993, с. 40]. Этот сдвиг в тексте символизирует возможность искуст-

¹ Пробка и машины не только противопоставлены друг другу по принципу «дерево – железо», но и образуют перевёртыш: пробка – гибкая и долговечная (пластины остались на поверхности воды даже после взрыва), а машины – хрупкие [Ефремов 1993, с. 16].

² Это дополняет ряд ёмкостей, заданный в рассказе через океанскую впадину, трюм корабля, три ящика, оловянную банку с письмом Джессельтона и проч.

³ Обращает на себя внимание, что слова капитан (captain) и Кейптаун (Capetown) близки по звучанию. Возможно, этимологически родственны.

венного совмещения двух званий (ср. с двумя объектами в работе с секстантом), которые на деле не могут соединиться в одном человеке.

Таким образом, результаты проведённого анализа таковы:

То, что названо в тексте	То, что названо или найдено	Результат
Заглавие «Встреча над Тускаророй»	Тускарора – это океанский жёлоб (впадина), то есть место <i>схождения</i> плит	Концептуально происходит встреча прошлого и настоящего, двух эпох.
«Святая Анна» – прошлое	«Коминтерн» – настоящее	Коммунистический – будущее.
12 марта 1793 – дата крушения «Святой Анны»	12 марта 1793 – дата полного солнечного затмения	Встреча без соединения/понимания/взаимопроникновения
Капитан Бегунов	Капитан Джессельтон	Рассказчик (старпом), ставший по ошибке капитаном

Приём отражения и совмещения составляет основу рассказа. Встреча прошлого и настоящего, попытка и невозможность их соединить выражены метафорично и вместе с тем буквально в принципе действия секстанта.

Далее попытаемся использовать полученные результаты и заявленный нами принцип работы секстанта (см. выше) для понимания финальной сцены рассказа, так сильно не любимой критиками¹. Для удобства рассмотрим сцену в кабачке в виде таблицы:

¹ Л. Успенский: «...концовка рассказа, где рассказчик внезапно <...> обнаруживает привлекательную и несчастную жертву порока, которая внезапно оказывается имеющей непосредственную связь с тайной прошлых веков, добытой из глубины Тускароры, - эта концовка является и в рассказе и в поэтике автора совершенно чужеродным телом. В ней всё приблизительно, всё неточно и неверно, всё имеет привкус дурного тона и вкуса <...>. Конец этот <...> тем большая неудача автора, что он открывает собою ложный ход: встреча с девушкой совершенно не нужна; она ровно ничего не разъясняет и не прибавляет к рассказу» [Успенский 1957, с. 50-51.] «...очень интересный и хорошо напи-

Секстант	Аналогия в тексте	Комментарий
Первый объект – неподвижный (горизонт)	Рассказчик <i>«уселся за столик, стоявший у выступа стены»</i> [Ефремов 1993, с. 36]	Занял статичное положение (неподвижный горизонт)
Второй объект – Солнце, отраженное в двух зеркалах	<p>1. <i>«на эстраду вышла невысокая девушка»</i> [Ефремов, 1993, с. 36]</p> <p>2. спела несколько песен, затем <i>«скрылась за кулисами»</i> [Ефремов, 1993, с. 36]</p> <p>3. <i>«Она появилась снова...»</i> [Ефремов, 1993, с. 36], станцевала</p> <p>4. <i>«девушка, оказывается снова переменила костюм»</i> [Ефремов, 1993, с. 37] (то есть, снова скрылась и в очередной раз вышла на сцену)</p>	<p>1. Анна находится на сцене, то есть пространственно выше рассказчика (как Солнце над горизонтом)</p> <p>2. Она то выходит на сцену, то скрывается за кулисами (как Солнце)</p>
С помощью секстанта отражение солнца опускается до линии горизонта.	Во время третьего выхода на сцену Анна запела песенку <i>«о бесстрашном капитане Джессельтоне, избороздившем южные моря, о высоких мачтах корабля "Святая Анна"...»</i> .	Рассказчик понимает, что между Анной и случившейся с ним историей существует связь
Изображение Солнца совмещается с линией гори-	<i>«Подняв глаза, я увидел её прямо перед собой»</i> [Ефремов,	Произошла встреча («совмещение»)

санный рассказ «Встреча над Тускаророй» спорчен введением довольно банального эпизода в портовой таверне Кейптауна» [Брандис, Дмитриевский, 1963, URL].

зонта	1993, с. 37]	
Засекается время (без этого невозможно определение координат)	«...затем я занялся тщательным раскуриванием трубки, вынул часы...и вдруг быстро повернулся к эстраде, так и не посмотрев, который же час» [Ефремов, 1993, с. 37]	В результате этого произошло непонимание, Анна не поверила в историю о встрече с затонувшим кораблём и найденном письме: «Да, вы без сомнения, настоящий моряк, если можете так здорово выдумывать» [Ефремов, 1993, с. 39]
Секстант не работал	«В ту же минуту она скрылась за калиткой, в тени деревьев, куда не доходит свет фонаря» [Ефремов, 1993, с. 37] ¹ .	Рассказчик не соблюдает условие – не устанавливает время ² . В итоге, нет ни веры, ни понимания, и рассказчик с Анной расходятся в противоположные стороны (как горизонт и Солнце).

Так происходит связь двух частей текста: внешне через образ рассказчика и песенку о капитане Джессельтоне и внутренне на основе структурных связей и проведения через весь текст идеи связи времен. Как в секстанте светило отражается в двух направленных друг на друга зеркалах, так и Анна (будучи носителем графически зеркального имени) отражается в зеркалах прошлого и будущего. И если уж применять принцип работы секстанта, то нужно учитывать, что Солнце проходит через фильтры, поэтому в отражении оно выглядит как диск, точно так же, как плоское и тусклое³ настоящее с песенками, певичками и кабачками, охваченное «ощущением какой-то утраты» [Ефремов, 1993, с. 39, 40].

¹ Точно так же, как «Святая Анна» погрузилась в «глубочайшую пучину» [Ефремов, 1993, с. 27], где «нет ни течений, ни волн» [Ефремов, 1993, с. 33].

² С одной стороны, подобные выводы выглядят техничными, с другой, скажем, часы становятся в тексте очевидным знаком времени, обозначая одну из центральных проблем рассказа.

³ «То, что казалось мне безусловно ярким и важным, как-то сразу потускнело» [Ефремов, 1993, с. 41].

Таким образом, «Встреча над Тускаророй» – это, безусловно, больше, чем просто рассказ о необыкновенном: случайной встрече кораблей («одной на миллион»), чудесным образом сохранившемся паруснике и необычных открытиях капитана Джессельтона (едкие красные кристаллы, живая вода).

Внешне сюжет строится на случайных встречах кораблей и людей. Структурный анализ показал, что за этими встречами кроются другие, менее очевидные или скрытые, позволяющие посмотреть на текст по-другому.

По подсказке, замеченной в тексте, для исследования рассказа мы применили принцип действия секстанта¹, который помог нам создать искусственные условия для сопоставления (встречи) фактов и частей текста. Встречи, выявленные таким образом, зачастую строятся лишь на эффектах совмещения и отражения, то есть без непосредственного контакта.

Но сами встречи (разрушения, аварии) и характер их протекания (совмещение, отражение) – момент чисто технический (техническим образом и определённый). На пути понимания тех внутренних механизмов, которые решают судьбу этих встреч мы неизбежно сталкиваемся с вопросом веры и неверия. «Святая Анна» продержалась на плаву 133 года благодаря пробковым пластинам, находящимся в трюме. И даже после взрыва и разрушения корпуса содержимое осталось на поверхности воды. По мысли Ефремова, у человека тоже есть некое содержимое (лёгкое, гибкое и долговечное), позволяющее «держаться на плаву». Письмо капитана Джессельтона представляется фактом веры человека: в Бога, в «прославленную крепость корабля», в чудо, в себя². На этом фоне контрастно выглядит сцена разговора с Энн Джессельтон, которая не поверила рассказчику. Её образ балансирует на лезвии бритвы между правнучкой легендарного капитана Джессельтона и пе-

¹ Кроме упоминания секстанта в тексте, следует также обратить внимание на то, что в одной из первых публикаций (Краснофлотец. 1944. № 2. С. 37–43) рассказ идёт с подзаголовком «Румб первый». Ср.: румб как **угол** между двумя направлениями и секстант как «**угломерный снаряд, для наблюдения высоты и взаимного расстояния светил**» [В.И. Даль. Толковый словарь. Т. 4. С. 118].

² Немаловажным в этом смысле является тот факт, что, определяя координаты местонахождения автора в тексте, мы обнаруживаем его именно в письме Джессельтона: Эфраим – Ефрем (Ефремов). В дальнейшем этот же приём он использует в романе «Лезвие бритвы», где рупором авторских идей становится **Иван** Гирин, и в «Гуманности Андромеды», зашифровывая собственное имя в имя одного из главных героев Дар Ветра (Иван с древнеевр. «дар Бога»).

вичкой из прокуренного кабачка, скатываясь в результате неверия к последнему.

Литература

Брандис Е, Дмитриевский Вл. Через горы времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.noogen.su/iefremov/cherez-gory.htm> (дата обращения: 28.01.2011).

Ефремов И. Собрание сочинений: В 6-ти т. М., 1993. Т. 1.

Успенский Л. Лучшее – друг хорошего (Выступление на сессии литературно-критических чтений) // О литературе для детей. Вып. 2. Л., 1957.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации: статья первая. В статье рассматриваются методологические, теоретические и эмпирические предпосылки филологической теории коммуникации.

A.A. Chuvakin. On philological Theory of communication making : First article. The paper considers methodological, theoretical and empirical prerequisites for philological Theory of communication.

А.А. Стриженко. Коммуникативные параметры художественного текста. Таким образом, художественный текст – это достаточно сложное образование, в котором переплетается большое количество параметров и компонентов, выдвигание которых при анализе зависит от позиции, подхода исследователя. Каждый из типов информации художественного текста подчиняется «независимым структурным правилам», однако при восприятии текста они образуют особое структурное единство. Изучение способов лингвистической эффективности художественного текста является одной из основных задач в лингвистике текста.

A.A. Strizhenko. Communicative Parameters of the Fiction Text. Fiction text is a rather complicated structure where a big number of parameters and components interact. They depend on the researcher's approach in the process of analysis. Each type of information in fiction text follows «independent structural rules». In the text perception they make a special structural unity. One of the main purposes in text linguistics is study of linguistic effectiveness modes.

В.Д. Мансурова. Гротескный дискурс повседневности как маркер публичной речевой коммуникации. В статье обосновывается реализация теории «языковой игры Л. Витгенштейна. В эпоху массовой коммуникации она используется для создания специфической субкультуры – виртуального дискурса повседневности. В нем выражается социокультурная и эмоциональная реакция коммуникантов на хаос реальной повседневности. Гротеск как форма их антиповедения формирует особую вербализованную и семиотическую форму публичного взаимодействия.

V.D. Mansurova. Grotesque Discourse of Daily Life as Public Speech Communication marker. In this paper, implementation of the «language play» theory by L. Wittgenstein has been presented and substantiated. It is used to create specific subculture known as “virtual discourse of daily life” in the age of mass communication. This phenomenon expresses sociocultural and emotional reaction of

communicants to the chaos of real daily life. Grotesque as a form of antibehavior constructs special verbalized semiotic form of public interaction.

И.В. Рогозина. Homo Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики. В статье исследуются антропоориентированные ментальные структуры, формируемые под влиянием политического медиаконтекста существования современного человека. В ней предлагается модель Homo Politicus, в основу которой положена иерархия когнитивных признаков, овнешненных участниками ассоциативного эксперимента.

I.V. Rogozina. Homo Politicus as the Object of Cognitive Medialinguistics. The article is a study of anthropooriented mental structures formed by the political mediacontext of contemporary man's existence. It offers a model of Homo Politicus based on a hierarchy of cognitive descriptors singled out by participants of an associative experiment.

Т.Г. Пшенкина. Гетерогенность оснований психолингвистических моделей перевода. Все три атрибута, характеризующие описываемую в статье модель перевода, находятся друг с другом в отношении дополнительности, в результате перевод предстаёт как *психолингвистический* процесс, в котором посредством *интерпретирующей деятельности* индивида на базе оригинала осуществляется речесмыслопорождение текста перевода.

T.G. Pshenkina. Heterogenic Essence of the Psycholinguistic Models in Translation. The article focuses on the description of the psycholinguistic model of the translation process and presents translation as a speech and meaning production resulted from the interpretation activity of the individual.

Е.В. Лукашевич. Технологии воздействия и взаимодействия в региональном политическом дискурсе. В статье с точки зрения достижений современной коммуникативистики и психолингвистики анализируются особенности коммуникативного взаимодействия в региональном политическом дискурсе, исследуются психолингвистические механизмы речевого воздействия политиков на целевую аудиторию.

E.V. Lukashevich. Influence and Interaction Techniques in Regional Political Discourse. The article examines specificity of communicative influence in regional political discourse from the perspective of modern psycholinguistics and communication studies. Further, the author analyzes the psycholinguistic mechanisms of verbal influence employed by politicians in their interaction with voters.

Т.В. Чернышова. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства). Статья посвящена изучению маркеров неискренности в диалоге и способов их использования в речи на примере комплекса побудительных речевых актов, применяемых в ходе реализации речевого жанра «введение в заблуждение», а также роли утвердительных и отрицательных высказываний – ассерций и негаций – в процессе

осуществления этого речевого жанра. Материалом исследования послужили разговорные тексты, попавшие в сферу судебного разбирательства.

T.V. Chernyshova. Verbal Markers of Insincerity in Dialogue (in Spoken Texts within the Scope of Trial). Paper is devoted to the study of markers of insincerity in the dialogue and how to use them in speech as an example of the complex motivations of speech acts used in the course of the speech genre of "misleading", as well as the role of affirmative and negative sentences - asserts and negation - in the implementation of this speech genre. Study is based on material spoken texts that fall within the scope of the trial.

Е.А. Попов. Роль двуязычия в этнокультурной интеграции людей, Статья актуализирует проблему этнокультурной интеграции людей, показывает роль двуязычия в этом процессе. Особое внимание уделяется использованию двуязычия как способа культурной интеграции этнических сообществ в системе образования и в воспитании школьников, развитии «национальных школ».

E.A. Popov. The Role of Bilingualism in the Ethnocultural Integration of People. The article actualizes the problem of ethno-cultural integration of people, shows the role of bilingualism in this process. Special attention is paid to the use of bilingualism as a way of cultural integration of ethnic communities in the educational system and in the upbringing of school children, the development of the «national schools».

М.Г. Шкуропацкая. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей. Статья посвящена описанию синонимических отношений в лексике русского языка путем сопоставления их ассоциативных полей.

M.G. Shkuropatsky. Synonymic Relations of Words in Russian in the mirror of their Associative Fields. Article is devoted to the description of synonymic relations in lexicon of Russian by comparison of their associative fields.

Л.М. Дмитриева. Человек в топонимическом пространстве: событийный стереотип и региональный менталитет. Статья сориентирована на рассмотрение языковых фактов сквозь призму сознания носителя языка, его картины мира, этнолингвистических и аксиологических характеристик. Представлено целостное описание ментально-топонимического стереотипа на фоне регионального менталитета Алтая с максимальным учётом всех антрополингвистических параметров и установлением имманентных принципов его организации. Полученная концептуальная модель ментально-топонимического стереотипа является универсальной, а её конкретная реализация на примере топонимии всякого региона представляет ценную информацию об этнокультурной специфике данного фрагмента русской языковой картины мира, что может свидетельствовать о высокой практической значимости работы.

L.M. Dmitrieva. Man in Toponymic Space : Event Stereotype and Regional Mentality. The article deals with the investigation of language facts within the frameworks of language speaker's consciousness, world concept,

etnolinguistic and axiological characteristics. The description of mental-toponymic stereotype is presented on the basement of Altai regional mentality. Anthropolinguistic parameters and essential principles of organization were considered. This conceptual model of mental-toponymic stereotype is universal. Its concrete realization in different regions gives valuable information about ethnocultural specific character of the fragment of the Russian language world concept. It shows practical aspect of the following research.

О.Г. Левашова. Образ Алтая в русской литературе XIX века. В статье рассматриваются литературные тенденции в XIX веке, сыгравшие свою роль в процессе художественного освоения топоса Алтай, позволившие консолидировать литературные силы, предопределившие расцвет культурной жизни Алтая на рубеже XIX-XX вв.

O.G. Levashova. Image of Altai in Russian Literature of XIX-th Century. The article deals with literary tendencies of XIX-th century that played an important role in the process of fiction development of Altai topos. They consolidated literary forces that gave birth to the cultural life of Altai in XIX-XX centuries.

Н.А. Гузь. Речевая сфера персонажей в романах И.А. Гончарова. В статье диалог в романах И.А. Гончарова рассмотрен как важнейшее жанро- и структурообразующее средство. Представленная эволюция диалога отражает эволюцию жанра, сюжета и конфликта в романах писателя. Представлена типология диалогических структур в трилогии И.А. Гончарова.

N.A. Guz. Speech of Characters in Novels by I.A. Goncharov. The dialogue in novels by I.A. Goncharov is considered as an important genre- and structure making means. The evolution of the dialogue presents the evolution of genre, plot and conflict in the novels. The typology of dialogue structures is presented in trilogy by I.A. Goncharov.

М.П. Гребнева. Художественная составляющая мифа о флорентийском поэте Данте Алигьери в русской литературе XIX – XX вв. В статье рассматривается художественная составляющая мифа о флорентийском поэте Данте Алигьери. Она включает в себя проблемы взаимосвязей языков – русского и итальянского, мифологий – античной и дантовской, любовных историй – Паоло и Франчески в «Божественной комедии» и их двойников в произведениях русских авторов XIX – XX вв.

M.P. Grebneva. The Artistic Aspect of the Myth about Florentine Poet Dante Alighieri in the Russian Literature of 19–20 Centuries. The article deals with the artistic aspect of the myth about florentine poet Dante Alighieri. It touches upon the problem of interrelation of Russian and Italian, antique and dantean mythology as well as love stories of Paolo and Francesca in «Divine Comedy» and these of their counterparts in russian fiction of the 19 – 20 centuries.

В.В. Десятов. «Чужого неба волшебство»: Фрагмент диалога Николая Гумилева и Осипа Мандельштама. Целью статьи стало выявление гумилевских аллюзий в «армянских» текстах Осипа Мандельштама. В частности,

доказывается соотнесенность стихотворения «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...» Мандельштама с «Суданом» и «На далекой звезде Венере...» Гумилева.

V.V. Desyatov. «The Magic of the Foreign Skies»: A Fragment of Nikolay Gumilyov and Osip Mandelshtam Dialogue. The article aims to find out the allusions to the texts of Gumilyov in the «Armenian» texts of Osip Mandelshtam. It proves, particularly, the relations between the poem «Ah, I see nothing, and my poor ear is deaf...» by Mandelshtam and the poems «Soudan» and «On the faraway star Venus...» by Gumilyov.

А.И. Куляпин «Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов». В России после череды войн и революций начала XX века демографический баланс был серьезно нарушен: убыль мужского населения оказалась почти катастрофической. Но логика реальности и логика искусства – это разные вещи, и в литературе, кинематографе, театре 1920–30-х годов особенно популярна система персонажей с одной героиней и множеством героев. Среди наиболее известных произведений с такой расстановкой персонажей – повесть Б. Лавренева «Сорок первый» (1924) и ее одноименные экранизации Я. Протазанова (1927) и Г. Чухрая (1956), «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского (1933), фильмы С. Герасимова «Семеро смелых» (1936) и М. Ромма «Тринадцать» (1936). Характерно, что даже в картине «Остров сокровищ» (1937), снятой В. Вайнштоком по мотивам романа Р. Стивенсона, в роли юнга Джима выступает переодетая в мужское платье Дженни (в исполнении К. Пугачевой). Ситуация «женщина в мужском мире» воскрешает архетипическую символику инициационных ритуалов и мифов, но в то же время позволяет поставить ряд актуальнейших для советской эпохи вопросов.

A.I. Kulyapin «One: Soviet Women in Literature and Culture of the Thirties». In Russia, after a succession of wars and revolutions of the early twentieth century the demographic balance has been seriously affected: loss of the male population was almost catastrophic. But the logic of reality and the logic of art – are different things, and in literature, cinema, theater 1920–30-ies particularly popular system of characters with one heroine and a lot of heroes. Among the most famous works with the placement of characters – the story by B. Lavrenev «The Forty-First» (1924) and its film adaptation of the same name J. Protazanov (1927) and G. Chukhray (1956), «The Optimistic Tragedy» V. Wishniewski (1933), films by S. Gerasimov «Seven bold» (1936) and M. Romm's «Thirteen» (1936). Typically, even in the movie «Treasure Island» (1937), filmed by V. Vainshtok on the novel by R. Stevenson, in the role of cabin boy Jim stands dressed as a male dress Jenny (played by K. Pugacheva). The situation is «a woman in a man's world» raises the archetypal symbols of initiation rituals and myths, but at the same time allows you to put a number of pressing issues for the Soviet era.

А.П. Джура. Текст в современной философской коммуникации: проблема типологической идентификации (на материале произведения П.Д. Успенского «Четвертый путь» (P.D. Ouspensky «The fourth way»). Статья посвящена филологическим проблемам определения типа текста в ус-240

ловиях современной философской коммуникации. Анализ литературы показывает отсутствие единого мнения по поводу категории типа текста в современной филологической науке. Проблемы типологии текстов и создания методики определения типа текста автор помещает в контекст коммуникативных процессов. Автор рассматривает произведение философа и эзотерика П.Д. Успенского «Четвертый путь» в качестве образца текста сложной институциональной природы. Анализ данного текста позволяет показать его обширный философский потенциал, затемненный эзотерической интерпретацией.

A.P. Dzhura. A text in contemporary philosophic communication: the type identification problem (on a material of the P.D. Ouspensky work «The fourth way»). The article is given up to philological issues of text type defining in circumstances of contemporary philosophic communication. The literature analysis achieves the absence of common opinion in contemporary philology about text type category. The issues of text types and creating of text types defining methodology is put to the context of communication processes. The work of P.D. Ouspensky “The fourth way” who was esotericist and philosopher is taken up as a pattern of complicated institutional origin text. The analysis of the text allows us to show its vast philosophic potential that was obscured by the interpretation of it as esotericism.

Д.А. Ичкинеева. Аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста. Статья посвящена рассмотрению стратегий членения семантического пространства текста как способов реализаций категорий дискретности и континуальности. В работе отражены основные особенности синтетической / аналитической стратегий членения семантического пространства текста.

D.A. Ichkineeva. Analytical and Synthetical Strategies of Semantic Space Segmentation of the Text. The article deals with the strategies of semantic space segmentation of the text. These strategies are regarded as realization of such categories as discontinuity and continuity. The general peculiarities of synthetical and analytical strategies of semantic space segmentation of the text are observed.

И.В. Коноваленко. Лингвистическая модель концепта «народ» (опыт ассоциативного исследования). В данной статье представлена лингвистическая модель концепта «народ», выявлены ассоциаты на слово-стимул «народ» и определено их соотношение в структуре данного концепта.

I.V. Konovalenko. Linguistic Model of the Concept «People» (the experience of the associative research). In this article the linguistic model of the concept «people» is presented; the associations on the word-stimulus «people» are revealed and their correlation in the structure of this concept is defined.

А.С. Ерушова. Явление включения как стилевая примета текста современного русского рассказа. Внимание автора статьи сосредоточено на текстовых включениях как явлении языка современной (1990-е–2000-е годы) художественной литературы. В рамках данной работы включения рассматриваются как одна из стилевых примет рассказов современных прозаиков, также в статье анализируются способы введения включений в текст, характер ис-

пользования включений в тексте рассказа, выполняемая ими функция, а также типы и источники включений.

A.S. Yerushova. The Inclusion Phenomenon as a Style Sign of the Text of the Modern Russian Story. The attention of the author of the article is concentrated on the text inclusions as the phenomenon of the modern (1990 – 2000th) fiction's language. Inclusions are considered as one of the style signs of the modern prose. The ways of introduction of inclusions in the text, the character of use of inclusions in the text of the story, their function and also types and sources of inclusions are analyzed in this article.

М.А. Кожевникова. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект). В статье представлен исторический обзор работ, посвященных иноязычным вкраплениям в художественном тексте: определяются факторы, обуславливающие использование в русском тексте вкраплений из разных языков.

M.A. Kozhevnikova. Foreign Inclusions as the Component of Artistic Text. The article covers the historical view of foreign inclusions use in letters by the authors. Also factors which determine the use of foreign inclusions from the different languages in Russian text are researched.

О.С. Цыдендамбаева. К типологическому изучению эвфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского и немецкого языков). Данная статья занимается изучением эвфемистических пластов лексики, представляющая комплексный лингвистический, социальный, психологический феномен. В бурятском языке эвфемизмы специально не изучались. Изучение эвфемии перспективно в плане раскрытия национального своеобразия языковой картины мира. Эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, традиции, обычаи народа.

S.O. Tsydendambaeva. On Typological Study of Euphemisms in Languages of Different Structures (in Buryat, English and German). This article deals with studying of euphemistical layer of vocabulary. It is linguistic, social, psychological phenomenon. It has never been studied in the Buryat language. Euphemisms uncover national originality of world linguistic picture and reflect specialities of national mentality, traditions and customs of people.

Со Кен Ран. Эмоционально-оценочная словообразовательная модификация существительных в русском и корейском языках. В статье субстантивные «формы субъективной оценки», называющие жилище и его части, рассматриваются как результат словообразовательной модификации, характерной для тематических объединений; акцентируется оценочное варьирование диминутивов, возможности десемантизации диминутивного суффикса, а также специфика выражения диминутивности в корейском языке.

So Kyung Ran. Emotional and Estimated Word-building Modification of Nouns in Russian and Korean languages. The article considers the substantive "forms of the subjective estimation" naming dwelling and its parts regarded as the result of the word-building modification, typical for thematic groups. The given

article also accentuates the estimated variation of the diminutives, possibilities of desemantization of the diminutive suffix and the specific character of the expression of the diminutive suffix in the Korean language.

Ю.В. Кобенко. Экзоглосные страты как детерминанта экзоглосного типа языковой эволюции. В статье рассматриваются лексические страты, заимствованные в немецкий язык в процессе исторического развития. Экзоглоссия играет ведущую роль в эволюции германских языков.

Yu.V. Kobenko. Exoglossia Strata as Determination of Exoglossia Type of Language Evolution. The paper is concerned with lexical strata borrowed from foreign languages into German during its historical development. Exoglossia is stated crucial to the evolution of Germanic languages as well as forming up their evolutionary type.

И.Н. Островских. Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева (повесть «Обитатель предместия»). Статья посвящена частной проблеме поэтики выдающегося русского автора XVIII века М.Н. Муравьева - проблеме именованя персонажей в воспитательной прозе. В частности, рассматривается имя как элемент идиллической картины мира в повести «Обитатель предместия».

I.N. Ostrovskikh. Name as an Element of Idyllic Topos in Sentimental Prose by M.N. Muravyov (story «The Suburb Inhabitant»). The article is dedicated to the problem of naming characters in educational prose – a particularistic problem of the poetics of texts by M.N. Muravyov, the Russian author of the XVIII century. Particularly, we analyze name as an element of idyllic universe in the story «The Suburb Inhabitant».

Е.А. Мызникова. Структурно-семиотический механизм рассказа И. Ефремова «Встреча над Тускаророй». В статье представлен анализ рассказа И. Ефремова «Встреча над Тускаророй». На основе структурного анализа элементов текста делаются выводы о некоторых концептуальных особенностях рассказа.

Е.А. Myznikova. The Structurally-Semiotics Mechanism of I. Efremov's Story «A Meeting Over Tuscarora». This article presents the analysis of the short story «A Meeting over Tuskarora» by Ivan Efremov. Through the analysis of structure and structural elements of the text we drew conclusions on some conceptual features of the story.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД

Статьи

Б.Б. Бадмаев. Общемонгольская литература : генеалогические койне монголоязычных народов	1
К.И. Белоусов, Д.А. Ичкинеева. Графосемантическое моделирование структурного синтеза тематического пространства текста.....	1
Л.О. Бугакова. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания	3
А.Д. Васильев. Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм	3
М.В. Влавацкая. Синтагматический аспект лексического значения слова : структура и содержание	2
А.С. Гавенко. Метаинтертекстуальность в художественном тексте (на материале русских рассказов 80-х годов XX–XXI веков)	2
П.С. Глушаков. К вопросу о «поэтике слова» в русской литературе второй половины XX века («традиционная школа»)	2
М.П. Гребнева. Художественная составляющая мифа о флорентийском поэте Данте Алигьери в русской литературе XIX – XX вв.	4
Н.А. Гузь. Речевая сфера персонажей в романах И.А. Гончарова.....	4
В.В. Десятов. «Чужого неба волшебство»: фрагмент диалога Николая Гумилёва и Осипа Мандельштама.....	4
Л.М. Дмитриева. Человек в топонимическом пространстве: событийный стереотип и региональный менталитет.....	4
С.В. Доронина. Дискурсивные приемы выражения мнения.....	1
Е.О. Ершова. И.А. Гейм на службе русскому языку и российскому просвещению.....	1
Л.С. Ефимова. <i>Алгысы</i> в системе культово-обрядовой поэзии саха (якутов) : общие черты эпитетации.....	3
Т.А. Ивушкина. Светский код общения в американской культуре.....	3
Д.Ю. Ильин. Реализация национально-культурного компонента в региональном топонимиконе	2
И.Е. Ким. Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия:	

фрагмент языковой картины мира	2
О.А. Ковалев. Стратегия неопределенности в творчестве Ф.М. Достоевского.....	2
О.Н. Копытов. Авторское начало текста и типизированность коммуникации.....	2
Т.Л. Кузнецова. Коми рассказ рубежа ХХ–ХХІ веков : особенности художественного развития	2
Г.В. Кукуева, И.А. Вагнер. Подчинение как тип отношений между первичным и вторичным текстом на материале современных рассказов-анекдотов	3
Г.В. Куличкина. Коммуникативное напряжение текста в повестях для театра В.М. Шукшина	3
А.И. Куляпин. Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов.....	4
Г.В. Кучумова. Немецкоязычный роман 1980–2000 : «фатальное ускорение века».....	1
О.Г. Левашова. Образ Алтая в русской литературе ХІХ века	4
Е.В. Лукашевич. Технологии воздействия и взаимодействия в региональном политическом дискурсе	4
В.Д. Мансурова. Гротескный дискурс повседневности как маркер публичной речевой коммуникации	4
О.В. Мирошникова. Стихотворение и цикл в архитектонике лирической книги.....	3
Т.Г. Можяева. Время и пространство в литературе и живописи : в поисках общего знаменателя	1
М.Е. Обнорская. Становление канонов «романа из эпохи Регентства» в произведениях Дж. Хейер	1
Б.В. Орехов, М.С. Рыбина. Филипп Супо о «Слове о полку Игореве» : комментированный перевод	3
С.А. Осокина. Тезаурусные связи слова <i>любовь</i> в словаре и тексте	2
Е.А. Попов. Роль двуязычия в этнокультурной интеграции людей	4
Т.Г. Пшенкина. Гетерогенность оснований психолингвистических моделей перевода.....	4
И.В. Rogozina. Homo Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики.....	4
С.В. Синцова. Художественно-смысловые контексты гендерной проблематики в произведениях Н.В. Гоголя	1
И.С. Соколова. Современные тенденции подготовки переводных изданий по естественным наукам	1
А.А. Стриженко. Коммуникативные параметры	

художественного текста.....	4
Ю.В.Трубникова. Лексико-деривационная структура текста.....	1
Е.А. Худенко. Жизнетворчество О.Э. Мандельштама 30-х годов : лестницы и кристаллы.....	3
Т.В. Чернышова. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства).....	4
А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации: статья первая.....	4
М.Г. Шкуропацкая. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей.....	4
А.А. Юнаковская. Фразеологический аспект описания конкретной речевой личности.....	1

Научные сообщения

О.Л. Арискина. Вклад В.П. Светова в развитие русской дериватологии.....	3
И.А. Бедарева. Билингвистический принцип мировосприятия как философско-эстетическая основа поэтики творчества Георгия Кондакова.....	3
И.А. Бедарева. Полисемантические тенденции фольклорно-мифологической системы в прозе современной русскоязычной литературы Горного Алтая.....	2
А.А. Бондаренко. Гендерные различия в освоении грамматики русского языка детьми дошкольного возраста (по данным спонтанной речи).....	2
Д.Р. Валеева. Ключевые понятия в области концептологии.....	2
А.С. Ватутина. Инсекцидный код в пьесе Е. Замятина «Блоха».....	1
М.С. Власов. Оказиональная вербализация эмотивной составляющей музыкальных фраз носителями русского языка (звучающий аспект).....	1
П.С. Глушаков. Черты художественного мира поэзии Алексея Прасолова.....	3
И.Н. Гридина. Пути формирования гипо-гиперонимических отношений на ранних этапах речевого онтогенеза (по материалам эксперимента).....	3
Н.А. Грищенко. Учебные пособия по русскому языку на рубеже веков как отклик на запросы времени.....	3
А.П. Джура. Текст в современной философской коммуникации: проблема типологической	

идентификации (на материале произведения П.Д. Успенского «Четвертый путь»)	4
Ду Хунцзюнь. Очерк о китайских глаголах	
А.С. Ерушова. Явление включения как стилиевая примета текста современного русского рассказа.....	4
Д.А. Ичкинеева. Аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста.....	4
М.И. Кадеева. О национально-культурной специфике картины мира	2
О.В. Каркавина. Импровизация как способ презентации повествовательного материала в романе «Джаз» Тони Моррисон.....	1
Е.И. Клиник. Параметры организации PR-текста как основа его когнитивной модели	2
Ю.В. Кобенко. Экzogлосные страты как детерминанта экzogлосного типа языковой эволюции	4
М.А. Кожевникова. Иноязычные вкрапления как компонент художественного текста (историографический аспект).....	4
И.В. Кокошкина. Лексическая десемантизация как явление принципиально разное в устном дискурсе	1
И.В. Коноваленко. Лингвистическая модель концепта «народ» (опыт ассоциативного исследования).....	4
Ю.И. Королева. Мотив возвращения в антиутопии XX века.....	3
О.В. Марьяна. Абзацное членение текста как показатель его расчленения (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков).....	2
Е.А. Мызникова. Структурно-семиотический механизм рассказа И. Ефремова «Встреча над Тускаророй»	4
Т. Одончимэг. Оказиональная вербализация эмоций при восприятии видео-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента	2
И.Н. Островских. Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева (повесть «Обитатель предместия»).....	4
О.Я. Палкевич. Парадокс как фрактал.....	2
Т.Н. Пермьякова. О семантической структуре многозначного союза.....	1
Н.Ю. Печетова. Концептуальная организация публицистического текста (на материале одного события).....	1
Н.Ю. Полуничева. Адъективация действительных причастий настоящего времени	3

Е.В. Саунина. Вопросительные предложения и их функции в речи Д.А. Медведева и В.В. Путина	3
Ю.В. Седойкина. Семантика диалектных фразеологизмов в брянских говорах (на материале наименований людей)	3
направления движения <i>lai</i> и <i>qu</i>	3
Со Кен Ран. Эмоционально-оценочная словообразовательная модификация существительных в русском и корейском языках	4
Е.В. Соснин Древнегерманская мифопоэтическая формула * <i>welja-bergō</i> «Пророчица на горе»	1
О.А. Тинникова. Бытийные глаголы хакасского языка.....	2
А.О. Топоева. Ассоциативное поле прилагательных <i>weak</i> – <i>слабый</i>	3
В.В. Трубицына. Рецептивные трансформации стихотворения А.С. Пушкина «Вишня» в русской культуре XIX века	3
Д.Г. Трунов. От письма – к клавишам : анализ потерь	1
Т.Ю. Храмова. Обоснование возможности альтернативных вариантов согласования в рамках одной структуры.....	3
Г.Р. Хусанова. Мотив как единица сюжета : общее и различное в сказках башкир и сибирских тюрков	1
в экспликации темпоральных и модальных	
О.С. Цыдендамбаева. К типологическому изучению эвфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского и немецкого языков).....	4
С.Б. Черемисина. Специальность учебно-научного текста: к постановке проблемы.	3
Ю.А. Юнгеров. Мотив богоподмены в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	2
С.С. Яшкин. Семантические корреляции значений в английском языке	2

Филология : люди, факты, события

Н.С. Гребенникова «Диалог культур : поэтика локального текста» : II Международная научная конференция (Горно-Алтайск, 8–13 июля 2010 года)	2
В.Н. Карпухина. Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации-5» (Москва, 15–17 февраля 2011).....	2
А.А. Чувакин. Заседание Президиума Совета по филологии Учебно-методического объединения по	

классическому университетскому образованию
в Барнауле (26–30 сентября 2010 года)..... 1

Проблемы филологического образования

А.А. Чувакин. Введение в спецфилологию: Введение в прикладную филологию для профиля «прикладная филология» (с указанием основного языка / языков) 2

А.А. Чувакин. Основы филологии : примерная программа учебной дисциплины (для всех профилей подготовки) 3

Критика и библиография

Н.В. Орлова. Язык–текст–литература:

коммуникативная парадигма: сб. статей к 70-летию

А.А. Чувакина / под ред. И.Ю. Качесовой и Н.В. Панченко.

Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2011. 496 с..... 3

Е.А. Яковлева. *Башиева З.В.* Частотные словари судебных выступлений А.Ф. Кони. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. 198 с..... 1

НАШИ АВТОРЫ

**ГРЕБНЕВА,
Марина Павловна**

– доктор филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: gmarinagr@mail.ru

**ГУЗЬ,
Наталья
Александровна**

– доктор филологических наук, доцент Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина (Бийск).
E-mail: gna@city.biisk.ru

**ДЕСЯТОВ,
Вячеслав
Владимирович**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: galton67@yandex.ru

**ДЖУРА,
Алексей Павлович**

– аспирант Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: dzhuralexey@gmail.com

**ДМИТРИЕВА,
Лидия Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: dmitrlm@mail.ru

**ЕРУШОВА,
Анна Сергеевна**

– аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: lispelwort@list.ru

ИЧКИНЕЕВА,
Дилара Ахметовна

– аспирант Оренбургского государственного университета.
E-mail: ichkineeva@mail.ru

КОБЕНКО,
Юрий Викторович

– кандидат филологических наук Национального исследовательского Томского политехнического университета.
E-mail: serpentis@list.ru

КОЖЕВНИКОВА,
Мария Анатольевна

– соискатель Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: froehlich@yandex.ru

КОНОВАЛЕНКО,
Ирина Владимировна

– кандидат филологических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: irkonovalenko@yandex.ru

КУЛЯПИН,
Александр Иванович

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru

ЛЕВАШОВА,
Ольга Геннадьевна

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: olevashova@mail.ru

ЛУКАШЕВИЧ,
Елена Васильевна

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: lmce@mail.ru

МАНСУРОВА,
Валентина Дмитриевна

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: mvd1951@mail.ru

- МЫЗНИКОВА,
Екатерина Андреевна** – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: zrachok@inbox.ru
- ОСТРОВСКИХ,
Ирина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: irina.ostro@yandex.ru.
- ПОПОВ,
Евгений Александрович** – доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: basic_staff@socio.asu.ru
- ПШЁНКИНА,
Татьяна Геннадьевна** – доктор филологических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: t_pshenkina@hotmail.com
- РОГОЗИНА,
Ирина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru
- СО КЕН РАН** – аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: rnsya@hanmail.net
- СТРИЖЕНКО,
Адель Алексеевна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: sovet01@filo.asu.ru
- ЦЫДЕНДАМБАЕВА,
Оюна Сергеевна** – аспирант Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).
E-mail: ozdjuna@inbox.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор . Подписано в печать . Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 341.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.